

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

DOAJ
seal

2023 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 5 № 3

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 5 No. 3

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 5, № 3 | 2023

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Этнография, этнология и антропология:**
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
 - 5.6.1. Отечественная история

- Языки и литературы народов мира:**
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
 - 5.9.2. Литературы народов мира
 - 5.9.4. Фольклористика
 - 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
 - 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Этнокультурные проблемы образования:**
- 5.8.1. Общая педагогика, истоки педагогики и образования
 - 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Камчаткина Мария Сергеевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10503
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9.07. Заказ K-1189. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	26.09.2023
Дата выхода в свет	29.09.2023

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 5 No. 3 | 2023

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:

- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philological sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Maria S. Kamchatkina

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10503
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 9.07. Order K-1189. Circulation 100 copies.
Signed in the print	26 September 2023
Date of publication	29 September 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Иноятов Сулейман Иноятович, д-р ист. наук, профессор кафедры национальной идеологии, основ духовности и правового воспитания, Бухарский государственный университет, г. Бухара, Республика Узбекистан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранный язык и методика обучения иностранному языку», Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, г. Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, действительный член – академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный консультант Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Яниоэло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Комратский государственный университет, г. Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Брагина Дария Григорьевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этносоциальных и этноэкономических исследований, Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Владыкина Татьяна Григорьевна, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетишина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджужов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учавевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Кущаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Матлин Михаил Гершенович, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник мировой литературы гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбзудкаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Sulaymon I. Inoyatov, doctor of historical sciences, professor of the department of national ideology, fundamentals of spirituality and legal education at Bukhara State University (Uzbekistan), academician at Turon Academy of sciences, academician at "International Teacher's Training Academy of Science", Bukhara, Republic of Uzbekistan

Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages", Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori, doctor of humanities (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Myratgeldi Soyegov, doctor of philological sciences, professor, full member-academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, visiting research adviser at Makhtumkuli Institute of Language, Literature and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Daria G. Bragina, doctor of historical sciences, chief research fellow of the department of ethnosocial and ethnoeconomical research, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Tatyana G. Vladykina, doctor of philological sciences, professor, leading research fellow of Philological Research Department, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Mikhail G. Matlin, doctor of philological sciences, professor of Russian language, literature and journalism department, Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of PPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора	7
--------------------	---

Этнография, этнология и антропология

Обзорные статьи

Озеро Светлояр в современном сакральном дискурсе	8
<i>М. Г. Матлин, А. Д. Ефимова</i>	
Традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса	16
<i>А. К. Салмин</i>	

Языки и литературы народов мира

Обзорная статья

Репрезентация кулинарно-гастрономического кода современной культуры в демотиваторах: лингвокультурологический аспект	21
<i>О. А. Дмитриева, Д. В. Андреева</i>	

Научная статья

Тополектизация поэтического текста в годы формирования китайской «новой поэзии»	29
<i>Ю. А. Дрейзис</i>	

Обзорная статья

Этнические архетипы в первом саамском романе «Алхалалай» Н. Большаковой	37
<i>А. А. Емашев, В. Б. Бакула</i>	

Научная статья

Татарский пласт в системе терминов родства бесермян	43
<i>С. А. Максимов</i>	

Обзорная статья

Когнитивно-прагматическая характеристика романа С. Кинга «Кладбище домашних животных»: опыт компаративного анализа оригинального и переводного текстов	49
<i>С. Н. Семенова, А. В. Жандарова, Д. Н. Секунов</i>	

Научная статья

Литературоведческое и переводческое восприятие пьесы А. Н. Островского «Бесприданница» в Китае	57
<i>М. Шэнь, Г. И. Модина</i>	

Этнокультурные проблемы образования

Обзорные статьи

Уважение к старшим как традиция воспитания в современной хакасской семье	63
<i>К. И. Султанбаева</i>	
Подготовка народных певцов в вузе: подходы к определению содержания профессиональных компетенций	69
<i>А. В. Уляндина</i>	

Обзоры и рецензии

Рецензия на: Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан : ТӘҺСИ, 2015–2021	76
<i>А. М. Иванова</i>	

CONTENTS

From the editor-in-chief	7
---------------------------------------	----------

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Review Articles

Lake Svetloyar in modern sacred discourse.....	8
<i>Mikhail G. Matlin, Arina D. Efimova</i>	

Traditions of Chuvash and Kalmyk fairy tale epic.....	16
<i>Anton K. Salmin</i>	

World languages and literature

Review Article

Representation of culinary and gastronomic code of modern culture in demotivators: linguistic and cultural aspect	21
<i>Olga A. Dimitrieva, Diana V. Andreeva</i>	

Research Article

Poetic topolectization in the formative years of the Chinese “new poetry”	29
<i>Yulia A. Dreyzis</i>	

Review Article

Ethnic archetypes in the first Sami novel “Alkhalalalai” by N. Bolshakova.....	37
<i>Andrey A. Emashev, Viktoria B. Bakula</i>	

Research Article

The Tatar layer of words in the system of kinship terms of the Besermans.....	43
<i>Sergey A. Maksimov</i>	

Review Article

Cognitive and pragmatic characteristic of S. King’s work “Pet Cemetary”: experience in comparative analysis of original and translated texts.....	49
<i>Sofia N. Semenova, Anna V. Zhandarova, Denis N. Sekunov</i>	

Research Article

The literary and translatory perception of A. N. Ostrovsky’s play “Without a dowry” in China	57
<i>Mengqi Shen, Galina I. Modina</i>	

Ethno-Cultural Problems of Education

Review Articles

Respect for elders as a tradition of upbringing in a modern Khakass family.....	63
<i>Klavdiya I. Sultanbaeva</i>	

Pedagogical conditions for the formation of professional competence of students in the direction of training “the art of folk singing”	69
<i>Augusta V. Uliandina</i>	

Reviews and Peer-Reviews

Review of: Explanatory dictionary of the Tatar language. Kazan, 2015–2021	76
<i>Alena M. Ivanova</i>	

Дорогие авторы и читатели!

В июне 2023 года произошло важное событие для авторов, рецензентов и читателей нашего журнала – XV Конгресс антропологов и этнологов России. Организаторами мероприятия выступили: Ассоциация антропологов и этнологов России; музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербургский государственный университет; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. В работе конгресса приняли участие 803 человека из 11 стран. Среди них – члены редколлегии и рецензенты журнала «Этническая культура»: Т. Б. Агранат, Д. Г. Брагина, Э. В. Екеева, М. В. Куцаева, М. Н. Мелютина, А. К. Салмин, К. И. Султанбаева, С. Н. Федорова, З. Б. Цаллагова, Ж. М. Юша, Е. А. Ягафова и др.

Члены редакционной коллегии раздела «Этнокультурные проблемы образования» поделились с читателями журнала своим мнением.

К. И. Султанбаева: «Для российских этнопедагогов появилась счастливая возможность обменяться научными достижениями в рамках XV Конгресса антропологов и этнологов России. В работе секции «Этнопедагогика как фактор сохранения этнокультурного наследия народов страны и средство формирования гражданского сознания и национального самосознания» принимали участие представители научной школы академика Г. Н. Волкова, а также исследователи истории отечественного образования. Деловое обсуждение актуальных проблем сохранения этнокультурного наследия в регионах страны происходило в теплой и дружеской обстановке, в каждом выступлении оживали народные традиции или обычаи».

С. Н. Федорова: «Это замечательное событие позволило этнопедагогам из разных регионов страны (Хакассия, Якутия, Чувашия, Марий Эл и др.) обсудить результаты научных исследований в разных направлениях, среди которых: методологические аспекты реализации принципов народности, организация этнопедагогических практик в мультикультурном социуме, практика этнопедагогизации образовательной деятельности в кочевом лагере, использование этнографических материалов в мероприятиях детского сада и др. Все это говорит о том, что этнопедагогика продолжает развиваться и в теоретическом, и в практическом аспектах».

З. Б. Цаллагова: «Во время работы конгресса было очевидно, что участники этнопедагогической секции по-прежнему ощущают себя членами большой научной семьи, продолжателями дела и идей нашего дорогого и незабвенного учителя Геннадия Никандровича Волкова. Были высказаны предложения о необходимости более тесного сотрудничества этнопедагогов из всех регионов страны и предложена идея создания (может быть на базе Института этнологии и антропологии РАН) постоянно действующего он-лайн семинара, где бы могли выступать со своими сообщениями этнопедагоги всей страны и их ученики».

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений! Пусть трудолюбие, искренность, профессионализм позволяют решать самые сложные задачи, покорять любые вершины!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н. И.,

ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

In June 2023 there was an important event for the authors, reviewers and readers of our journal - the XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. The event was organised by: the Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia; the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University; the Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. The Congress was attended by 803 participants from 11 countries. Among them - members of the editorial board and reviewers of the journal "Ethnic Culture": T. B. Agranat, D. G. Bragina, E. V. Ekeeva, M. V. Kutsaeva, M. N. Melutina, A. K. Salmin, K. I. Sultanbaeva, S. N. Fedorova, Z. B. Tsallagova, J. M. Yusha, E. A. Yagafova and others. Members of the editorial board of the section "Ethno-cultural problems of education" shared their opinions with the readers of the journal.

K. I. Sultanbaeva: "Russian ethnopedagogues have a lucky opportunity to exchange scientific achievements within the framework of the XV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. In the work of the section "Ethnopedagogy as a factor in preserving the ethno-cultural heritage of the country's peoples and a means of forming civic consciousness and national identity" participated representatives of the scientific school of Academician G. N. Volkov, as well as researchers of the history of national education. Business discussion of topical problems of preserving ethno-cultural heritage in the regions of the country took place in a warm and friendly atmosphere, folk traditions or customs came to life in each presentation".

C. N. Fedorova: "This wonderful event allowed ethnopedagogues from different regions of the country (Khakassia, Yakutia, Chuvashia, Mari El, etc.) to discuss the results of scientific research in different directions, including: methodological aspects of the implementation of the principles of nationality, organisation of ethnopedagogical practices in a multicultural society, practice of ethnopedagogicalisation of educational activities in a nomadic camp, use of ethnographic materials in kindergarten activities, etc.". All this suggests that ethnopedagogy continues to develop in both theoretical and practical aspects".

Z. B. Tsallagova: "During the congress it was obvious that the participants of the ethnopedagogical section still feel themselves as members of a large scientific family, continuers of the work and ideas of our dear and unforgettable teacher Gennady Nikandrovich Volkov, proposals were made about the need for closer cooperation of ethnopedagogues from all regions of the country and the idea of creating (maybe on the basis of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences) a permanent online seminar, where ethnopedagogues from all over the country could make their reports

Dear readers, authors and reviewers! The editorial board, scientific staff and management of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements! May your hard work, sincerity and professionalism allow you to solve the most difficult problems and conquer any heights!

With sincere wishes

Natalia I. Baskakova,

rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Озеро Светлояр в современном сакральном дискурсе

<https://doi.org/10.31483/r-107138>

УДК 398.32+291.35

Матлин М. Г.^а, Ефимова А. Д.^бУльяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова

г. Ульяновск, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>, e-mail: matlin@mail.ru^б <https://orcid.org/0000-0003-0832-9145>, e-mail: rinboss@mail.ru

Резюме. Работа посвящена выявлению особенностей сакрального дискурса озера Светлояр, расположенного в Нижегородской области. Материал анализа – тексты интервью, взятые у жителей с. Владимирское и гостей, посетивших это место, видеоконтент, размещенный в социальной сети «YouTube», а также публикации в средствах массовой информации. Проведенный анализ раскрывает своеобразие сакрального дискурса озера Светлояр сегодня как сложного и конфликтного сочетания православного дискурса, дискурса неоязычников, представителей нью-эйдж, индивидуальной религиозности, а также экскурсионной деятельности сотрудников музейно-туристского комплекса «Град Китеж». В статье делается вывод о том, что для всех них озеро Светлояр – природное сакральное пространство, одно из тех мест в России, в котором наиболее сильно проявляется или русская национально-культурная самобытность, или духовная уникальность всего человечества, или источник индивидуального «вращения духа». Результаты исследования подтверждают, что озеро Светлояр как одно из важнейших сакральных пространств России с корпусом различных нарративов, раскрывающих его особую природу и статус, с комплексом ритуальных практик, сформировавшихся вокруг него, остается значимым и активно функционирующим в современном социально-культурном пространстве.

Ключевые слова: природное сакральное пространство, озеро Светлояр, почитание святого места, град Китеж, сакральный дискурс.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23–28–01265, проект «Специфика освоения человеком традиционного сакрального пространства в постсоветской России (на примере Ульяновской и Нижегородской областей)».

Для цитирования: Матлин М. Г. Озеро Светлояр в современном сакральном дискурсе / М. Г. Матлин, А. Д. Ефимова // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 3. С. 8-15. DOI 10.31483/r-107138. EDN NHZXKG

Review Article

Lake Svetloyar in modern sacred discourse

Mikhail G. Matlin^a, Arina D. Efimova^b Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
Ulyanovsk, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>, e-mail: matlin@mail.ru^б <https://orcid.org/0000-0003-0832-9145>, e-mail: rinboss@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of the sacred discourse of Lake Svetloyar. The material of the analysis is the texts of interviews taken from residents of the village of Vladimirsky and guests who visited this place, video content posted on the YouTube social network, publications in the media dedicated to the lake. The conducted discourse analysis reveals the peculiarity of the sacred discourse of Lake Svetloyar today as a complex and conflicting combination of Orthodox discourse, the discourse of neo-pagans, representatives of new age, individual religiosity, as well as the excursion activities of employees of the Museum and Tourist Complex “Grad Kitezh” in the village of Vladimirskoye. The article concludes that for all of them Lake Svetloyar is a natural sacred space, one of those in Russia in which either the Russian national and cultural identity, or the spiritual uniqueness of all mankind, or the source of individual “cultivation of the spirit” is most strongly manifested. The results of the study confirm that Lake Svetloyar, as one of the most important sacred spaces in Russia with a corpus of various narratives revealing its special nature and status, with a complex of ritual practices formed around it, remains significant and actively functioning in the modern socio-cultural space.

Keywords: natural sacred space, lake Svetloyar, veneration of the holy place, city of Kitezh, sacred discourse.

Funding. The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation №23-28-01265, the project “Specifics of human development of traditional sacral space in post-Soviet Russia (on the example of the Ulyanovsk and Nizhny Novgorod regions)”.

For citation: Matlin M. G., & Efimova A. D. (2023). Lake Svetloyar in modern sacred discourse. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 8-15. EDN: NHZXKG. <https://doi.org/10.31483/r-107138>.

Введение

Среди сакральных природных объектов, почитаемых русской православной церковью, особо выделяется озеро Светлояр, расположенное в Воскресенском районе Нижегородской области. Формирование этого почитания обусловлено культом незримого небесного града Китежа, некогда стоявшего у этого озера и спасенного от врагов вмешательством божественной силы. Именно благодаря этому культу со второй половины XIX в., «сюда устремлялись гонимые старообряд-

цы, а затем и сотни паломников, которые шли на озеро по обету или просто замаливать грехи. Некоторые тут и оставались. Они вырывали землянки и жили в них, питаясь приношениями жителей окрестных деревень. Их называли скрытниками, отшельниками» [Блинкова, Бородько, Одинцова, Савушкина, 1973, с. 118].

Если в XIX в. православная церковь официально не признавала особый религиозный статус невидимого града Китежа, сакральность окружающего его пространства, то уже в начале XX в. ситуация начинает

меняться. На одном из холмов у озера строится православная церковь, православные священнослужители начинают принимать участие в богословских прениях с паломниками-старообрядцами. Одновременно с богословскими диспутами «собиравшиеся читали текст Книги глаголемой летописец и рассказывали о так называемых «чудах», то есть о необычайных явлениях, непосредственно связанных с легендой, но не имеющих ничего общего с ее письменным текстом, – это были рассказы о звоне колоколов Китежа, который слышали благоверные и праведные, о куполах и крестах церквей Китежа, на которые натыкались, в зависимости от версий, лодки тех, кто осмеливался ловить рыбу в Светлояре, или плуги тех, кто осмеливался пахать холмы, окружающие его, и о том, как жители невидимого города показывались самым верным и даже принимали их в свое лоно» [Мотасова, 1964, с. 169–170].

В советский период, как отмечает Н. И. Савушкина в статье, обобщающей результаты фольклорно-этнографической работы в регионе в 1968–1970 гг., «активизировались рассказы о необыкновенных свойствах светлоярской воды и трав, о «святых местах» в окрестности» [Савушкина, 1972, с. 75]. Ее выводы были подтверждены и в ходе фольклорно-этнографической экспедиции, проведенной А. В. Кулагиной и В. А. Ковпик в 2003 г. А. В. Кулагина, в частности, писала: «Следует отметить, что творческая фантазия местного населения обращена сейчас не к граду Китежу, а к самому Светлояру, к его загадочным, еще не объясненным наукой свойствам. Идея приобщения к «сокровенному граду» не волнует даже специально приходящих сюда богомольцев» [Кулагина, 2004, с. 67]. Тем не менее, на престольный праздник села (6 июля) озеро Светлояр, как и в начале века, становится своеобразным центром активной религиозной жизни. Сюда «стекаются паломники разных конфессий (и православные, и староверы, и сотрудники Международного центра космического разума, и кришнаиты, и «рерихи» (последователи учения Рериха) и др.)» [Кулагина, 2004, с. 69]. Такое многообразие посетителей озера в день празднования иконы Владимирской Божьей Матери шестого июля или на праздник Ивана Купалы в ночь с шестого на седьмое июля свидетельствует, что отношение к этому месту как к сакральному пространству не исчезло. Весьма значимо также организованное паломничество прихожан разных церквей Нижегородской области и других регионов России. Необходимо указать и на активную миссионерскую деятельность приходского священника отца Владимира, а также на разнообразную работу, проводимую природным парком «Воскресенское Поветлужье» в с. Владимирское: пешие экскурсии к озеру, знакомство с экспозицией историко-художественного музея «Китеж», один из залов которого посвящен Светлояру.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили углубленные интервью, взятые у жителей с. Владимирское и гостей, посетивших это место; контент, размещенный в социальной сети «YouTube»; публикации в средствах массовой информации, посвященные Светлояру. Изучение указан-

ных вербальных и мультимодальных текстов осуществлялся при помощи дискурс-анализа, определяющего «на основании каких дискурсов создан текст, в каких ситуациях он используется (доводится до аудитории), технология производства текста» [Ирхин, 2014, с. 130].

В работе широко применяются полевые материалы авторов (ПМА).

Результаты исследования и их обсуждение

Сакральный дискурс. Под дискурсом мы будем понимать «сложное коммуникативное явление, включающее помимо текста и ряд внелингвистических факторов (установки, цели адресатов, их мнения, самооценки и оценки другого)»¹. Так как в социальном контексте дискурс может быть определен как «ценностное языковое сообщество, полевая формация, где участники «нащупывают» точный язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы)» [Тимошук, Тимошук, 2015, с. 64], то «сам термин «дискурс» требует соответствующего определения – «политический дискурс», «научный дискурс», «философский дискурс» [Гутнер, Огурцов, 2000, с. 671].

Одним из разновидностей дискурса является сакральный, который обусловлен представлением «о разделении мира на профанный (светский, обычный) и сакральный (священный, эзотерический)» [Астафурова, Олянич, 2015, с. 158]. Само же сакральное сегодня осмысливается двояко. С точки зрения теоцентрического подхода, оно может быть определено как комплексный феномен, ядром которого является трансцендентное, или невыразимое Целое [Мелихов, 2010, с. 113], «значение которого актуализируется различными лингво-семиотическими способами – вербальным (тексты, языковые формулы), акциональным (действия, обряды, ритуалы), предметным (вещи, здания), персональным (существа, персонажи, лица) и т.д.» [Астафурова, Олянич, 2015, с. 158]. А с точки зрения социоцентрического подхода, сакральное может обозначать любые «области бытия и состояния сущего, воспринимаемые сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные»². Как писал один из основоположников такого подхода Р. Кайуа, «все что угодно может стать ее носителем и тем самым обрести в глазах индивида или коллектива ни с чем не сравнимый престиж» [Кайуа, 2003, с. 152]. М. Лейрис и Ж. Батай, представители кружка «Коллеж социологии», отказались и от социального понимания сакрального и «редуцировали его к столь же необычному, но теперь уже индивидуально значимому переживанию» [Мелихов, 2010, с. 111].

При этом важно отметить, что и в теоцентрическом подходе в рамках концепции «живой религии» также произошел перенос акцента на персональную интер-

1 Гутнер Г. Б., Огурцов А. П. Дискурс // Новая философская энциклопедия : в 4 томах / Институт философии Российской академии наук. Москва : Мысль, 2000. Том 1. С. 671.

2 Забияко А. П. Сакральное // Культурология : энциклопедия : в 2-х томах. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2007. Том 2. С. 440.

претацию «религиозной традиции, к которой человек себя причисляет» [Гришаева, Фархитдинова, Шумкова, 2017, с. 108], на то, «как люди проживают религию в своей повседневной жизни как в частной, так и в общественной сфере» [Трубина, Лубна, 2020, с. 188].

Однако несмотря на то, что в современном мире процесс сакрализации вышел за сферу религиозного, сакральное по-прежнему ярче и полнее всего проявляется именно в этой сфере. Тем более, что сегодня в мире и в России проявляется «оживление религий». И это не только увеличение числа верующих, «различные религии все чаще заявляют о себе как о реальной действующей силе, способной серьезным образом влиять на протекающие в сегодняшнем мире процессы» [Узланер, 2008, с. 140]. Важно также, что наряду с традиционными мировыми религиями (христианством, исламом, буддизмом) весьма значительную роль теперь играют нетрадиционные религии, под которыми подразумеваются «религиозные комплексы, которые исторически не унаследованы от прошедших эпох определенным этносом, не свойственны его религиозной духовности, не укоренились в быту, культуре, а распространились в результате миссионерской деятельности проповедников с их исторической родины»³. Некоторые из них «являются результатом религиозной инициативы отдельных личностей. Базируясь на определенной вероисповедной традиции или синкретизме нескольких, они создают новое вероучение, культ, организацию»⁴.

Среди таких новых религиозных движений в России популярны неоязычники, «Международное общество сознания Кришны» (религиозная организация вайшнавов), именуемое также «Движением Харе Кришна», эзотерические (окультиные) объединения, Церковь последнего завета (Церковь Виссариона) и др. Особо выделим среди нетрадиционных религиозных движений «так называемые «религии Нового века», или нью-эйдж (от англ. New Age – «новая эра», «новый век») – обобщенное наименование ряда разнообразных мистико-окультиных религиозных групп, не имеющих единообразной организации и обрядовой практики. Вероучения нью-эйдж весьма аморфны и синкретичны, включают в себя элементы различных религий, эзотерических доктрин, «духовного» врачевания, экологических и других учений» [Элбакян, 2018, с. 42].

Озеро Светлояр, признанное еще в начале XX в. одним из духовных и религиозных центров России, сегодня стало тем местом, в котором сошлись многие как традиционные (православие, в том числе старообрядчество), так и нетрадиционные религии. Как отмечал Д. В. Семикопов, «в наши же дни образ Китежа претерпевает новую метаморфозу. Сейчас вокруг него скапливаются не богоискатели и христианские миссионеры, а представители тех движений, которые обычно относят к New Age. <...> Но есть среди посещающих сегодня Светлояр и неоязычники, и последователи движения «Живой этики» (для них очень важна парадигма «Светлояр-Беловодье-Шамбала», которая имеет

3 Новые религиозные культы, движения и организации в России : словарь-справочник. Москва : Издательство РАГС, 1998. С. 37.

4 Там же. С. 41.

источником творчество Н. Рериха), и анastasийцы, и кришнаиты, и много кто еще» [Семикопов, 2012, с. 76]. Для всех них оно – сакральное пространство, которое определяет своеобразие дискурсов, порождаемых соответствующими религиозными движениями.

Рассмотрим некоторые из них.

Варианты сакрального дискурса озера Светлояр.

Православный дискурс Русской православной церкви Московского патриархата и старообрядчества, для которого озеро Светлояр – место существования незримого небесного града Китежа, реализуется прежде всего в многообразной деятельности отца Владимира – настоятеля прихода церкви Владимирской иконы Божией матери в с. Владимирское, важнейшими из которых является создание православного информационного фона вокруг озера (в определенных местах установлены таблички с молитвами, формирующие и поддерживающие православное осмысление данного природного пространства) и еженедельным крестным ходом с молитвами вокруг озера, которое священнослужитель объясняет его участникам как движение вокруг «невидимого святого града Китежа»: «И я уже третий, четвертый год такую инициативу проявил – я иду каждую субботу в летний период преимущественно, три месяца, будем говорить, если тепло, сухо, то есть с конца мая, а так в основном с июня и где-то там осенью, может до Покрова иногда, то есть к 12 часам я подхожу в храм, облачаюсь, беру икону Казанской Божьей Матери, выхожу и рассказываю о той традиции, которая имела место здесь, личная, частная, и групповая, и крестным ходом обхожу, один круг делаю вокруг озера. Иду первым, читаю различные молитвы. Ну, я призываю тоже молиться мысленно, я же не буду кричать. Но если кто-то мне помогает, иногда со мной бывают певчие, приходит женщина, голос у нее зычный такой, там, «Богородица, Дева, радуйся». У некоторых, где кресты стоят, останавливаются, я опять рассказываю о традиции: что, почему здесь так-то так.

Когда я иду крестным ходом по субботам, а сейчас жарко же, и там на стоянке тысячи машин в день, и по этой аллее идут взад-вперед люди как демонстрация все равно что. А там вокруг озера, с этой стороны как подходишь, масса людей, масса. Где купальни, там купаются, хотя написано, что не разрешено купание, потому что там охраны нет, еще кто-то утонет даже. И вот мы идем крестным ходом, вдруг раз, что такое – непонятно, и начинают задумываться: что-то здесь не так, как это вокруг озера ходить? Это же глупость какая-то, язычество, правильно. Я вот когда рассказываю перед крестным ходом: вы сейчас забейте туда (в поисковике. – М. М.), какое озеро в мире, вокруг которого ходят с молитвой? Выпрыгнет Светлояр. В мире, не в России. Есть красивые, но люди никто не ходит. Сам факт – ходить вокруг озера – глупость какая. Да мало того, аскетичная форма – на четвереньках!

И здесь ходим-то мы не вокруг озера, а вокруг невидимого святого града Китежа, как мы крестным ходом ходим вокруг храма на Пасху, допустим. Вокруг монастыря ходим. <...> И здесь мы ходим, об этом же я и говорю – глупость ходить вокруг озера! Ну что это

такое – с молитвой, еще оползает там! Вокруг этого града, святого города, где жили праведники! Есть такое выражение: ходили не на озеро, не к озеру, а на горы. Есть неуставная молитва, я ее года три нашел, женщина написала: «Святые горы, святые воды, святые соборы, святые преподобные жители святого града Китежа благословите...» и просьба идет» (ПМА).

В меньшей степени, но также реализован сакральный дискурс и представителями старообрядческой церкви, в рамках которого холмы вокруг озера в соответствии с одной из версий легенды о граде Китеже (он ушел не под воду, а скрылся под землей) – это места, указывающие на расположение храмов града Китежа.

Согласно рассказу отца Владимира, «У них (у старообрядцев. – М. М.), если лицом встать на храм, это гора Воздвиженская, с левой стороны – это гора Благовещенная, а с правой, как начинаешь идти – это Успенская. У них там стоит крест. У них есть специальное место у старообрядцев, там крест стоит. Ну, его обновили. Они там собираются. Есть фотография. Они собираются там, огораживаются полотном с трех сторон, аналойчик там разложат, и они, значит, там молятся по-своему. А потом у нас патриарх Александр, беглопоповский из Ново-зыбково, он сюда приезжал, вот они кресты поставили на могилах трех старцев, большие, громадные кресты поставили». – «Это на кладбище?». – «Не на кладбище, в лесу. Есть у нас ключик Кибелёк, там колодчик, берут воду, рядом купальня есть, ведра стоят, тазы, кто обливается, купель-то неглубокая. А потом еще метров 150–200 пройти в лес и там, значит, такое пространство и три креста и могила старцев» (ПМА).

Неоязыческий дискурс. С точки зрения неоязычества, озеро Светлояр – место существования града Китежа, бывшего в прошлом у восточных славян одним из самых крупных религиозных центров культа Ярилы. Неоязычество, как считает В. А. Мартинович, можно определить как «совокупность организаций, общностей и смысловых конструкций, сформировавшихся вокруг идеи возрождения древних дохристианских религиозных верований, традиций, обычаев и обрядов разных стран мира» [Мартинович, 2016, с. 161–162]. В качестве примера данного дискурса приведем видеозапись «Озеро Светлояр. Мифы и рифы», размещенное на видеохостинге «YouTube». Оно представляет собой сочетание инструментальной музыки, репродукций на темы славянского прошлого и закадрового вербального текста, в котором есть такие важнейшие для неоязычества элементы, как указание на славянское племя берендеев, потомки которого сохранили до наших дней сведения о культе Ярилы, на книгу Коляды, в которой представлен «свод древнейших славянских преданий о Сотворении Мира, о богах и героях согласно белогорской и берендеевской традициям»⁵.

«Озеро Светлояр, в котором, согласно легенде, скрылся священный град Китеж, находится в районе Поволжья, и с очень давних времен известно как центр языческой веры. Само название озера происходит от двух древнерусских слов – светлый, то есть чистый праведный, и Яр, являющегося корнем имени языческого солнечного божества Ярилы, которому покло-

нялись древние племена славян. С озером Светлояр связано множество легенд дохристианского периода. В них упоминается и град Китеж. О нем говорится в древнейшем священном источнике языческой веры «Звездной книги Коляды». В районе озера Светлояр жило-было славянское племя берендеев. Их потомки до сегодняшнего дня сохранили предания о том, что еще с древнейших времен в Китеже находился один из самых крупных религиозных центров культа Ярилы. Это место считалось священным для русских князей. В условиях, когда была полностью уничтожена письменность и культура Древней Руси, одним из живых источников, повествующих о древней культуре, остались памятники устного народного творчества: сказки, былины, песни и заговоры. Вся информация о жизни наших предков и наша история в них зашифрованы в образах. Нам нужно совсем чуть-чуть потрудиться, чтобы эту образную информацию перевести в логический смысл»⁶.

О деятельности неоязычников на озере говорил в своем интервью и отец Владимир. «<...> у нас тут на озере на Успенской горе притащили идола – Перун там или кто, вырезан красиво, с рунами. Поставили три чашки – молоко, зерно... Место обозначили для себя там, чтобы ходить, поклоняться» (ПМА).

На озере Светлояр часто проводят свои мероприятия нижегородские неоязычники. В 2019 г. они, например, провели здесь праздник Коляды – день зимнего солнцестояния (21 и 22 декабря)⁷.

Дискурс представителей New Age. Для последователей нью-эйдж сообщества озеро Светлояр – место силы, источник особой энергии. Как отметил один из ведущих специалистов в этой области В. А. Шнирельман, «... сегодня отдельные «места силы» возникают там, где активисты новых религиозных движений чувствуют наличие «особой энергетики». Это связано либо с особыми географическими точками и геологическими образованиями (Сейд-озеро на Кольском [полуострове]), либо с обнаруженными археологами остатками первобытных поселений (Аркаим на Южном Урале, Каменная Могила под Мелитополем, Окунево в Омской обл.) или дольменами (на Черноморском побережье Краснодарского края)» [Шнирельман, 2014, с. 3].

О самом же движении, как полагает А. Тюхтяев, можно «говорить как о дискурсе, который формирует-ся вокруг некоего ареала текстов и практик, таких как, например, ченнелинг или паломничество к «местам силы» [Тюхтяев, 2017, с. 98].

Ченнелинг (от английского *channeling* «процесс передачи») – это «способ установления связи с Высшим разумом, который находится на более высоком уровне сознания, чем мы, и обладает необъятным количеством знаний»⁸.

В качестве примера приведем сеанс ченнелинга представителя нью-эйдж Р. Романова, который опре-

6 Озеро Светлояр. Мифы и рифы. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=Q3bkgyqNT7I> (дата обращения : 20.05.2023).

7 Карал Е. Коляда-2019: Нижегородские язычники готовятся праздновать древний славянский праздник // Комсомольская правда. Нижний Новгород. 19.12.2019. URL : <https://www.nnov.kp.ru/daily/27070.4/4139523/> (дата обращения : 20.05.2023).

8 Суть и принципы ченнелинга. URL : <https://polet-dushi.ru/sut-i-printsipy-chennelingu> (дата обращения : 20.05.2023).

деляет себя как «ченнелера, парапсихолога, коуча, тренера личностного роста, автора семинаров, тренингов, открывающих людям сверхчувствительные способности (ясновидение, ясночувствование, яснослышание, эмпатию, телепатию)».

Во время этого сеанса он так увидел и описал озеро и город, находящийся в нем: «<...> существует легенда о чудесном граде Китеже, что стоял на озере Светлояр. В этом городе жили люди, не знающие болезней и бед, бедности и раздоров. Мир и гармония царили в этом городе и каждый занимался любимым делом по душе. Однажды к городу подошло войско хана Батыея с целью захвата и разграбления. Тогда люди вознесли коллективную молитву, а может вошли в коллективную медитацию и город вместе с жителями опустился под воду на дно озера или переместился в параллельное измерение. И хан Батый, подойдя к месту, где недавно стоял город, нашел лишь озеро. Это озеро Светлояр. И по сей день притягивает людей со всей России. Видящие люди говорят, что энергетически это очень чистое место и вокруг озера видят духов-хранителей с человеческими головами и птичьими телами. Видимо, что-то наподобие птицы гамаюн». – «Расскажи, был ли Китеж на самом деле? Что с ним произошло? И чем на самом деле является озеро Светлояр? Что за существа там обитают? Чем сильно это место?» – «Да, там есть город. Не в одном измерении, сразу в нескольких. Там есть селения, я бы не назвал их городом. Там живут люди и не только люди. Птицеобразные люди есть. Или это не люди? Еще там есть на медведей похожие, человек-медведь. Гиганты, великаны. Ой, там большие люди. Существа с очень большим ростом». – «Расскажи, был ли Китеж на самом деле?» – «Был». – «Что с ним произошло?» – «Были спуски в воду, было погружение. Вижу три погружения в разные столетия. И каждое погружение связано со смещением в более высокочастотные измерения жителей, то есть жители знали о предстоящем погружении в воду и готовились к нему духовно. Те, кто были не готовы просто ушли из селения, а остались те, кто перед этим вошли в чуть более смещенные измерения, и погружение в воду оказалось для них не только безопасным, а просто одним из приключений. То есть они сместились в соседние измерения. Хотя они уже жили частично в этом измерении. Они жили в двух мирах, то есть там жили люди, которые искали духовность, искали уединения – это в последнее время. До этого жили люди, которые медитировали там и которые сместились. А еще ранее жили птицеобразные, да, жили люди совместно с существами других видов, которые сместились еще раньше прежних двух этапов». – «И чем на самом деле является озеро Светлояр?» – «Порталом, местом схождения нескольких измерений одновременно. Очень утонченным порталом, который может просвечивать сквозь себя. Поэтому люди могут слышать там колокольный звон, видеть существ, видеть даже купола церквей. В общем, последнее смещение было вместе с собором или церковью. Небольшая церквушка с несколькими куполами. Хотя почему небольшая. В общем там была построена. Последнее место жительства было... под

конец возведено... там острова были. Островки. На одном из островов было возведено типа такого храма. Храма с куполами, который в итоге спустился под воду. В один из периодов погружения, спуска. Интересно, там как телескопическое погружение происходило. Там дно устроено ступенчато и смещение происходило как подвидов телескопа. Одно колено входило в другое или одни слои входили в другие»⁹.

Дискурс индивидуальной религиозности. Для представителей данного сообщества озеро Светлояр – природный храм, место особой духовности. В качестве примера приведем фрагмент интервью с К. (женщина, 40 лет, образование высшее, проживает в г. Нижний Новгород, работает Event-менеджером): «Для меня храм – это природа, природа – это храм. Вот это самый мощный храм. А когда ты в городе находишься, ты можешь зайти в храм, и это место тишины, спокойствия. И вот, например, те ощущения, которые я испытываю в храме, когда стою около сильной иконы... физический духовный опыт он такой прям эмпирическим путем выведенный. То есть я не то, что там – ой! эта икона мироточит! как круто! Нет, я просто захожу в храм, и я именно чувствую, что со мной происходит, стою рядом с иконой и чувствую, как у меня прям идет как будто бы ток по телу, какое-то ощущение силы. И вот эти ощущения я испытываю на Светлояре. <...> я почувствовала, что это место может дать такие ощущения, какие тонкие вибрации». – «Ты когда-нибудь купалась в Светлояре?» – «Да». – «Твое погружение в озеро приводило к каким-то необычным телесным, психофизиологическим переживаниям? Ну, например, ощущению какой-то физической легкости, сочетающейся с духовной, или как-то иначе?» – «Здесь есть еще одна история, которую я хотела рассказать. Когда я подошла к озеру, тогда мы не купались само собой, Алексей – проводник, он не купается. А тут была жара, июль, у меня дети видят озеро и им сказать, что там нельзя купаться, бесполезно. Они просто разденутся и пойдут. И я поэтому в озеро вошла не как человек, который пришел туда чувствовать, в первый вот именно раз, а как человек, который смотрит, чтобы дети не утонули. Поэтому у меня не было в мое первое погружение в озеро именно вот в таком плане. А потом только, наверное, пару недель я пригласила однажды мою маму сюда. И она осталась с детьми уже спящими, а я вечером уже, в такое сумеречное время со своей подругой пошла на озеро. И мы не купались на мостках, а там есть одно место – заход, которое находится как раз в том месте, где ребята тогда утонули (провалились в снег при обходе), когда церковь проходишь, туда вниз. Было уже достаточно темно, я думаю, что есть тип людей, который бы вообще испугался заходить в воду или купаться в одиночку, тем более в такое время. А у меня получилось, что это было первое осознанное окунание в озеро. Во-первых, я почувствовала кожей, насколько это мягкая исцеляющая вода. <...> И моя подруга, когда мы раздевались, мы купались голышом, это важно, потому что, когда ты без одежды, ты настолько сокровенный, чувствующий, это

⁹ Тайна Китеж-града открывается. Многомерный взгляд сквозь озеро Светлояр. Альтернативная история. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=WlpSMkDK-9I&t=38s> (дата обращения : 20.05.2023).

обостряет все. Это какое-то ощущение свободы, и вот это обнимание этой водой, этим озером, оно было такое впечатляющее. И моя подруга мне сказала, что она купается каждый день, ходит вот в этом состоянии, она говорит: «Я доплываю до середины озера и пью там воду и прошу у этой воды, чтобы она меня исцеляла, чтобы она разглаживала мои морщины, дарила мне здоровье». <...> По поводу купания последний момент, который я хотела обозначить, такое мое откровение. В этот момент я вплыла в озеро, и у меня было ощущение такого очень мощного сердечного обмена как с мужчиной. Сердечного именно. Обнимешь очень сильную такую янскую структуру. И потом здесь есть место – Люнда, вьющаяся речка, нам Алексей Борисович показал это место, потому что говорит: «Мы купаемся здесь». И я почувствовала, что Светлояр – мужчина, явно дух какой-то мужской. Я потом в какой-то момент почувствовала, что Люнда – женщина. И мы с подругой как раз рассуждали о том, что, когда не хватает какой-то женской энергии, когда ты был перегружен, какие-то управленческие задачи решал, когда в тебе внутри слишком много явно, хочется на Люнду. Сядишь и едешь туда, мимо Светлояра на Люнду. И там в этой маленькой речушке, там красивый такой поворотик, где можно хорошо искупаться, а Светлояр, когда хочется мужское начало» (ПМА).

Однако не только эти религиозные движения создают сакральный дискурс озера Светлояр. Он формируется также в деятельности сотрудников Музейно-туристского комплекса «Град Китеж» в с. Владимирское, которые проводят экскурсии вокруг озера для самых разнообразных групп, как воцерковленных паломников, знающих о граде Китеже и приехавших сюда, чтобы поклониться ему и приобщиться к святому месту, так и для совершенно далеких от церковной жизни людей, решивших посетить очередное брендовое место.

Об этом нам подробно рассказала И. А. П., особо подчеркнувшая, что получаемые знания о сакральном пространстве озера Светлояр, решительно меняют отношение к нему туристов. «Когда я первое время начала рассказывать, здесь ведь со спиртным приходили, и когда говорили, что святыня земли русской, а здесь не очень хорошо ведут себя на святом месте. И один раз женщина, девушка, может быть женщина молодая говорит: «А знаете, я у вас уже проходила, слушала вас, и вы нам тогда сказали, что со спиртным, а мы тогда тоже со спиртным, и мы потом уже больше не стали приезжать со спиртным сюда, именно как к святому месту». – «Ваша экскурсия, легенды, включенные в нее, помогает людям изменить свое отношение к озеру как к священному?». – «Да. И с Марий Эл приезжали экскурсии и говорили: «Ну вот, а мы хотели искупаться. Давайте по всем правилам, по традициям умоемся, отходя, и чтобы... (вода не попала грязная в озеро. – М. М.)». Это, между прочим, часто».

Во время экскурсии она и другие экскурсоводы строго придерживаются тех правил поведения на озере, о которых говорил отец Владимир или почерпнутых ими от старожилов села. Например, при обходе озера они не только говорят об этой традиции, рассказывают конкретные случаи чудесного исцеления, которые слышали из первых уст или в пересказе других, но и подсказывают, что и как

нужно делать во время обхода в соответствии со сложившейся православной традицией. «Если приезжие, то три раза стараются обойти, если по времени все нормально располагают. Мы говорим, лишь бы действительно с верой обойти, можно один раз, но именно с верой, чтобы полностью только сосредоточиться на просьбе». – «Во время обходов какие молитвы читают?» – «Там у отца Владимира на баннере вы может видели? И «Отче наш», и «Иисусова молитва», и «Богородица, Дева, радуйся». Ну мы уж говорим, потому что советский период, не все такие молитвы знают, мы говорим: кто какую знает, лишь бы это было с верой, искренне, от сердца шло». О самой легенде, о сложившихся религиозных практиках экскурсоводы говорят до обхода озера на специальной смотровой площадке. «Я рассказываю все (об озере. – М. М.) на смотровой площадке, а здесь (при обходе озера. – М. М.) только на знаковых местах останавливаемся. <...> Вокруг-то озера в основном никто не говорит, это все говорят до озера, потому что, когда я говорю, что вокруг озера не говорим – традиция, между собой не переговариваясь, с молитвой, только с Богом» (ПМА).

Выводы

Озеро Светлояр, приобретшее сакральный статус, вероятно, в конце XVIII – начале XIX вв., к началу XX в. стало одним из важнейших религиозных центров России. Особую роль в этом сыграли представители русской религиозной философии, деятели искусства (поэты, писатели, композиторы, художники), обосновавшие понимание образа незримого града Китежа как земной ипостаси Церкви Небесной и как наиболее полного воплощения сущности русской национальной самобытности, ее стремления к абсолютному [Богаевская-Хомяк, 1975; Вейдле 1975; Бажов, 2011; Шешунова, 2005].

В советский период, несмотря на антирелигиозную пропаганду, озеро Светлояр не потеряло своего сакрального статуса, вокруг него продолжалась активная ритуальная жизнь, рождались и ретранслировались христианские легенды.

Процесс рехристианизации, начавшийся в 1990 гг. не только подтвердил это латентное функционирование сакрального пространства, но и сделал возможным изменение отношения к нему со стороны общества и государства. Другим очень важным фактором, повлиявшим на сакральный характер озера Светлояр, стало усложнение религиозной жизни в России, выразившееся, в частности, в легализации существовавших ранее иных религиозных движений, возникновении новых с их последующим бурным развитием. Благодаря этому сакральный дискурс озера приобрел сложный характер. Помимо представителей Русской православной церкви Московского патриархата, старообрядцев, в его создании начали принимать активное участие неоязычники, кришнаиты, представители так называемой нью-эйдж. Участвуют в этом процессе и экскурсоводы. Для всех них озеро Светлояр – природное сакральное пространство, одно из тех мест в России, в котором наиболее сильно проявляется или русская национально-культурная самобытность, или духовная уникальность всего человечества, или источник индивидуального «вращения духа» (из интервью с К.).

Список литературы

- Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Сакральный дискурс // Дискурс-Пи. 2015. №3–4. С. 158–160. EDN [VLJKYJ](#)
- Бажов С. И. Русский национальный характер как тема религиозно-философской мысли русского зарубежья в 20–50-х гг. XX в. // История философии. 2011. №16. С. 208–224. EDN [PXQAXH](#)
- Блинкова Л. А., Бородько Р. Г., Одинцова И. И., Савушкина Н. И. Китежская легенда и несказочная проза Поволжья // Советская этнография. 1973. №4. С. 113–122.
- Богачевская-Хомьяк М. Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург, 1975. С. 54–67.
- Вейдле В. Русская философия и русский «серебряный век» // Русская религиозно-философская мысль XX века. Питтсбург, 1975. С. 68–73.
- Гришаева Е. И., Фархитдинова О. М., Шумкова В. А. Религиозность верующих Екатеринбургской митрополии: от ортодоксии к постсекулярной эклектике // Социологические исследования. 2017. №8. С. 106–117. DOI: [10.7868/S0132162517080128](https://doi.org/10.7868/S0132162517080128). EDN [ZGOXTR](#)
- Ирхин Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. №4. С. 128–143. EDN [SIMRFT](#)
- Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. Москва : Объединенное гуманитарное издательство, 2003. 296 с. EDN [RCIPFH](#)
- Кулагина А. В. Несказочная проза об озере Светлояр: к вопросу о динамике фольклорной традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Москва : Издательство Московского университета, 2004. Выпуск 3. С. 62–70.
- Мартинovich В. А. Проблематика целостного восприятия феномена неоязычества // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Нижний Новгород : Поволжье, 2016. С. 161–175. EDN [WXITXT](#)
- Мелихов Г. В. Антропология сакрального: к характеристике предмета исследования // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152, книга 1. С. 109–124. EDN [LDFTDX](#)
- Мотасова Э. Б. Древнерусская легенда о невидимом граде Китеже (история, успех, библиография) // Slavica tergestina. 1964. №2. С. 161–196.
- Савушкина Н. И. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях // Русский фольклор: русская народная проза. Ленинград : Наука, 1972. Том 13. С. 58–76.
- Семикопов Д. В. Град Китеж – потерянный рай? (Легенда о граде Китеже в богословском и религиозноведческом аспектах) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2012. №10. С. 63–77. EDN [ZQQNPT](#)
- Тимошук А. С., Тимошук Е. А. Дискурсивный подход к религии // Вестник КазНУ. Серия религиозноведения. 2015. Том 3. №3. С. 62–73. DOI: [10.26577/EJRS-2015-3-39](https://doi.org/10.26577/EJRS-2015-3-39)
- Трубина Е. Г., Лубна С. От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности: понятие «живой религии» // Манускрипт. 2020. №11. С. 185–188. DOI: [10.30853/mns200514](https://doi.org/10.30853/mns200514). EDN [CHEYLQ](#)
- Тюхтяев А. Е. // Форум: антропология религии (2). 2017. №35. С. 95–102. EDN [VZSFJB](#)
- Узланер Д. Расколдовывание дискурса: «религиозное» и «светское» в языке нового времени // Логос. 2008. №4. С. 140–159. EDN [TJIUOJ](#)
- Шешунова С. В. Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. №4. С. 12–23. EDN [GYABQO](#)
- Шнирельман В. А. Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2014. №5. С. 3–9. EDN [STKXGD](#)
- Элбакян Е. С. Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью-эйдж: (на примере организации «Радастея») // Религиоведение. 2018. №1. С. 36–51. EDN [XULEIH](#)

References

- Astafurova T. N. & Olyanich A. V. (2015). Sacred Discourse. *Discourse-P*, 3–4, 158–160. EDN: [VLJKYJ](#)
- Bazhov S. I. (2011). Russian National Character as A Theme of Religious Philosophy of Russian Emigration in 20–50th Of The 20th Century. *History of Philosophy*, 16, 208–224. EDN: [PXQAXH](#)
- Blinkova L. A., Borod'ko R. G., Odintsova I. I. & Savushkina N. I. (1973). Kitezhsкая legenda i nesказochnaya proza Zavolzh'ya. *Sovetskaya etnografiya*, 4, 113–122.
- Bogachevskaya-Khomyak M. (1975). Philosophy, Religion, and Society in Russia at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka*, 54–67.
- Veydle V. (1975). Russian Philosophy and Russian “Silver Age”. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka*, 68–73.
- Grishaeva E. I., Farkhitdinova O. M. & Shumkova V. A. (2017). The Study of Religiousness of Ekaterinburg Archdiocese Orthodox Believers: From Apostolic Orthodoxy to Post-Secular Eclectic. *Sociological Studies*, 8, 106–117. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080128>. EDN: [ZGOXTR](#)
- Irkhin Yu. V. (2014). Discourse-analysis: essence, approaches, methodology, projecting. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 128–143. EDN: [SIMRFT](#)
- Kayua R. (2003). *Le mythe et l'homme. L'homme et le sacre*. Obedinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. EDN [RCIPFH](#)
- Kulagina A. V. (2004). Nesказochnaya proza ob ozere Svetloyar: k voprosu o dinamike fol'klornoy traditsii. *Aktual'nye problemy polevoy fol'kloristiki*, 3, 62–70.
- Martinovich V. A. (2016). The Problems of a Holistic Perception of The Phenomenon of Neo-Paganism. *Yazychestvo v sovremennoy Rossii: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya*, 161–175. EDN: [WXITXT](#)
- Melikhov G. V. (2010). Anthropology of the Sacred: Characterization of the Research Subject. *Proceedings of Kazan University*, 152 (1), 109–124. EDN: [LDFTDX](#)

- Motasova E. B. (1964). Drevnerusskaya legenda o nevidimom grade Kitezhe (istoriya, uspekhi, bibliografiya). *Slavica tergestina*, 2, 161–196.
- Savushkina N. I. (1972). Legenda o grade Kitezhe v starykh i novykh zapisyakh. *Russkiy fol'klor: russkaya narodnaya proza*, 13, 58–76.
- Semikopov D. V. (2012). Grad Kitezhe – poteryanny ray? (Legenda o grade Kitezhe v bogoslovskom i religiovedcheskom aspektakh). *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii*, 10, 63–77. EDN: ZQQNPT
- Timoshchuk A. S. & Timoshchuk E. A. (2015). Discursive Approach to Religion. KazNU Bulletin. *Religious studies series*, 3(3), 62–73. <https://doi.org/10.26577/EJRS-2015-3-39>
- Trubina E. G. & Lubna S. (2020). From “Everyday Life” to “Everyday Religion”: “Lived Religion” Notion. *Manuscript*, 11, 185–188. <https://doi.org/10.30853/mns200514>. EDN CHEYLQ
- Tyukhtyaev A. E. (2017). *Forum for anthropology and culture*, 35(2), 95–102. EDN: VZSFJB
- Uzlaner D. (2008). Raskoldovyvanie diskursa: “religioznoe” i “svetskoe” v yazyke novogo vremeni. *Logos*, 4, 140–159. EDN: TJUOJ
- Sheshunova S. V. (2005). “The City of Kitezhe” in Russian Literature: Paradoxes of Interpretation. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 4, 12–23. EDN: GYABQO
- Shnirel'man V. A. (2014). Sacred Sites: The Construction of Sacred Space: Introduction to Discussion. *Ethnographic Review*, 5, 3–9. EDN: STKXGD
- Elbakyan E. S. (2018). New Religious Movements of Postmodern Era: Dynamics of New Age Organizations (the Case of “Radasteya”). *Religiovedenie*, 1, 36–51. EDN: XULEIH

Информация об авторах**Матлин Михаил Гершенович –**

доктор филологических наук, доцент, профессор,
Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>;
e-mail: matlin@mail.ru

Ефимова Арина Дмитриевна –

бакалавр, лаборант-исследователь,
Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0832-9145>;
e-mail: rinboss@mail.ru

Information about the authors

Mikhail G. Matlin – Dr. Sci. (Philol.), Associate
Professor, Professor, Ulyanovsk State Pedagogical
University named after I. N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>;
e-mail: matlin@mail.ru

Arina D. Efimova – bachelor,
research laboratory assistant, Ulyanovsk State
Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0832-9145>;
e-mail: rinboss@mail.ru

Поступила в редакцию 06.06.2023
Принята к публикации 25.07.2023
Опубликована 25.08.2023

Received 06 June 2023
Accepted 25 July 2023
Published 25 August 2023

Традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса

<https://doi.org/10.31483/r-107260>

УДК 398.2

Салмин А. К.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской академии наук

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>, e-mail: antsalmin@mail.ru

Резюме. Статья посвящена многолетнему спору о свойственности / не свойственности сказочному жанру типичных черт героического эпоса. Автором на основе историко-типологического метода и метода сюжетного анализа исследуется корпус текстов сказочного эпоса чувашей и калмыков. В исследовании рассмотрены основные труды, посвященные настоящей проблеме, проводится сравнение соответствующих чувашских текстов со сказочным эпосом калмыков, указывается на инкорпорирование в героическом эпосе «Джангар» биографии и подвигов сказочного героя. Автором также рассмотрены такие блоки героического сватовства, как бездетность родителей, чудесное происхождение, героическое детство и единоборство. Все эти мотивы присущи как богатырской сказке, так и героическому эпосу. Героические традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса выражаются в этнокультурных реалиях, сюжете, эпических мотивах, художественных приемах. При этом у исследователей нет оснований говорить о полном тождестве идейно-художественного комплекса героического эпоса и богатырской сказки. Героический эпос и сказка – жанры существенно дифференцированные. Здесь максимально можно говорить об эпичности богатырских сказок, о сходстве и диффузии, но не о полном взаимосоответствии, и, естественно, нет необходимости достраивать волшебную-героическую сказку до классического эпоса. Публикация вносит вклад в обоснование свойственности богатырской сказке основных черт героического эпоса.

Ключевые слова: богатырская сказка, чувашаи, калмыки, традиции.

Финансирование. Исследование выполнено по плану научно-исследовательской работы Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

Для цитирования: Салмин А. К. Традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса // Этническая культура. 2023. Т. 5, №3. С. 16-20. DOI 10.31483/r-107260. EDN NPGFNY

Review Article

Traditions of Chuvash and Kalmyck fairy tale epic

Anton K. Salmin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

of Russian Academy of Sciences

Saint Petersburg, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>, e-mail: antsalmin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a long-term dispute about the peculiarity / non-property of the fairy tale genre of the typical features of the heroic epos. On the basis of the historical-typological method and the method of plot analysis, the corpus of texts of the Chuvash and Kalmyk fairy tale epic has been studied. The study considers the main works devoted to this problem, compares the relevant Chuvash texts with the Kalmyk fairytale epic, points to the incorporation of the biography and exploits of the fairytale hero in the heroic epic “Dzhangar”. The author also considers such blocks of heroic matchmaking as the childlessness of parents, a miraculous origin, heroic childhood and martial arts. All these motives are inherent in both the heroic tale and the heroic epic. The heroic traditions of the Chuvash and Kalmyk fairy tale epic are expressed in ethno-cultural realities, plot, epic motifs, and artistic devices. At the same time, researchers have no reason to talk about the complete identity of the ideological and artistic complex of the heroic epic and the heroic tale. The heroic epic and fairy tale are essentially differentiated genres. Here, one can speak as much as possible about the epic nature of heroic tales, about similarities and diffusion, but not about complete identity, and, naturally, there is no need to complete the magic-heroic tale to the classical epic. The publication contributes to the substantiation of the main features of the heroic epos in the heroic tale.

Keywords: Heroic fairy tale, Chuvash, Kalmyks, traditions.

Funding. The study was performed under the R&D plan of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences “Factors of ethnocultural identity”.

For citation: Salmin A. K. (2023). Traditions of Chuvash and Kalmyck fairy tale epic. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 16-20. EDN: NPGFNY. <https://doi.org/10.31483/r-107260>.

Введение

История изучения чувашского эпоса классической формы имеет вековую историю. Имеются разные подходы к его трактовке. Н. И. Ашмарин эпосом считал чувашские исторические песни [Ашмарин, 1994]. Н. В. Никольский под ним понимал сказочные тексты былинного типа [Никольский, 2004]. И. С. Тукташ предлагал собирать осколки преданий об улáпах¹.

¹ Тукташ И. С. Чáваш фольклорéпе унán историйé синчен // Чáваш фольклорé. Шупашкар : Чáваш АССР государство издательства, 1949. С. 18–21.

М. Я. Сироткин убеждал, что эпос в собственном смысле слова у чувашей не сложился, и ученый не разграничивал между собой волшебную и богатырскую сказки [Сироткин, 1970, с. 195]. Лепту в исследование чувашской улыпиады как эпоса внес И. И. Одюков [Одюков, 1973]. В. Я. Канюков отстаивал вопрос о целостном изучении всей системы жанров героического характера [Канюков, 1971, с. 46–47]. Тем не менее в поисковых исследованиях ощущается априорность исходного тезиса – обязательное стремление разыскать

в чувашском фольклоре народный героический эпос классической формации или же остатки таковой. Частично разделяя их взгляды, и в отличие от них автор настоящей работы склонен видеть эпические формы в волшебном-сказочном жанре с усилением героико-эпического начала. Особенно типологически близки к героическому эпосу тексты богатырских сказок о змеборстве, объединенные в указателе сюжетов Аарне-Томпсона под №300, 301, 303, 312 I, 502, 532². Но в какой степени проявляют себя традиции героического эпоса в сказке, являются ли они свидетельством предыстории героического эпоса или разложения его – все эти вопросы не перестают быть объектом горячих споров и долгих поисковых исследований [Салмин, 2021].

Материалы и методы исследования

Статья приурочена к столетнему юбилею И. И. Одюкова (1923–1995), моего учителя, фольклориста, профессора Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на Всесоюзной конференции «Джангар и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов» (Элиста, 1978). На основе историко-типологического метода и метода сюжетного анализа автором исследуется корпус текстов сказочного эпоса чувашского и калмыцкого народов.

Результаты исследования и их обсуждение

Чувашские и калмыцкие сказки о змеборстве, в широком смысле представляющие сюжет героического сватовства, отличаются архаичностью, этнокультурными реалиями, обилием мифологических образов. Героическое сватовство, т. е. поездка за семьдесят семь морей в поисках суженой, похоже на охоту. «Параллелизм «охотиться-свататься» свидетельствует, что понятия «охота» и «сватовство» здесь (в героическом эпосе. – А. С.) максимально сближаются, становятся своего рода синонимами» [Гацак, 1967, с. 35]. Фактура богатырских сказок³ сохранила реалии, отражающие этнокультурные особенности прошлого. Такие моменты, как «старуха месила тесто», «ушли на охоту в лес» свидетельствуют о древних занятиях чувашек, а выражение «старуха со стариком» – явный намек на период сложения жанра. А в калмыцкой традиционной сказке,

к примеру, встречаются специфические названия птиц (орла, воробья), животных (коня, овцы), зверей (льва, барса), деревьев (тополя, саксаула), вещей (котла, деревянной трубы) и местожительства (пещеры, джолума). Фразы *китайская тамга, письмо на желтой коже* указывают на наличие древней калмыцкой письменности, *скот четырех родов* – на традиционные занятия. Этнокультурные реалии сказочного эпоса выступают в качестве первичных отличительных признаков. В то же время сюжет о сватовстве и выступлении героя против таинственных сил природы в целом является древнейшим мотивом героического эпоса [Кор-оглы, 1976, с. 128].

В классическом эпосе, равно как и в песнях о Джангаре, используется общий фонд эпической поэтики: это и приемы героизации образов, изобразительно-выразительные средства, традиционные для изображения героев, схемы развития сюжета и героической битвы богатырей [Биткеев, 1976, с. 73].

В центре героического эпоса стоит герой, функцией которого и определяется сюжетное содержание в целом. Повествование в нем отличается биографичностью развертывания событий. События эти, нанизываясь друг на друга, составляют единое целое. Традиционная формула героической биографии сказочного героя представляет собой последовательность мотивов-функций: бездетность родителей, чудесное зачатие, чудесное происхождение, богатырское детство, выбор коня и доспехов, богатырская скачка, встреча со спутником, троекратное единоборство со змеем (чув. *çĕлен*, калм. *мус*) и победа над ним, возвращение к родному очагу; свадьба (чув. *туй*, калм. *хурм*).

По народному представлению, эпический герой, осуществляющий вековые чаяния людей, никак не может быть существом земного, т. е. обычного происхождения. Мысль о незаурядности народного богатыря (чув. *паттăр*, калм. *баатр*) пронизывает всю художественную ткань эпоса. Пафос традиционной сверхъестественности закладывается еще до появления героя на свет. «Жили старуха со стариком. Состарились они, но не было у них детей», – гласит чувашская сказка («Поединок Вархоня со змеями»). «В древние времена в вилайете Акташ жил Султанхан. У Султана было три жены, и у всех трех не было детей. Долгое время царствовал Султанхан в стране Акташ, молодость его прошла, борода поседела», – начинается узбекский эпос «Рустамхан». Тот же самый мотив бездетности родителей имеет место в калмыцкой сказке «Батыр Дамбин-Улан» и чувашской «Иван паттăр».

Один из немаловажных мотивов эпоса – чудесное зачатие героя. Данный мотив является компонентом зачина. Родители скорбят из-за отсутствия наследника, они не находят почета среди них. В сказке «Поединок Вархоня со змеями» старуха по совету знахаря осуществила свою мечту, выпив навар чудесной травы. Чудесному зачатию также способствуют капли крови и слез, рыба, а иногда трава, яблоко. Представление о девственном зачатии (партеногенезе) возникло еще в мифологическую пору мышления. Вера в то, что употребление неизвестной травы вызывает плод у неспособной рожать, отражает суеверные представления народа. Несмотря на поздние

2 Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград : издание Государственного русского географического общества, 1929. 118 с. См. также: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3-х томах / подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. Москва : Гослитиздат, 1957. Том 3. С. 464, 465, 472, 474.

3 В качестве примеров см. сказки чувашские: «Иван паттăр» («Иван богатырь») из архива автора, «Иван сичĕ хулă сĕр-шывран таврăнни» («Возвращение Йывана из семислойной страны»), «Вархонь çĕленсемпе çапăçни» («Поединок Вархоня со змеями») из научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук; «Иван паттăр» («Иван богатырь») из экспедиционных материалов по чувашскому фольклору кафедры чувашской литературы Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова); калмыцкие: «Батыр Дамбин-Улан и храбрый конь его Довшурин-Хурдун-Хара», «Эрин-Сян-Сеняка», «Зальта-Мерген-Баатр и мудрый конь его Золь-Цоохор» в: Медноволодая девушка: калмыцкие народные сказки / перевод, составление и примечания М. Вагагина. Москва, 1964. С. 11–80.

религиозные наслоения, в основном чудесное зачатие вырисовывается как мотив традиционный, древний.

Чудесное рождение – это появление на арену событий главного героя, предварительно прошедшего путь «эпической обработки». Этот мотив – итог первых двух мотивов, заключительный этап, где основное лицо эпического повествования еще не может проявить себя: «Выпила навар травы. Немного прошло времени, и старуха действительно родила сына» («Поединок Вархоня со змеями»); «К приходу Кусьмы жена сидит на нарах и держит на руках новорожденного. Вот чудеса! Вот странности! От удивления Кусьма ни туда, ни сюда» («Иван паттыр», запись 1972 г.).

В других вариантах сказок о богатырях можно отметить следующие моменты: муж возвращается с охоты или пахоты и, увидев на руках жены ребенка, сомневается в своем отцовстве. В ряде случаев вообще отсутствует отец, в других сказках отец удивлен или ревнует – отсюда разноречивость в текстах.

Мотив происхождения помогает узнать центральную фигуру эпоса. В калмыцкой богатырской сказке «Эрин-Сян-Сеняка» Сомпан-Дельдинг зачинает повествование, он же сражается и побеждает Бяр-Улана, но ему не суждено стать эпическим героем. Второстепенная его роль сообщается нам, во-первых, тем, что в тексте говорится о рождении не Сомпан-Дельдинга, а его сына Ута-Хаалги; во-вторых, главного и самого сильного врага – маленького муса побеждает не Сомпан-Дельдинг, а ум и сила Ута-Хаалги.

Мотив героического детства как прием героизации богатыря имеется во вступлении песен, входивших в репертуар Ээляна Овлы. В нем подробно повествуется о подвигах Джангара в детские годы:

*На третьем году жизни...
Врата трех крепостей разрушив,
Грозного Шара-Гульджинг мангас-хана
Вере и власти своим подчинил он;
На четвертом году жизни,
Врата четырех крепостей разрушив,
Могучего Дердинг-Шара мангас-хана
Вере и власти своим подчинил он;
Всего лишь в пять лет,
Пятерых злых ханов-шулмусов
Взяв в плен, веру и власти своим подчинил он...
В шесть лет
Врата шести крепостей разрушил,
Концы сотен пик сломал,
Мудрого Алтан-Чээджи приняв к себе,
Главой правого полкруга
Своих бесчисленных богатырей поставил;
На седьмом году жизни нижние семь стран покорил,
Имя свое Славный Джангар провозгласил* [Биткеев, 1976, с. 73–74].

Быстрый и богатырский рост, проявление физической силы в детском возрасте присущи и сказочному эпосу: «Ребенок рос по часам. За двое суток стал взрослым человеком» («Поединок Вархоня со змеями»).

Кульминационной точкой в героическом повествовании является единоборство. Именно мотив единоборства героя с мифическими чудовищами представляет

веху, которой подчинены все функции героя, после чего действие и маршрут двигаются как бы обратным ходом.

Единоборство, богатырский поединок в героическом эпосе монголов занимает, как и у других народов, чрезвычайно важное место. Этому мотиву посвящены самые яркие страницы эпоса. Несомненно, богатырские поединки должны иметь историческую основу, служить отражением важнейших событий в реальной исторической действительности. Исторические памятники свидетельствуют нам о случаях, когда единоборство, а потом победа над богатырем или полководцем в бою играли решающую роль исхода битвы в целом [Кичиков, 1976, с. 15]. Таков калмыцкий сказочный эпос, где батыр уничтожает мусов и шулмузов. Таковы богатырские сказки чувашей: паттыр в единоборстве отсекает головы змеев. Эти и другие мотивы характерны как богатырской сказке, так и героическому эпосу.

Традиционные эпические мотивы богатырской сказки указывают нам на архаические корни затерянного, не зафиксированного, разбросанного, не успешшего оформиться чувашского народного эпоса. «Сюжетный костяк» богатырской сказки – это «описание богатырской биографии героя» посредством мотивов. Верность канонам «богатырской сказки сохраняется и в эпосе «классических» формаций» [Неклюдов, 1977, с. 130], т. е. наблюдается аналогия мотивов сказочного и классического эпосов. «Сказочный змеборческий мотив органически вошел в калмыцкий эпос» [Горяева, 2022, с. 1412].

Главная художественная особенность – богатырство – передается не только через композицию, но проявляется и в изобразительных средствах. Сказочный богатырь носит двенадцатипудовый меч, крупные кости выплевывает изо рта, мелкие кости выдувает через нос и у них в котлах варится столько мяса, что всем собакам хватит, а быки взрывали рогами так, что горы вырастали. Здесь эпитеты красавец и богатырь синонимичны, т. к. формула народной эстетики такова: богатырь, значит, красив; красив, значит, богатырь, иначе не может быть. В большинстве случаев этим объясняется отсутствие в тюрко-монгольском эпосе описания портрета героя наряду с обширным пересказом о вооружении, доспехах и коне.

Рассматриваемые героические традиции имеются у многих генетически неродственных и отдаленных народов: калмыков, народов Дагестана, тувинцев, татар, русских, белорусов, румын, мордвы, чувашей и др. «Когда сравнительный анализ приводит к тому, что обрывы восстанавливаются с помощью данных эпического творчества других народов, это, с одной стороны, укрепляет нашу веру в органичность всей цепи, а с другой – проливает свет на исторические связи фактов чужого эпоса, помогая и в этом эпосе воссоздать подобную цепь» [Путилов, 1971, с. 38].

Об этом же свидетельствуют приводимые параллели некоторых сюжетных мотивов, ср.: Чувашская сказка «Возращение Ёывана из семислойной страны»

1. Направился Ёыван к указанному *ймарт каййак* (орлу). В гнезде находились два птенца. В это время к ним заползал *сёлен* (змея), чтобы съесть, и шипел. Как

только змей достиг вершины дерева, Ёйван хлестнет змея мечом. Так и растянулся змей.

2. Говорят птенцы Ёйвану: «Спасти-то ты спас, но тебя мать, как прилетит, в мгновение съест, спрячешься под наши крылья». Ёйван спрятался под крылья птенцов.

3. Орел переносит богатыря из того света на свет белый.

4. Спутник отрезает веревку, по которой поднимался богатырь с того света. Богатырь срывается на дно пещеры.

Калмыцкая сказка «Зальта Мерген-Баатр и мудрый конь его Золь-Цоохор»

1. Мерген посмотрел на гнездо: в нем сидели птицы. Вдруг из пещеры с грохотом выполз змей. Толще самого толстого дерева был этот змей. На солнце сверкала белая чешуя. И высоко поднималась плоская черная голова. Рев огнедышащих гор вырвался из пасти его. Змей направился к дереву, на котором сидели птицы. Тут из укрытия выскочил храбрый Мерген. Меч свой надежный выхватил храбрый Мерген. Всю свою силу вложил в удар храбрый Мерген. Одним ударом голову змея отсек, а толстое тело его разрубил на куски.

2. Птенцы птицы Гаруды ему говорят: «Бесстрашный спаситель наш! Спрячьтесь, спрячьтесь скорей, пока не вернулась сюда наша мать. Она очень свирепа и может вас разорвать. Мы ей сначала расскажем о Вас, богатырь».

3. Птица Гаруда переправляет батыра через Внешний океан.

4. Зятья бросают батыра в яму, которую они вырыли сами.

Наличие произведений устной поэзии у разных народов, не имевших прямых хозяйственно-экономических, культурных, политических связей и взаимоотношений, особенно в ее поздние периоды, по-видимому, говорит о древности сюжетных мотивов. Все это дает право предполагать, что исторические корни параллелей произведений этого типа уходят далеко вглубь истории, как и многие параллели других видов устной поэзии разных народов, а именно: к ранним монголо-тюркским связям [Одюков, 1967, с. 227–228].

Иначе говоря, одинаковые параллели зависят и от исторической обусловленности, ибо только определенная стадия в процессе формирования народа может служить материнским лоном традиционного эпоса, а проблемы исторической поэтики чувашского фольклора заслуживают специального исследования.

Выводы

Героические традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса выражаются в этнокультурных реалиях, сюжете, эпических мотивах, художественных приемах.

Героический эпос и сказка – жанры существенно дифференцированные. При их изучении имеет смысл говорить об эпичности богатырских сказок, о сходстве и диффузии, но не о полном взаимосоответствии, и в современных условиях нет необходимости дотраивать волшебную-героическую сказку до классического эпоса. Наш долг не в трансформировании исходных текстов, а в их фиксации, анализе и толковании, а также определении самобытности.

Список литературы

- Ашмарин Н. И. Незаконченные рукописи // Слово = Сăмах: 1993: исследования и тексты. Чебоксары, 1994. С. 85–96.
- Биткеев Н. Ц. Основные образы богатырей и героизация их в «Джангаре» (к проблеме эпической традиции) // Вопросы происхождения и поэтики «Джангара». Элиста, 1976. С. 62–93. EDN [SPQITX](#)
- Гацак В. М. Восточнороманский героический эпос: исследование и тексты. Москва : Наука, 1967. 476 с. EDN [VNNETJ](#)
- Горяева Б. Б. Мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжет ATU 300 The Dragon-Slayer // *Oriental Studies*. 2022. Том 15, №6. С. 1410–1421. DOI [10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421](#). EDN [NUMJKJ](#)
- Канюков В. Я. От фольклора к письменности. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1971. 127 с.
- Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (вопросы исторической поэтики). Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1976. 156 с. EDN [YMIYBZ](#)
- Кор-оглы Х. Г. Огузский героический эпос. Москва : Наука, 1976. 239 с.
- Неклюдов С. Ю. Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины // *Фольклор: поэтическая система*. Москва : Наука, 1977. С. 126–134.
- Никольский Н. В. Ёлѣкхи чăваш халăх юмахĕсем сĕнчен // Никольский Н. В. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. Том 1. С. 443–449
- Одюков И. И. Сюжетно-образные параллели устных произведений типа «Синичка» у чувашского и калмыцкого народов // *Ученые записки / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР*. Чебоксары, 1967. Выпуск 34. С. 226–230.
- Одюков И. И. Чувашские сказания об улпах // *Вопросы русской и чувашской филологии*. Чебоксары, 1973. Выпуск 3. С. 83–110.
- Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: сравнительно-типологическое исследование. Москва : Наука, 1971. 315 с.
- Салмин А. К. Жанровые особенности богатырских сказок: теоретические изыскания // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. №70. С. 285–297. EDN [UTLUVQ](#). DOI [10.17223/19986645/70/16](#)
- Сироткин М. Я. Устно-поэтическое творчество // *Чуваши: этнографическое исследование. Часть 2 : Духовная культура*. Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1970. С. 173–217.

References

- Ashmarin N. I. (1994). Nezakonchennyye rukopisi. *Slovo = Čamakh: 1993: issledovaniya i teksty. Cheboksary*, 85–96.
- Bitkeev N. Ts. (1976). Osnovnye obrazy bogatyrey i geroizatsiya ikh v “Dzhangare” (k probleme epicheskoy traditsii). *Voprosy proiskhozhdeniya i poetiki “Dzhangara”*, 62–93. EDN: SPQITX
- Gatsak V. M. (1967). *The heroic epic songs of eastern Romanians*. Nauka. EDN: VNNETJ
- Goryaeva B. B. (2022). ATU 300 The Dragon-Slayer: Motif of Way in Kalmyk Folktales. *Oriental Studies*, 15(6), 1410–1421. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421>. EDN NUMJKJ
- Kanyukov V. Ya. (1971). *Ot fol'klora k pis'mennosti*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kichikov A. Sh. (1976). *Issledovanie geroicheskogo eposa “Dzhangar” (voprosy istoricheskoy poetiki)*. Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. EDN YMIYBZ
- Kor-ogly X. G. (1976). *Oguzskiy geroicheskij epos*. Nauka.
- Neklyudov S. Yu. (1977). Zhanrovo-tipologicheskoe sopostavlenie buryatskogo geroicheskogo eposa i russkoy byliny. *Fol'klor: poeticheskaya Sistema*, 126–134.
- Nicol'skiy N. V. (2004). Ėlëkkhi chävash khalăkh yumakhësem çinchen. *Nicol'skiy N. V. Sobranie sochineniy*, 1, 443–449.
- Odyukov I. I. (1967). Syuzhetno-obraznye paralleli ustnykh proizvedeniy tipa “Sinichka” u chuvashskogo i kalmytskogo narodov. *Uchenye zapiski. Nauchno-issledovatel'skiy institut pri Sovete Ministrov Chuvashskoy ASSR*, 34, 226–230.
- Odyukov I. I. (1973). Chuvashskie skazaniya ob ulpakh. *Voprosy russkoy i chuvashskoy filologii*, 3, 83–110.
- Putilov B. N. (1971). *Russkiy i yuzhnoslavjanskiy geroicheskij epos: sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie*. Nauka.
- Salmin A. K. (2021). Genre Peculiarities of Heroic Fairy Tales: Theoretical Research. *Tomsk State University Journal of Philology*, 70, 285–297. <https://doi.org/10.17223/19986645/70/16> EDN: UTLVVQ
- Sirotkin M. Ya. (1970). Ustno-poeticheskoe tvorchestvo. Chuvashi: etnograficheskoe issledovanie. *Dukhovnaya kul'tura*, 173–217.

Информация об авторе**Салмин Антон Кириллович –**

член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МАЭ РАН, Заслуженный деятель науки Чувашской Республики, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>; e-mail: antsalmin@mail.ru

Information about the author

Anton K. Salmin – Member of the Dissertation Council for the defense of doctoral and candidate dissertations at the MAE RAS, Honored Scientist of the Chuvash Republic, Dr. Sci. (Hist.), leading research scientist, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>; e-mail: antsalmin@mail.ru

Поступила в редакцию 13.06.2023

Принята к публикации 25.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Received 13 June 2023

Accepted 25 July 2023

Published 30 August 2023

Репрезентация кулинарно-гастрономического кода современной культуры в демотиваторах: лингвокультурологический аспект

<https://doi.org/10.31483/r-106719>

УДК 811.161.1

Димитриева О. А.^а, Андреева Д. В.^б

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева г. Чебоксары, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, e-mail: olgaal_79@mail.ru^б <https://orcid.org/0009-0003-6043-6041>, e-mail: diandreeva2002@yandex.ru

Резюме. Кулинарно-гастрономический код современной культуры, репрезентированный в полимодальном тексте, а именно в демотиваторах, представляет особый интерес с точки зрения аксиологического ракурса. Актуальность данной темы связана с изучением креолизованного текста и способов экспликации современных ценностей в вербальном и визуальном компонентах демотиватора. Материалом для исследования являются демотиваторы кулинарно-гастрономической тематики, находящиеся в свободном доступе в сети интернет. Отличительной особенностью является вербальное / невербальное указание, во-первых, на культурную составляющую региона (города, страны); во-вторых, способа репрезентации профессиональной деятельности или какой-либо отличительной черты характера. Основным методом является комплексный анализ демотиватора, включающий как собственно лингвистический, так и лингвокультурологический методы исследования. Отмечается, что в таких демотиваторах реализуется, как правило, дихотомия «традиция – инновация». Выявлено, что если в вербальном компоненте демотиватора содержится указание на «чужое», иностранное, блюдо, то визуальная составляющая включает «свою» интерпретацию, т. е. вводятся типичные, традиционные для той или иной культуры блюда. И напротив, традиционные наименования блюд или продуктов питания получают «инновационную» интерпретацию. Показано также, что профессиональная деятельность является отличительной чертой в оформлении блюда («Ужин палеонтолога» содержит в качестве визуального компонента пельмени в форме динозавров), способе приготовления («Завтрак кочегара» изображает яичницу, готовящуюся на открытом огне) и содержанием («Борщ программиста» включает в состав разобранную клавиатуру в тарелке супа). Делается вывод о том, что происходит апеллирование не только к фоновым знаниям о стереотипах профессиональной сферы и практиках питания, но и к общему культурному фону, представленному в том числе и в прецедентных единицах демотиваторов.

Ключевые слова: лингвокультура, креолизованный текст, демотиватор, кулинарно-гастрономический код культуры, медийный дискурс.

Для цитирования: Димитриева О. А. Репрезентация кулинарно-гастрономического кода современной культуры в демотиваторах: лингвокультурологический аспект / О. А. Димитриева, Д. В. Андреева // Этническая культура. 2023. Т. 5, №3. С. 21-28. DOI 10.31483/r-106719. EDN TKMJYW

Review Article

Representation of culinary and gastronomic code of modern culture in demotivators: linguistic and cultural aspect

Olga A. Dimitrieva^а, Diana V. Andreeva^б I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
Cheboksary, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, e-mail: olgaal_79@mail.ru^б <https://orcid.org/0009-0003-6043-6041>, e-mail: diandreeva2002@yandex.ru

Abstract. Culinary and gastronomic code of modern culture, represented in a polymodal text, namely in demotivators, is of particular interest from the point of view of axiological perspective. The relevance of this topic is connected with the study of the creolized text and the ways of explication of modern values in the verbal and visual components of the demotivator. The material for the study is demotivators of culinary and gastronomic topics that are freely available on the Internet. A distinctive feature is a verbal / non-verbal indication, firstly, of the cultural component of the region; secondly, of the way of representing professional activity or any distinctive character trait. The main method is a comprehensive analysis of a demotivator. “Tradition – innovation” dichotomy is realized in demotivators. If the verbal component of the demotivator contains an indication of a foreign dish, then the visual component includes typical, traditional dishes for a particular culture. Conversely, traditional names of dishes or food products receive an “innovative” interpretation. Professional activity is a distinctive feature in the design of the dish, the method of cooking and the contents. There is an appeal not only to the background knowledge about the stereotypes of the professional sphere and nutrition practices, but also to the general cultural background.

Keywords: linguoculture, creolized text, demotivator, culinary and gastronomic code of culture, media discourse.

For citation: Dimitrieva O. A., & Andreeva D. V. (2023). Representation of culinary and gastronomic code of modern culture in demotivators: linguistic and cultural aspect. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 21-28. EDN: TKMJYW. <https://doi.org/10.31483/r-106719>.

Введение

Одним из актуальных направлений лингвистических исследований является изучение способов репре-

зентации современных реалий и актуальных событий в полимодальных, или креолизованных, текстах интернет-мемов и демотиваторов. И. В. Бугаева отмечает

большой диапазон терминов, обозначающих смешанные вербально-невербальные тексты: креолизованные, мультимодальные, гибридные и мн. др. (подробнее см.: [Бугаева, 2011, с. 149]). Такие тексты становятся предметом не только узколингвистических исследований, но и междисциплинарных: семиотических, культурологических, когнитивных, коммуникативных. Так, Е. М. Поляков считает мем «единицей культурной информации», «единицей передачи культурного наследия» [Поляков, 2010, с. 161], Н. Г. Марченко – «хранилищем культурных кодов сетевого сообщества» [Марченко, 2013, с. 113], Н. А. Зиновьева – единицей «инстант-культуры», «культуры мгновения» [Зиновьева, 2015, с. 195]. А. В. Изгаршева отмечает уникальность мема как коммуникативной единицы, его новую жанровую специфику [Изгаршева, 2020, с. 98]. Т. В. Марченко изучает лингвосемиотические особенности отражения сенсорного опыта, а именно синестетических переносов (визуальных, ольфакторных, аудиальных) в полимодальных единицах [Марченко, 2023, с. 210]. Изучаются интернет-мемы также тематически: с точки зрения различных речевых практик (на примере мемов профессионального сообщества юристов) (см [Хустенко, 2022]); проблем экологии [Антонова, Зацепина, Рудинова, 2022]; как отражение текущей ситуации, например, мемы о коронавирусной изоляции [Лату, 2022]; интернет-мемы 2019–2021, составляющие семантические группы «Единение» и «Разобщение» [Ребрина, 2022]; мемы, содержащие культурный ресайклинг советского [Марченко, 2022]. Таким образом, в приведенных исследованиях подчеркивается необходимость проведения комплексного анализа полимодальных единиц и отмечается отражение в них текущих культурноносных событий, их своеобразная интерпретация, часто в комическом модусе.

Предметом рассмотрения данного исследования является кулинарно-гастрономический код культуры, репрезентированный посредством демотиваторов. Определим понятия «демотиватора» и «кулинарно-гастрономического кода», используемых далее. Демотиватор представляет собой картинку на черном фоне (визуальный компонент), под которой белыми буквами написаны слоган или краткое высказывание (вербальный компонент). По определению Е. В. Капелюшник, «код культуры представляет собой исторически сложившуюся нормативно-ценностную символическую систему вторичного означивания, которая несет в себе культурную информацию о мире и социуме, структурирует, организует этнокультурное сознание и проявляется в процессах категоризации и концептуализации действительности, языкового миромоделирования»¹. Автор отмечает, что элементы той или иной традиции, получая образные и оценочные значения, становятся единицами обозначенного кода культуры. Исследователь в работе рассматривает кулинарный код культуры на основе анализа семантики образных средств языка. М. Л. Ковшова рассматривает роль пищевого, или кули-

нарно-гастрономического, кода в развитии и жизнедеятельности человека, определяя его как один из базовых кодов культуры, так как, во-первых, «еда – центральный акт в жизни общества»; во-вторых, прием пищи неразрывно связан с теми или иными нормами, традициями и обрядами; в-третьих, «питание – самое обыденное явление жизни»; в-четвертых, «голод – один из базовых инстинктов человека» [Ковшова, 2016, с. 232].

При изучении пищевого кода культуры исследователи используют синонимичные ему определения – *кулинарный / гастрономический / кулинарно-гастрономический код*. Обратимся к анализу семантики прилагательных, входящих в состав определения кода. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1997) значение прилагательного *пищевой* определяется исходя из семантики слова *пища*: «то, что едят, чем питаются». Отсюда прилагательное «*пищевой*, -ая, -ое. Например, пищевые концентраты, пищевой рацион, пищевые продукты»². Обращаясь к «Словарю русского языка», определим значение прилагательного *кулинарный*: «*Прил. к кулинария*», «*кулинария*» (от лат. *culinarius* – кухонный), в свою очередь, является «искусством приготовления пищи; 2. *собр.* кушанья»³. Прилагательное *гастрономический* соотносится по значению с существительным *гастрономия* (от франц. *gastronomie*) как «1. Понимание и знание тонкостей кулинарного искусства; изощренный вкус в еде. 2. Общее название высококачественных закусовых или требующих особого приготовления пищевых продуктов»⁴. Как видно из дефиниций, кулинария – это манера и умение приготовить еду; пища и гастрономия – сам предмет приготовления, причем последний содержит сему «высококачественный», относительно нейтральной является лексема «пища». Для того чтобы подчеркнуть разные стороны процесса поглощения и приготовления еды, исследователи употребляют сложные прилагательные типа *кулинарно-гастрономический*, *кулинарно-пищевой* и т. п. Итак, наиболее общей дефиницией среди перечисленных является «пищевой код культуры», так как понятие подразумевает под собой уникальные культурные особенности продуктов питания в целом. «Кулинарно-гастрономический код» отражает способы приготовления пищи.

Вербальный и визуальный компоненты «кулинарных» демотиваторов не ограничиваются отражением исключительно гастрономической тематики (блюд, продуктов, напитков и др.). Демотиваторы, в том числе и «кулинарные», характеризуются возможностью охватывать и иллюстрировать различные сферы жизни человека: особенности культуры, традиций и ценностей общества, его мировоззрение, историю (прошлое и настоящее) и др. При этом основным средством выражения этого общественного, культурного, исторического своеобразия является именно кулинарная составляющая, выражаемая вер-

2 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. Москва : Азбуковник, 1997. 944 с. URL : <http://ozhegov.info/slovar/?q=пища> (дата обращения : 15.04.2023).

3 Словарь русского языка (Малый академический словарь) : в 4-х томах / РАН, Институт лингвистических исследований ; под редакцией А. П. Евгеньевой. 4-е издание, стереотипное. Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. Том 2. С. 147.

4 Там же. Том 1. С. 302.

1 Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01. Томск, 2012. С. 7.

бальным и / или невербальным компонентами. К тому же в «кулинарных» демотиваторах отражаются уникальные культурные особенности продуктов питания, передаются особенности менталитета той или иной культуры.

Материал и методы исследования

Материалом для данного исследования являются демотиваторы кулинарно-гастрономической тематики (порядка ста единиц), находящиеся в свободном доступе в интернете, в которых содержится вербальное / невербальное указание, во-первых, на культурную составляющую региона (города, страны); во-вторых, способ репрезентации профессиональной деятельности или какой-либо отличительной черты характера.

Основным методом исследования становится комплексный анализ полимодальных единиц медийного дискурса, включающий лингвистический, когнитивный и лингвокультурологический аспекты.

Результаты исследования и их обсуждение

Ряд «кулинарных» демотиваторов отражает особенности и специфику той или иной национальной культуры. Это достигается тем, что вербальный и / или визуальный компоненты данной группы демотиваторов содержат названия жителей или уроженцев того или иного государства / страны, области, города и др.; отсылки к национальностям и др.

Самыми частотными являются наименования блюд, видовым понятием к которым служит отсылка к национальности при помощи наречия *по-русски*. Особенно ярко это проявляется при попытке интерпретировать иностранное наименование. По типологии мемов Н. А. Зиновьевой [Зиновьева, 2015], такие демотиваторы можно отнести к дихотомии «традиция – инновация». Например, вербальный компонент демотиватора (рис. 1) содержит наименование специального контейнера, с помощью которого можно брать еду с собой (*ланчбокс* – от англ. *lunchbox* «коробка для ланча»). Иконический компонент подкрепляет вербальный – «контейнер», изготовленный из буханки хлеба, содержит продукт (шашлык), отсылающий нас к русской современной традиции (изначально *шашлык* – блюдо стран Западной и Центральной Азии из баранины).

Рис. 1. Демотиватор «Ланчбокс по-русски»⁵
Fig. 1. Demotivator “Lunchbox in Russian”

5 Демотиваторы. URL : <https://hotdem.ru/index.php?id=21830> (дата обращения : 15.04.2023).

Следующий демотиватор (рис. 2) содержит название блюда из меню известной сети быстрого питания – гамбургер (*бигтейсти* – от англ. композита *big + tasty*).

Рис. 2. Демотиватор «БигТейсти по-русски»⁶
Fig. 2. Demotivator “Bigtasty in Russian”

Содержащееся в вербальном компоненте наименование блюда переосмысливается и адаптируется под русскую действительность. Это осуществляется с помощью, во-первых, изменения внешнего вида и формы блюда, во-вторых, использования других ингредиентов, входящих в состав исходного блюда. Само блюдо уже не является привычным гамбургером, а представлено огромными бутербродами (апелляция к первой части композита – *big* «большой») с различными видами начинки (колбаса, сосиски, шпроты и др.), которые широко используются в русской культуре питания. Визуализация и текст создают в совокупности комический эффект путем маркирования национального компонента и типичной традиции приготовления этого блюда.

Демотиваторы такого типа, как правило, содержат в вербальной части название «чужого», иностранного, блюда и включают «свою» интерпретацию посредством наречия *по-русски* / *по-украински* и т. п.: визуальный компонент внешне по форме схож с «чужим» блюдом, но состав, его ингредиенты являются типичными, традиционно русскими / украинскими и т. п. Например, демотиватор «Роллы по-русски» / «Суши по-украински» в иконической части содержит мини-бутерброд из черного хлеба и сала.

Демотиваторы (рис. 3 и рис. 4) отсылают нас к украинской гастрономической культуре

Рис. 3. Демотиватор
«Украинские вегетарианцы доказали...»⁷
Fig. 3. Demotivator
“Ukrainian vegetarians have proved...”

6 Демотиваторы. URL : <https://hotdem.ru/index.php?id=20248> (дата обращения : 15.04.2023).

7 RUSDEMOTIVATOR.RU. URL : <https://goo.su/xa928YC> (дата обращения : 15.04.2023).

Во-первых, это подтверждается визуализацией – изображением украинского национального блюда (*сало*), во-вторых, использованием прилагательного *украинский* (рис. 3) и наименования страны *Украина* (рис. 4) в текстах демотиваторов. Сало является традиционным украинским блюдом, своего рода визитной карточкой в мировой гастрономической культуре, поэтому этот продукт часто становится предметом шуток в сфере практик питания страны. Так, в вербальном компоненте демотиватора (рис. 3) создается парадоксальная ситуация: *Украинские вегетарианцы доказали, что сало является растением*. За лексемой *вегетарианцы* эксплицируется образ питания, исключающий мясо. Размещение в одном контексте слов *сало* и *растение* подчеркивает неизбежность употребления национального блюда и является комической попыткой официального разрешения.

Визуальный компонент следующего демотиватора (рис. 4) также содержит изображение украинского блюда (*сало*).

Рис. 4. Демотиватор «Неделя высокой моды в Украине»⁸

Fig. 4. Demotivator “High Fashion Week in Ukraine”

Интересен логотип, находящийся под изображением (*dol'ki & kabana*). Наименование этого продукта отсылает нас к известному итальянскому дому моды «Dolce & Gabbana». В данном случае название известного магазина семантически и формально модифицируется, тем самым создается новый бренд украинского продукта. Вербальный компонент – *Неделя высокой моды в Украине* – подчеркивает ситуацию юмора: наименование блюда с отсылкой к сфере моды. При этом семантику бренда нетрудно установить: русское словосочетание *дольки кабана*. Налицо использование приема языковой игры, с помощью которого создается фонетически похожее наименование изображаемого блюда.

В следующей группе демотиваторов отражаются региональные особенности культуры питания и традиции: здесь содержатся названия жителей той или иной области. Так, компоненты следующих демотиваторов содержат название уроженцев Сибири (*сибиряков*). В демотиваторе (рис. 5) изображены кондитерские изделия (*леденцы*), предназначенные для определенной целевой аудитории – «*настоящих сибиряков*».

8 JoyReactor: инкапсуляция и полиморфизм. URL : <https://goo.su/KszWQHP> (дата обращения : 15.04.2023).

Рис. 5. Демотиватор «Леденцы для настоящих сибиряков»⁹

Fig. 5. Demotivator “Lollipops for real Siberians”

В качестве леденцов выступают пельмени (финно-угорское слово: *пель* – ухо, *нянь* – хлеб), нанизанные на палочки. В отличие от предыдущей группы демотиваторов, в которых новому наименованию блюда придается традиционная интерпретация, здесь мы видим новую форму (леденца – *чупа-чупса*), новое обрамление блюда, его подача для традиционной культуры.

Отражение специфики национальной культуры представлено и в демотиваторе (рис. 6).

Рис. 6. Демотиватор «Наконец-то...»¹⁰

Fig. 6. Demotivator “Finally...”

Иконический компонент содержит изображение огурцов на прилавке с табличкой «Бананы зеленые» с пометой *сибирские*, т. е. эксплицируется принадлежность изображенного продукта суровому в отношении климата российскому региону Сибири. Вербальный компонент демотиватора *Наконец-то...* сообщает о том, что на прилавках рынка совершилось нечто невозможное. Если *зеленые бананы* обычно считаются незрелыми, то в данной ситуации прилагательное *зеленые* является частью новой номинации огурцов как «нового сорта бананов», которые свободно растут там, где бананы не могут произрастать (в Сибири), что и обыгрывается в демотиваторе.

В демотиваторе (рис. 7) изображены дети с большим бутербродом в руках, начиненным икрой.

9 Демотиваториум. URL: <https://demotivatorium.ru/demotivators/d/210696/> (дата обращения : 15.04.2023).

10 ASKEE – ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ. URL : <https://askee.ru/question/33532> (дата обращения : 15.04.2023).

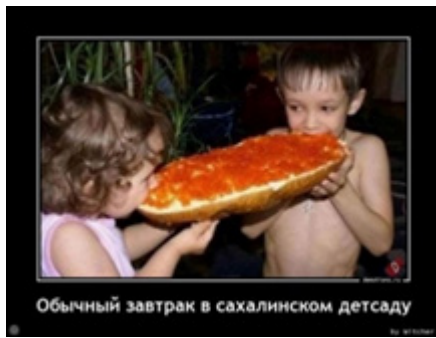

Рис. 7. Демотиватор «Обычный завтрак в сахалинском саду»¹¹

Fig. 7. Demotivator "Ordinary breakfast in the Sakhalin kindergarten"

Сахалинскую кухню невозможно представить без рыбы и морепродуктов. Местные жители шутят, что главное блюдо острова – это «бутерброд по-сахалински», или кусочек хлеба, щедро покрытый красной икрой. Для жителей других областей России употребление в пищу икры является дорогим удовольствием. Комический эффект достигается тем, что употребление в пищу бутерброда с икрой – это так называемый «Обычный завтрак в сахалинском детсаду». Стереотип, используемый в демотиваторе, представлен количественно-качественной составляющей – огромный бутерброд с икрой, поедаемый с двух сторон.

Выделяются «кулинарные» демотиваторы, отражающие стереотипы о жителях какого-либо города, например Челябинска. В демотиваторе (рис. 8) изображена упаковка чеснока под наименованием черешни.

Рис. 8. Демотиватор «Вот это по-нашему!!»¹²

Fig. 8. Demotivator "That's our way!!"

Визуализацию подкрепляет текст, содержащий словосочетание *челябинская черешня*. В демотиваторе юмористически обыгрывается ситуация, связанная с не соответствующей продукту этикеткой, что в свою очередь эксплицирует возможности и природные ресурсы города. Еще на одном демотиваторе изображена открытая трехлитровая банка соленых огурцов с коктейльной трубочкой, в вербальном компоненте содержится вербализация напитка – «челябинское мохито». Такой тип схож с приведенными выше, в которых интерпретируется иностранное понятие «по-русски».

11 Demotions: демотиваторы на любой вкус. URL : <https://goo.su/CIUsx> (дата обращения : 15.04.2023).

12 ГыГы приколы. URL : <https://goo.su/HU2d> (дата обращения : 15.04.2023).

Таким образом, налицо два типа интерпретации дихотомии «традиция – инновация» в блюдах: те, которые не свойственны традиционной культуре, осмысляются посредством «своих» пищевых реалий (*суши, роллы, бигтейсти, ланчбокс, мохито*); те, которые являются типическими, пытаются быть осмысленными в новом, не свойственном традиционной культуре, ключе (*пельмени – леденцы, огурцы – бананы, чеснок – черешня* и т. п.).

«Кулинарные» демотиваторы способны отражать особенности профессий и характеристики качеств человека, при этом профессии могут быть не связаны с гастрономической тематикой напрямую. В данной группе широко используется формула «*время приема пищи* в И. п. + *наименование профессии / характеристики человека* в Р. п.».

Частотно использование утреннего приема пищи – завтрака в качестве первого компонента формулы. На таких изображениях, как правило, присутствует стандартный для завтрака набор продуктов: бутерброд (хлеб, сыр, колбаса, масло), яичница. Например, вербальный компонент демотиватора (рис. 9) объясняет то, что изображено (бутерброд с сыром и колбасой).

Рис. 9. Демотиватор «Завтрак ядерщика»¹³

Fig. 9. Demotivator "Breakfast of a nuclear scientist"

Используется формула «*завтрак* (И. п.) + *ядерщика* (Р. п.)». То, что блюдо принадлежит ядерщику, становится ясным по изображению – специальному знаку радиационной зоны, который составлен из кусочков колбасы. Демотиватор *завтрак кочегара* обращает внимание на способ приготовления завтрака – блюдо (яичница) готовится на лопате под воздействием открытого огня. Таким способом использование профессиональных навыков помогает удовлетворить потребность человека в еде.

Помимо отражения профессиональной деятельности в «кулинарных» демотиваторах возможно изображение приема пищи, который характеризует особенности проявляемых человеком качеств. В демотиваторе – *Завтрак перфекциониста* – второй компонент используемой формулы отражает стремление человека сделать предмет «идеально ровным», что является характерной чертой перфекционистов. Вербальный компонент демотиватора подкрепляется визуализацией – изображением идеального по форме бутерброда на тарелке.

В демотиваторе (рис. 10) в качестве времени приема пищи (первого компонента формулы) выступает лексема *обед*.

13 Белгут Гомель. URL : <https://belgut.ru/photo-id-1723.html> (дата обращения : 15.04.2023).

Рис. 10. Демотиватор «Обед главбуха»¹⁴
Fig. 10. Demotivator “Lunch of a chief accountant”

Вербальные компоненты демотиватора в совокупности создают комический эффект, который достигается с помощью рифмы (*соус «матбуха», обед главбуха*) и псевдочленения слова *матбуха*, которое является наименованием марокканского соуса из помидоров, заправленного чесноком и перцем чили. Это слово не является сложносокращенным в отличие от лексемы *главбух* (главный бухгалтер).

Вербальный компонент демотиватора – *Ужин палеонтолога* – содержит другое время приема пищи – ужин. Известно, что палеонтолог – ученый, изучающий ископаемые остатки вымерших организмов: животных, растений, бактерий и т. д. Визуальный компонент изображает пельмени в форме динозавров, являющиеся предметом его профессионального исследования.

В следующем демотиваторе (рис. 11) первый компонент формулы представлен не временем приема пищи, как это было ранее, а наименованием блюда (борщ).

Рис. 11. Демотиватор «Борщ программиста»¹⁵
Fig. 11. Demotivator “Programmer’s soup”

То, что борщ предназначен для именно для программиста, становится ясным по содержанию блюда – компьютерные клавиши в тарелке с водой / бульоном. В данном случае это противоречие создает комический эффект.

Удовлетворение потребностей в еде является необходимым условием дальнейшего существования человека. В демотиваторе (рис. 12) – *Жизнь налаживается – устроился слесарем на мясокомбинат* – интересна визуализация: изображение инструментов рабочего, которые сделаны из различного вида мясной продукции, что подчеркивает особым образом сферу деятельности и ее «комический» результат.

14 Fishki.net. URL: <https://fishki.net/demotivation/104349-obod-glavbuha.html> (дата обращения : 15.04.2023).

15 Пикабу. URL : <https://goo.su/PZ4N> (дата обращения : 15.04.2023).

Рис. 12. Демотиватор «Жизнь налаживается...»¹⁶
Fig. 12. Demotivator “Life is getting better...”

Вербальный компонент демотиватора (рис. 13) отсылает нас к роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Однако семантика вербального компонента не соответствует образам романа писателя. Мастером является в данном случае человек, который готовит пиццу, соответственно «маргарита» – это известное наименование пиццы. В данном демотиваторе используется прием языковой игры, реализуемый на уровне лексического наполнения слов в прецедентной единице.

Рис. 13. Демотиватор «Мастер и Маргарита»¹⁷
Fig. 13. Demotivator “Master and Margarita”

Таким образом, профессиональные и качественные особенности человека эксплицируются в демотиваторах: с одной стороны, это отражается в способе приготовления блюда (завтрак кочегара), во внешнем виде (завтрак ядерищика, перфекциониста, ужин палеонтолога), в содержимом (борщ программиста). С другой стороны, может так же, как и в первой группе примеров, использоваться способ интерпретации «нового» через соотношение с привычными понятиями (ср. *матбуха – обед главбуха*) или через апеллирование к общему культурному фону знаний, прецедентике («Мастер и Маргарита»).

Выводы

1. Дихотомия «традиция – инновация» в демотиваторах кулинарно-гастрономической тематики получа-

16 Demotions: демотиваторы на любой вкус. URL : <https://goo.su/KH6yFzD> (дата обращения : 15.04.2023).

17 Пикабу. URL : <https://goo.su/YVzE31a> (дата обращения : 15.04.2023).

ет следующее осмысление: если в вербальном компоненте демотиватора содержится указание на «чужое», иностранное, блюдо, то визуальная составляющая включает «свою» интерпретацию, т. е. вводятся типичные, традиционные для той или иной культуры блюда. И напротив, традиционные наименования блюд или продуктов питания получают «инновационную» интерпретацию.

2. Профессиональная деятельность является отличительной чертой в оформлении блюда, способе приготовления и его содержанием.

3. В демотиваторах происходит апеллирование не только к фоновым знаниям о стереотипах профессиональной сферы и практиках питания, но и к общему культурному фону, представленному в т.ч. и в прецедентных единицах демотиваторов.

4. Языковая игра получает визуально-вербальное смысловое воплощение. Так, демотиватор «Мастер и маргарита», с одной стороны, апеллирует к прецедентному наименованию романа, с другой – к буквальному визуальному «прочтению» демотиватора, изображающего мастера приготовления пиццы «Маргариты».

Таким образом, кулинарно-гастрономическая тема получает своеобразное воплощение в демотиваторах: традиционные и новые – заимствованные из других культур – наименования блюд приобретают национальную специфику, «окраску». Некоторые города и регионы становятся особо популярными в демотиваторах, такие как Сибирь, Челябинск. Выявляются профессиональные и качественные стереотипы, причем блюдо внешне, с помощью иконической части, «превращается» в типичный для профессии инструмент или прибор (например, суп программиста буквально содержит клавиатуру или ужин палеонтолога – печень в форме динозавра); а также совмещает в себе, «контаминирует» объект деятельности, инструмент и место работы (чемодан слесаря с «мясными» инструментами, т. к. место работы – мясокомбинат) или приобретает форму того или иного качества человека в еде (например, идеальные линии бутерброда перфекциониста). Особое место занимает прецедентика, единицы которой получают кулинарно-гастрономическое толкование (см. пример демотиватора с пиццей «Маргарита» и его булгаковское наименование «Мастер и маргарита»).

Список литературы

Антонова Е. Н., Зацепина Е. А., Рудинова Ю. И. Коммуникативное событие в образе паремий русского медийного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. №3. С. 6–19. DOI: [10.18384/2310-7278-2022-3-6-19](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-6-19) EDN GOYIAM

Бугаева И. В. Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика // Стил. 2011. №10. С. 147–158. EDN XYVFD

Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. №1. С. 195–201. EDN TPHGAR

Изгаршева А. В. Интернет-мем как медиатекст: лингвистический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. №5. С. 86–101. DOI: [10.18384/2310-712X-2020-5-86-101](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-5-86-101) EDN YXCUTW

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 3 издание. Москва : ЛЕ-НАНД, 2016. 456 с.

Лату М. Н. Мемы и демотиваторы о самоизоляции: коррелирующие смысловые компоненты и типы семантических отношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Том 21, №4. С. 20–37. DOI: [10.15688/jvolsu2.2022.4.2](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.2) EDN OTVCFZ

Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. №1. С. 113–115. EDN PVKDRD

Марченко Т. В. Взаимодействие форм прецедентности в синестетических полимодальных единицах: мемы в чувствах и чувства в мемах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. №1. С. 210–224. DOI: [10.29025/2079-6021-2023-1-210-224](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-210-224). EDN BOISEH

Марченко Т. В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Том 9, №3. С. 505–518. DOI: [10.37493/2409-1030.2022.3.17](https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17) EDN ZAFRPI

Поляков Е. М. Меметика: наука или парадигма? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2010. №2. С. 160–165. EDN NUNGBV

Ребрина Л. Н. Интернет-мемы 2019–2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации: смыслы единения и разобщения // Научный диалог. 2022. Том 11, №6. С. 235–267. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-268](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-268) EDN LOSPDB

Хустенко А. А. Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях // Научный диалог. 2022. Том 11, №4. С. 258–282. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282) EDN SRJKYT

References

Antonova E. N., Zatsepina E. A. & Rudinova Yu. I. (2022). A Communicative Event in The Form of Paremiias of The Russian Media Discourse. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 6–19. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-6-19> EDN: GOYIAM

Bugaeva I. V. (2011). Demotivatory kak novyy zhanr v Internet-kommunikatsii: zhanrovye priznaki, funktsii, struktura, stilistika. *Style*, 10, 147–158. EDN: XYVFD

Zinov'eva N. A. (2015). Impact of Memes on Internet Users: Typology of Internet-memes. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 1, 195–201. EDN: TPHGAR

- Izgarsheva A. V. (2020). The Internet Meme as Media Text: Linguistic Aspect. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 86–101. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-5-86-101> EDN: YXCUTW
- Kovshova M. L. (2016). *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: kody kul'tury*. LENAND.
- Latu M. N. (2022). Correlating Sense Components in Memes and Demotivators About Mass Self-Isolation: Types of Semantic Relations. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 21(4), 20–37. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.2>. EDN: OTVCFZ
- Marchenko N. G. (2013). Internet-Meme Like Storage of the Cultural Code of Internet-Community. *Kazan Science*, 1, 113–115. EDN: PVKDRD
- Marchenko T. V. (2023). Interaction of Precedence Forms in Synesthetic Polymodal Units: Memes in Feelings and Feelings in Memes. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 1, 210–224. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-210-224>. EDN: BOISEH
- Marchenko T. V. (2022). Cultural Recycling of the Soviet in Internet Memes: Semiotic Linguistic Interpretation. *Humanities and law research*, 9(3), 505–518. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17> EDN: ZAFRPI
- Polyakov E. M. (2010). The Memetika: The Science or The Paradigm? *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 2, 160–165. EDN: NUNGBV
- Rebrina L. N. (2022). Internet Memes of 2019–2021 as Current Phenomenon of Internet Communication: Meanings of Unity and Disunity. *Scientific Dialogue*, 11(6), 235–267. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-268> EDN: LOSPDB
- Khustenko A. A. (2022). Specificity of Semiotic Organization of Internet Memes of Professional Community of Lawyers in Social Networks. *Scientific Dialogue*, 11(4), 258–282. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282>. EDN: SRJKYT

Информация об авторах

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>; e-mail: olgaal_79@mail.ru

Андреева Диана Владимировна – студентка, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6043-6041>; e-mail: diandreeva2002@yandex.ru

Information about the authors

Olga A. Dimitrieva – Cand. Sci. (Philol.), Assistant Professor, I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>; e-mail: olgaal_79@mail.ru

Diana V. Andreeva – student, I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6043-6041>; e-mail: diandreeva2002@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.05.2023
Принята к публикации 24.07.2023
Опубликована 25.08.2023

Received 10 May 2023
Accepted 24 July 2023
Published 25 August 2023

Тополектизация поэтического текста в годы формирования китайской «новой поэзии»

<https://doi.org/10.31483/r-107456>

УДК 811.581 / 801.6

Дрейзис Ю. А.^{1,2}¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова ²Российская академия наук

г. Москва, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-1881-0728>, e-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Резюме. В статье описываются различные проявления вернакуляризации в так называемой «новой поэзии» на современном китайском языке 1920–1930 гг. Эти проявления, рассматриваемые через призму проникновения тополектного компонента, анализируются на примере творчества Лю Баньнуна и авторов группы «Новолуние», сознательно прибегавших к тактике введения просторечия в поэзию. Язык «новой поэзии» Лю Баньнуна включает лексику и грамматические конструкции, характерные для северного у региона Тайху. Следуя по стопам Лю Баньнуна, поэты группы «Новолуние» вводят в тексты тополектную лексику, а отдельные стихотворения прямо маркируют как тополектные. Помимо узуального вкрапления лексики или включения крупных фрагментов текста, написанных непосредственно на тополекте, тополектизация осуществляется также посредством рифмовки. Тополектизация, следующая ранним опытам по включению просторечия в поэтический текст, выступает как процесс социолингвистических изменений, посредством которого особенности тополекта просачиваются в области, прежде бывшие «заповедниками» стандартности. Несмотря на то, что дальнейшее влияние этой тополектизированной поэзии долго оставалось недооцененным, намечившаяся связь между тополектом и аутентичным воплощением идеи национального языка становится важной для любой дискуссии о языковом реформировании и языковой ревитализации в новом Китае.

Ключевые слова: китайский язык, письменное – устное, современная поэзия, вернакуляризация, тополект, Лю Баньнун, группа «Новолуние».

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19–18–00429) в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Дрейзис Ю. А. Тополектизация поэтического текста в годы формирования китайской «новой поэзии» // Этническая культура. 2023. Т. 5, №3. С. 29-36. DOI 10.31483/r-107456. EDN FLEIUE

Research Article

Poetic topolectization in the formative years of the Chinese “new poetry”

Yulia A. Dreyzis^{1,2} ¹Lomonosov Moscow State University ²Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-1881-0728>, e-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Abstract. The paper explores the infiltration of topolect into the poetry of Liu Bannong and Crescent Moon Society authors, induced by the Folksong Collection Movement, often labeled as introducing vernacular into poetry. The language of Liu Bannong’s New Poetry presents a complex hybrid between the emerging literary norm, local Beijing vernacular and his native lect of the northern Taihu region. Many contemporaries noted his poetry’s merits and his invaluable contribution to New Poetry development, greatly facilitated by Liu Bannong’s professional linguistic training. Following Liu Bannong’s footsteps, the Crescent Moon Society suggested experimenting with a new poetic language through the prism of the vernacular. Theorizing was supported by poetic practice: the authors of the Crescent Moon Society included topolect vocabulary in the texts abundantly, and directly marked individual poems as colloquial. In addition to inlaying topolect vocabulary or including large fragments of text written in topolect, topolectization was also carried out through rhyming. Despite the fact that further influence of this topolect poetry remained underestimated, the emerging connection between topolect and the authentic embodiment of the idea of a national language has become important for any discussion about language reform in the new China.

Keywords: oral and written dichotomy, Chinese language, contemporary poetry, topolect poetry, vernacularization, Liu Bannong, Crescent Moon Society.

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00429) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Dreyzis Y. A. (2023). Poetic topolectization in the formative years of the Chinese “new poetry”. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 29-36. EDN: FLEIUE. <https://doi.org/10.31483/r-107456>.

Введение

Так называемая китайская «новая поэзия» (新诗) появилась на свет как часть масштабной литературной революции, запущенной в 1916–1917 гг. и затронувшей все пространство китайской литературы.

Главным отличием «новой поэзии» от традиционных форм была установка на использование вернакуляра [Черкасский, 1972, с. 35], а также отказ от ритма, метра и рифмовки классической поэзии, по меньшей мере декларативный [Yeh, 2008]. Время активного

развития «новой поэзии» вплоть до середины 1920 гг. стало одновременно этапом постепенной маргинализации классических форм¹.

Существовавшее на протяжении многих столетий напряжение между строгостью формы, заточенной под классический письменный высокий язык, и периодически возникающим стремлением писать на языке разговорном, было переосмыслено теоретиками «новой поэзии» в духе бинарной оппозиции [李怡, 2006, с. 255]. Самые острые споры велись в то время не столько о том, можно ли использовать вернакуляр байхуа² для создания поэтических текстов, сколько о его аутентичности в качестве языка поэтического [龙泉明, 1995].

Группа интеллектуалов, тесно связанных с Пекинским университетом, провозгласила, что не письменный китайский литературный канон, но скорее развитие устной словесности должно служить образцом новой литературы на вернакуляре [Tam, 2020, с. 114]. Чтобы донести свою концепцию до более широкого круга исследователей и авторов, эта группа во главе с Лю Баньнуном (刘半农, 1891–1934), сформировала бюро по сбору народных песен при Пекинском университете. История бюро началась с реплики, брошенной в разговоре Лю Баньнуна с его другом Шэнь Иньмо (尹默, 1883–1971) после лекции о простонародной литературе: Лю отметил, что существует масса фольклорных песен, которые никто не пытался хоть как-то зафиксировать [Tam, 2020, с. 115]. Вскоре Шэнь Иньмо создал при Пекинском университете соответствующую структуру, а Лю Баньнун выступил редактором одной из первых ее работ – сборника двадцати народных песен лодочников уезда Цзяньинь провинции Цзянсу.

К группе молодой профессуры примкнул Чжоу Цзожэнь (周作人, 1885–1967), младший брат писателя Лу Синя (鲁迅, настоящее имя – Чжоу Шужэнь (周树人), 1881–1936). В 1922 г. вместе с другими сторонниками идеи последовательного сбора фольклорного материала он начал выпускать «Еженедельник народных песен» (歌谣周刊), сперва в качестве приложения к университетской газете «Бэйцзин дасюэ жибао» (北京大学日报), а затем как самостоятельное периодическое издание. В нем публиковались материалы, собранные членами бюро с 1918 г.

В течение всего следующего года участники бюро активно экспериментировали с целым рядом подходов к

1 Под поэзией в классических формах мы понимаем прежде всего следующие категории, обладавшие на протяжении своего существования разной степенью поэтического авторитета, но неизменно вовлекавшиеся в круг допустимых высоких форм: 律体诗 (поэзия регулярного стиля), другое терминологическое название 格律诗; 古体诗 (поэзия древнего стиля), по-своему альтернативная поэзия регулярного стиля, и лирика-цы (词) со строками нерегулярной длины, рифмой и тональными чередованиями.

2 Идиом байхуа в различных своих разновидностях был распространен на всей основной территории Китая и представлял собой переходную ступень от древнекитайского к современному [Зограф, 2016, с. 10]. Примерно с эпохи Сун (960–1279) разговорный язык – байхуа «становится письменным и в дальнейшем существуют два литературных языка – вэньянь и байхуа (находившиеся в определенной связи с литературными жанрами) вплоть до начала XX века» [Зограф, 2016, с. 11]. Именно тогда байхуа одержал победу над вэньянем и стал единственным литературным языком, однако эти изменения коснулись в первую очередь художественной литературы, тогда как во многих сферах официальной коммуникации влияние вэньяня продолжало сохраняться и в последующее время.

изучению народных песен. Первые несколько выпусков журнала были выстроены как антологии, охватывавшие широкий спектр произведений: от песен горных районов провинции Фуцзянь и до крестьянских напевов провинции Гуандун и Аньхуэй. Однако довольно быстро журнал перешел от размещения самих текстов к публикации рассуждений о науке собирательства народных песен. В статьях на первых полосах объяснялось, как исследователь должен записывать песни, где их искать и с какими трудностями можно столкнуться «в поле».

Участники группы сделали ставку именно на народные песни, т. к. эти тексты соответствовали всем требованиям пришедшей языковой модерности³: они были устными, они нарушали строгие правила высокой поэзии и происходили при этом из народной среды, они олицетворяли невыразимую подлинность повседневности, которую так отчаянно пыталось ухватить «Движение четвертого мая» [Hung, 1985, с. 178]. Устное измерение повседневности принимало в них форму тополектового.

Материалы и методы исследования

Термин «тополект» был впервые предложен синологом В. Мэром [Maig, 1991] в качестве наиболее нейтрального перевода китайского термина «фаньянь» (方言), традиционно используемого для описания идиомов с проблемным статусом – китайских диалектов. Мы будем применять термин «тополект» как обозначение репрезентативного идиома для каждого пучка близких диалектов (С. Е. Яхонтов называет их группами диалектов, носители которых не понимают друг друга [Яхонтов, 1980]), составляющих более крупные региональные разновидности языка.

В китайской практике существует устойчивая тенденция к искусственному занижению числа тополектов. Официальные данные стремятся сократить их число до пяти, чтобы создать иллюзию того, что синитические идиомы сближаются. Однако полевая работа диалектологов показывает, что в действительности это число больше⁴. С 1985 г. серия пересмотров традици-

3 С тех пор как Шарль Бодлер впервые настоял на обозначении словом «современность» / «модерность» (modernité) не только временного отрезка, но и определенной формы и опыта социальной жизни, концепция модерности оставалась довольно спорным предметом изучения [Стейнберг, 2016, с. 52]. Отметим, однако, что именно понятие модерности как нельзя лучше описывает совокупность трансформационных процессов, меняющих китайское общество на пороге XX в. и порождающих не только новый тип социального опыта, но и способы размышления о культуре и языке.

4 В частности, Ян Чуньлин, эксперт по диалектам провинции Шэньси, предлагает выделять как минимум девять основных тополектов [杨春霖, 1986]. Основанием служит тот факт, что местные идиомы в северной части Шэньси сохраняют входящий тон и частично непонятны носителям нормативного китайского языка. Следуя этой логике, можно выделить множество отдельных идиомов в пределах северокитайской зоны. На севере Китая существует значительное количество идиомов, частично или полностью сохраняющих входящий тон. В других районах, например, в округе Яньтай на северном побережье Шаньдуна не фиксируется палатализация велярных и апикальных сибиллянтов перед гласными высокого подъема – предположительно общая черта всех разновидностей северокитайского. Лян Дэмань, эксперт по сычуаньским диалектам, указывает, что пятьдесят и более процентов лексики разных идиомов провинции Сычуань отличается от современного стандарта, несмотря на отнесение Сычуани к северокитайской зоне (нормативный китайский был сформирован на базе северокитайского, в частности пекинского диа-

онной классификации основных тополектов на базе полевых исследований начала появляться на страницах китайского журнала «Фаньянь» (方言). Согласно этой новой разбивке, насчитывается 662 240 000 человек, говорящих на северокитайском, т. е. гуаньхуа (官话), 45 000 000 человек, говорящих на цзинь (晋) в восточной части провинции Шаньси, 69 920 000 человек – на у (吴) в Шанхае и провинции Чжэцзян, 3 120 000 – на хуэй / хой (徽) в южной части провинции Аньхой, 31 270 000 – на гань (赣) в провинции Цзянси, 30 850 000 – на сян (湘) в провинции Хунань, 55 070 000 – на минь (闽) в провинции Фуцзянь, 40 210 000 – на юэ (粤) в провинции Гуандун, 2 000 000 – на пинхуа (评话) и 35 000 000 – на хакка (客家) среди 977 440 000 человек, говорящих на ханьском, т. е. на синитических идиомах. Мы будем ориентироваться на данную классификацию в разговоре о проникновении тополектных явлений в современную китайскую поэзию, в том числе имитирующую народные стихи.

Прежде всего именно устный характер народных песен делал их заслуживающими изучения. Однако их фиксация, как отмечал Чжоу Цзожэнь, составляла проблему: озвучивание песен, исполняемых на тополекте, не было очевидным для читателя; тексты часто содержали тополектную лексику, для записи которой отсутствовали соответствующие символы. Чжоу считал подлинное сохранение тополектной поэзии почти невыполнимой задачей [周作人, 1923, с. 1].

Сомнения Чжоу были связаны прежде всего с тем, что современная ему методология фиксации не способна была устранить разрыв между устным характером песни и письменным способом ее передачи. На данный момент, как писал Чжоу, исследователи принуждены записывать местные слова и выражения, при необходимости добавляя дополнительные объяснения [周作人, 1923, с. 1–2]. Чжоу настаивал на том, что даже элементарное понимание структуры основных китайских тополектов и наличие системы фонетической записи их произношения сильно упростят исследовательскую задачу.

Слова Чжоу вызвали живую дискуссию о том, как стоит лучше подходить к изучению тополектов. Наиболее важные предложения принадлежали перу историка Дун Цзобиня (董作宾, 1895–1963). В своей статье «Проблема народных песен и местного произношения» (歌谣与方音的问题) Дун провел разграничение тополекта фаньянь как местного идиома, и фаньинь, местного произношения. Дун выступал за проведение исследований фаньинь, которые сосредоточились бы на различиях именно в произношении, а не в лексике. Оба типа сравнения нормативного языка и локального идиома ценны, полагал Дун, однако только благодаря изучению произношения ученые способны отразить на письме местный колорит. Идеальная запись фонетических особенностей тополекта, которая могла быть получена только в результате подробных сравнительных исследований, дополняла смысл любой народной

лекта [梁德曼, 1989]. К числу таких слов относятся многие из самых простых глаголов. Следовательно, «северокитайский» представляет собой гипероним; он включает неопределенное количество взаимно непонятных идиомов, очень немногие из которых когда-либо фиксировались на письме.

песни – без подобной записи песня становилась неестественной, тусклой и скучной [董作宾, 1923, с. 1–2].

Эта дихотомия между непосредственностью устного и конкретностью письменного языка подчеркивает важное противоречие, которое собиратели народных песен не могли полностью разрешить. Оно составляло общую проблему для многих авторов «Движения четвертого мая», которые превозносили народную устную речь, одновременно превращая ее в письменный текст. Хотя они оперировали несовершенными методами, эти люди подчеркивали важность народных песен и, соответственно, тополектов в создании национальной литературы. Что наиболее важно, признание ими того факта, что народные песни были в значительной степени формой тополектного искусства, косвенно подразумевало, что только тополект был способен выражать в литературе подлинное эмоциональное содержание. Собиратели народных песен, которые отдавали предпочтение чувству, подчеркивали, что оно может быть выражено только в местной речи.

Несмотря на то, что движение за сбор народных песен быстро угасло («Еженедельник народных песен» закрылся через два года после создания), а его идеологи переключились на другие области, возникшая связь между тополектом и аутентичным воплощением идеи общенационального языка стала важной для любой дискуссии о языке и языковой реформе в новом Китае⁵. Мы рассмотрим индуцированное движение за сбор народных песен просачивание тополекта в поэтические тексты Лю Баньнуна и авторов группы «Новолуние» (新月派) в период с середины 1920 до середины 1930 гг., часто маркируемое как проникновение просторечия в поэзию⁶. Особое внимание в работе будет уделено выявлению и определению доли тополектной лексики.

Трудно точно определить, насколько лексически различаются тополекты и нормативный китайский язык; общие оценки варьируют от 30 до 50 процентов [欧阳觉亚, 1993, с. 23]. Отсутствие формальной стандартизации означает, что возникает проблема определения письменной формы тополекта. Относительно широкий подход представлен в работе Р. Бауэра [Bauer, 1988, с. 254–255, 282], посвященной письменному юэ: он идентифицирует с письменным юэ любой текст, который был намеренно написан для чтения юэязычным читателем и включает по крайней мере один лексический элемент юэ. Д. Сноу предлагает другой подход: он отмечает, что тексты на письменном юэ могут различаться по количеству содержащегося в них юэского лексического материала, представляя собой континуум – на одном конце его находятся тексты, написанные в основном на современном нормативном китайском, но все же включающие в себя один или несколько лексических элементов юэ, на другом –

5 В течение года после основания бюро актуальность исследования тополектов проступила со всей ясностью, во многом благодаря усилиям профессора Пекинского университета Линь Юйтана (林语堂, 1895–1976), бывшего с конца 1923 по 1924 г. постоянным автором «Еженедельника народных песен» и заложившего основы китайской диалектологии.

6 Упоминание просторечия часто служит маркером использования в тексте тополекта, см.: 饶孟侃. 新诗话·土白入诗 // 晨报副刊·诗铎. 1926. № 8. 第20页.

тексты, полностью написанные на юэ, которые совершенно не могут быть прочитаны и поняты читателями, владеющими только нормативным языком [Snow, 2004, с. 60–61]. Мы будем ориентироваться на подход Д. Сноу и его метод подсчета лексического своеобразия текста на смешанном идиоме.

Результаты исследования и их обсуждение

Язык «новой поэзии» Лю Баньнуна представляет собой сложный гибрид между формирующейся литературной нормой, локальным пекинским просторечием и родным для него тополектом у (в варианте, характерном для региона Тайху). Тексты Лю Баньнуна, о которых идет речь, были опубликованы только в 1926 г., и их влияние на тех же поэтов «Новолуния» оказалось недооцененным. При этом многие отмечали заслуги Лю как «первого человека в китайской литературе, который использовал тополект и низкий стиль для создания стихов, причем успешно»⁷, чему немало способствовало как наличие у него профессиональной лингвистической подготовки (результата продолжительной учебы в Великобритании и Франции), так и опыта издательской работы в космополитичном Шанхае [Носкх, 2000]. В числе прочего Лю Баньнун занимался экспериментальной фонологией, диалектологическими исследованиями и списками так называемых вульгарных знаков суцзы (俗字), не входящих в классические словари, но распространенных среди населения. Кроме того, он много сил отдавал фольклористике, и тексты его поэтических сборников «Взмах плети» (扬鞭集, 1926) и «Глиняный котел» (瓦釜集, 1926) имитировали стиль народных песен [Черкасский, 1972, с. 97].

В отдельных стихах Лю Баньнуна («Хлеб и соль» (面包与盐); «Подражание миму»⁸ (拟拟曲)) доминирует пекинский говор, но большая часть характеризуется преобладанием родного для поэта говора Цзяньнина – тополекта у. В сборнике «Глиняный котел» содержится 21 текст такого плана; несколько стихотворений («Подражание детской песенке» (拟儿歌); «Кипение» (沸热); «Тридцатый день рождения» (三十初度); «Вечер крестьянина» (一个小农家的暮) и др.) вошли и в его книгу «Взмах плети». Некоторые стихи явно маркированы пометой «с использованием тополекта» (например, «Подражание детской песенке»).

Рассмотрим подробно один, девятнадцатый, текст сборника «Глиняный котел» – «Что за платье стираешь ты, сестрица, на берегу?» (河边浪阿姐你洗格啥衣裳). Как и все остальные стихи сборника, кроме самого первого текста, это стихотворение представляет собой имитацию народной песни и содержит большое количество тополектной лексики:

(1) 河边 / 浪 / 阿姐 / 你 / 洗 / 格 / 啥 / 衣裳⁹

7 渠门. 《读瓦釜集》以后捧半农先生 // 刘半农研究资料. 天津: 天津人民出版社, 1985. 第277页.

8 Мим (греч. *μῖμος*, лат. *timus* – подражание, подражатель) – вид представления античного театра. Ранние мимы полны шуток и простонародных поговорок.

9 Текст приводится по изданию 1984 г., см.: 半农诗歌集评 / 赵景深. 书目文献出版社, 1984. 第146页. Нормативные чтения даны в соответствии с системой Палладия, тополектные чтения на у приводятся по системе общеупотребительной транскрипции у, разработанной лингвистами-любителями и кодифицированной в 2005 г., с добавлением тонов и отражают говор Цзяньнина (локальный вариант у). Сначала приводится пословный, а затем связный перевод.

хэбянь / лан / ацзе / ни / си / гэ / ша / ишан
ghou¹pie¹ / laon³ / a¹tsia² / ni² / si² / kah⁴ / sa³ / i¹zan¹
берег реки / на / старшая сестра / ты / стирать / маркер субстантивации / какой / одежда

что за платье стираешь ты, сестрица, на берегу?
(2) 你 / 一 / 泊 / 一 / 泊 / 泊出 / 情 / 波 / 万丈 / 长
ни / и / бо / и / бо / бочу / цин / бо / ваньчжан / чан
ni² / ih⁴ / boh⁴ / ih⁴ / boh⁴ / boh⁴tsheh⁴ / dzin¹ / pu¹ / ve³dzan² / dzan¹

ты / то / бросать / то / бросать / выбросить / страсть, любовное томление / взор / бесконечный (букв. на 10 тысяч чжан¹⁰) / длина

ты бросаешь один за другим взоры, полные страсти, на тысячи чжан вокруг

(3) 我 / 隔仔 / 绿沉沉 / 格 / 杨柳 / 听 / 你 / 一记 / 一记 / 捣

во / гэцзай / люйчэньчэнь / гэ / янлю / тин / ни / ицзи / ицзи / дао

ngou² / kah⁴tsy² / loh⁴dzen¹dzen¹ / kah⁴ / yan¹lei² / thin¹ / ni² / ih⁴ci³ / ih⁴ci³ / tau²

я / через / зеленый-презеленый / маркер субстантивации / ива / слушать / ты / один взмах / один взмах / колотить (вальком)

я сквозь зеленые ивы слушаю один за другим взмахи твоего валька

(4) 一记 / 一记 / 一齐 / 捣 / 勒 / 我 / 心 / 浪
ицзи / ицзи / ици / дао / лэду / во / синь / лан
ih⁴ci³ / ih⁴ci³ / laon³ / ih⁴zi¹ / tau² / ngou² /

один взмах / один взмах / все как один / колотить (вальком) / на, по / я / сердце / на

взмах за взмахом колотят все как один по моему сердцу

Отдельные лексемы автор считает нужным пояснить для читателя, приводя в сноске их нормативные соответствия: 一记 «один взмах, удар» = 一下; 勒 «на, по» = 在. Другие, например, 浪 «на» = 上, оставляет без комментария. С точки зрения формы, тексты сборника тяготеют к определенному типу четверостишия, который широко представлен в народной поэзии шаньгэ (山歌, букв. горные песни), однако строки не равны по числу слогов. Большая часть текстов строится на разного рода повторах и полуповторах; в них используются эмфатические частицы, характерные для цзяньнинского говора у, и так называемые вставки, вводимые сверх размера ради ритмического и мелодического разнообразия в произведении, предназначенные для озвучивания или в прошлом связанные с традицией устного бытования [王力, 1958, с. 740].

Экспериментальной линии на тополектизацию поэзии «нового типа», явственно обозначенной у Лю Баньнуна, наследовала группа «Новолуние». Изначально она оформилась в Пекине, как литературное общество салонного типа. В деятельности общества принимали участие такие литераторы, как Ху Ши (胡适, 1891–1962), Сюй Чжимо (徐志摩, 1897–1931), Лян Цичао (梁启超, 1873–1929), Жао Мэнкань (饶孟侃, 1902–1967), Линь Хуэйинь (林徽音, 1904–1955), Шэнь Цунвэнь (沈从文, 1902–1988) и др. Многие из них были поэтами, которые пытались выработать новые формы более регулярного стиха, отличные от классических.

10 Китайская мера длины, равная 3,33 м.

Наибольшее влияние «Новолуние» приобрело после переезда основных его членов в Шанхай¹¹. В 1927 г. здесь ими было создано издательство «Синьюэ шудянь» (新月书店, рус. «Новолуние»). Группа авторов, так или иначе связанных с «Синьюэ шудянь», объединила видных теоретиков литературы Ху Ши и Лян Шицю (梁实秋, 1903–1987), известных поэтов Сюй Чжимо, Вэнь Идо (闻一多, 1899–1946), Чжу Сяна (朱湘, 1904–1933), Шао Сюньмэя (邵洵美, 1903–1968), Чэнь Мэнцзя (陈梦家, 1911–1966), Бянь Чжилина (卞之琳, 1910–2000) и Цзан Кэцзя (臧克家, 1905–2004), драматурга Юй Шаньюаня (余上沅, 1897–1970), прозаика Шэнь Цунвэня. Большинство членов группы, как и Лю Баньнун, получили образование в Европе и США. Они придавали большое значение формальному совершенству художественного текста.

К моменту оформления «Новолуния» китайская «новая поэзия» утвердила свое положение на авансцене литературы, но столкнулась с проблемой выбора дальнейшего пути развития. «Новолуние» предлагало экспериментировать с новым поэтическим языком через призму концепции «трех эстетических доминант» – музыкальности, живописности и архитектурности¹², предполагавшей создание нового метризованного стиха на вернакуляре. И Вэнь Идо, и Сюй Чжимо¹³, и Жао Мэнкань¹⁴ анализировали его возможности в контексте проникновения просторечия в поэзию.

Теоретизирование подкреплялось поэтической практикой: авторы «Новолуния» включали тополектную лексику в тексты («На реке» (江上), «Поэзия» (寄韵) Цзянь Сяньба (蹇先艾, 1906–1994); «Сравнение» (比较), «Весенний пейзаж» (春光), «Надругались» (欺负着了) Вэнь Идо; «Гяньаньмэнь» (天安门) Жао Мэнканя, «Не укоряйте снова за мой мрачный вид» (再休怪我的脸沉) Сюй Чжимо и пр.¹⁵) и напрямую маркировали отдельные стихотворения как просторечие («Полоска золотистого света» (一条金色的光痕, 1925) Сюй Чжимо; «Домой» (回去, 1926) Цзянь Сяньба). Стоит обратить внимание, что они экспериментировали как с пекинским просторечием – хотя и не были в большинстве своем пекинцами, так и с родными идиомами тех мест, где выросли – Чжэцзяна, Гуйчжоу, Хубэя, Хуанани, Цзянси, Фуцзяни.

Обратимся подробно к одному примеру – небольшому фрагменту длинного стихотворения Сюй Чжимо «Полоска золотистого света», написанного на гибридном идиоме, сочетающем стандарт и тополект у региона Тайху (идиом родного для автора уезда Хайнин 海宁):

(1) 得罪 / 那 / 问 / 声 / 点 / 看¹⁶

дэцзуй / на / вэнь / шэн / дянь / кань
teh⁴dze² / na³ / men³ / san¹ / tie² / khoe³

извините / эмфаза / спросить / раз / немного / посмотреть, попробовать

простите разрешите обратиться

11 Родионов А. А. Синьюэ-пай // Духовная культура Китая: энциклопедия. Москва: Восточная литература, 2008. Том 3. С. 396.

12 闻一多. 诗的格律 // 闻一多全集上海: 上海书店出版社, 2020. 第277页.

13 徐志摩. 诗刊弁言 // 晨报副刊·诗谱. 1926. № 1. 第1–3页.

14 饶孟侃. 新诗话·土白入诗 // 晨报副刊·诗谱. 1926. № 8. 第20–64页.

15 Все тексты опубликованы в 1926 г.

16 Жирным выделена тополектная лексика.

(2) 我 / 要 / 来 / 求 / 见 / 徐 / 家 / 格位 / 太太 / 有 / 点 / 事体

во / яолай / цю / цзянь / сюй / цзя / гэвэй / тайтай / юдянь / шити...

ngou² / iau³ / le¹ / jiou¹ / cie³ / dzi¹ / ka¹ / kah⁴we³ / tha³tha³ / you² / tie² / zy³thi²...

я / хочу / прийти / просить / встретиться / сюй / дом / этот / госпожа / иметь / немного / дело...

я пришла искать встречи с госпожой Сюй есть дело...

(3) 认真 / 则 / 格位 / 就 / 是 / 太太 / 真是 / 老太婆 / 哩

жэньчжэнь / цзэ / гэвэй / цзю / ши / тайтай / чжэньши / лаотайпо / ли

nyin³tsen¹ / tseh⁴ / kah⁴we³ / zei³ / zy² / tha³tha³ / tsen¹zy² / lau²tha³bu¹ / li

действительно / эмфаза этот / как раз / быть / госпожа / взаправду / госпожа / эмфаза

вот уж действительно это и есть госпожа вот уж у старухи-то

(4) 眼睛 / 赤花 / 连 / 太太 / 都 / 勿 / 认得 / 哩

яньцзин / чи / хуа / лян / тайтай / доу / у / жэньдэ / ли nge²tsin¹ / tshh⁴hu¹ / lie¹ / tha³tha³ / tou¹ / veh⁴ / nyin³teh⁴ / li

глаз / рябит / даже / госпожа / все / не / узнавать / эмфаза

в глазах рябит даже госпожу не признала

(5) 是 / 欧 / 太太 / 今朝 / 特为 / 打 / 乡下 / 来 / 欧

ши / оу / тайтай / цзиньчжао / тэвэй / да / сяня / лай / оу

да / эмфаза / госпожа / сегодня утром / специально / от / деревня / приехать, прийти / эмфаза

zy² / ei¹ / tha³tha³ / cin¹tsau¹ / deh⁴we³ / tan² / shian¹wu² / le¹ / ei¹

да уж госпожа сегодня утром нарочно пришла из деревни

(6) 乌青青 / 就 / 出门 / 田 / 里 / 西北 / 风 / 度 / 来 / 野 / 欧 / 是 / 欧

уцинцин / цзю / чумэнь / тянь / ли / сибэй / фэн / ду / лай / е / оу / ши / оу

u¹tshin¹tshin¹ / zei³ / tshh⁴men¹ / die¹ / li² / si¹poh⁴ / fon¹ / dou³ / le¹ / ya² / ei¹ / zy² / ei¹

уже / выходить из дома / поле / в / северо-запад / ветер / сильно / налетать / очень / эмфаза / да / эмфаза

затемно вышла в поле северо-западный ветер такой свирепый ох да

Стихотворение написано от лица бедной женщины, которая обращается к хозяйке зажиточного дома Сюев с просьбой пожертвовать на похороны их соседки. В лексическом отношении полный текст стихотворения на 25 процентов состоит из лексики, которая присуща тополекту у и не встречается в нормативном китайском (ср.: 伊拉 «они» вместо нормативного 他们, 野 «очень» вместо нормативного 很, 官官 «мальчонка», 阿太 «старая госпожа» и пр.)¹⁷. Стоит отметить, что и в «Поло-

17 При первой публикации «Полоска золотистого света» сопровождалась предисловием с семистрочным стихотворением на нормативном языке, передающим в общих чертах смысл оригинала, которое было снято при всех последующих публикациях. Кроме того, стихотворение содержит помету 硃石土白, т. е. просторечие поселка Сяши, уезд Хайнин. Текст по: 志摩的诗. 中国妇女出版社, 2020. 第39页.

ске...», и в длинном стихотворении Цзянь Сянья «Домой», написанном на идиоме Цзуньи – юго-западном варианте тополекта гуаньхуа (官话), используется один и тот же прием – вписывание тополекта обеспечивает прежде всего имитацию прямой речи персонажа, говорящего на родном идиоме. Речь идет не об инкрустировании, но о более основательном проникновении тополекта в письменный китайский текст.

В виде инкрустаций¹⁸ тополектная лексика встречается у поэтов группы «Новолуние» достаточно часто. Например, вместо нормативного даянь 大雁 «дикий гусь» многие авторы используют разные просторечные варианты: яньцзы 雁子 у Чэнь Мэнцзя в стихотворении «Дикий гусь» (1930) и Шэнь Цзумоу (沈祖牟, 1909–1947) в «Одинокой песне» 孤零的歌 (1931); фуянь 凫雁 и ханьянь 寒雁 у Вэнь Идо в произведении «Ты клянешься пред солнцем» 你指着太阳起誓 (1927).

Помимо инкрустирования тополектной лексики или включения больших фрагментов текста на тополекте, тополектизация осуществляется через рифмовку. Хотя «новая поэзия» на заре своего существования отказывалась от использования рифмы и иных форм упорядочения, постепенно рифма начала возвращаться в стих, хотя и в преображенном виде. Рифма в классических форматах китайской поэзии была условной [Эйдлин, 1984, с. 17]¹⁹, в том смысле, что она отражала не реальное произношение, но искусственный стандарт VI в., кодифицированный в 601 г [Лисевич, 1979, с. 61]; даже наиболее «низкие» формы поэзии в XIX–XX вв., например, арии цюй (曲), все еще ориентировались на условную произносительную норму [Азарова, Дрейзис, 2021, с. 276]. Адепты «новой поэзии», активно включившиеся в творческий процесс в 1920–30 гг., объявили, что следует отказаться от условной рифмовки и рифмовать в соответствии с реальным произношением слогов, однако ни в коем случае не следует отказываться от рифмы вообще²⁰. Однако на какое реальное произношение следовало ориентироваться? Разные авторы допускали разную степень свободы в вопросе выбора произносительного ориентира. Это приводило к проникновению просторечного звучания в рифмовку.

Из-за ограниченности современных данных о том, как озвучивалась поэзия группы «Новолуние» и ее современников, сложно опираться в выводах о рифмовке на декламацию как таковую. Вместе с тем сами тексты могут служить источником сведений о проникновении просторечного звучания. Как указывает современный исследователь «новой поэзии» Мао Сюнь, тексты Сюй Чжимо крайне редко лишены рифмы, и в большинстве случаев в них используются разные подвиды рифмовки: перекрестная, сквозная, смежная и т. д. [毛迅, 1991, с. 159]. Чжу Сян, рассуждая о поэзии Сюй Чжимо и Вэнь Идо, больше всего критикует обоих авторов за использование просторечной рифмы²¹.

18 Инкрустация – то же, что (узультное) иноязычное вкрапление (термин А. А. Реформатского, М. В. Панова, Е. А. Земской и др.)

19 Китайская классическая поэзия в переводах Л. Эйдлина. Москва: Художественная литература, 1984. С. 17.

20 朱自清. 诗韵 // 新诗杂话. 北京: 三联书店, 1984. 第106页.

21 朱湘. 评徐君志摩的诗 // 朱湘散文. 北京: 中国广播电视出版社, 1994. 第149–163页.

Типичным примером такого явления у Сюй Чжимо служит рифмовка слогов на *-ai* и *-ei*, а также на *-ai* и *-an*, которые в нормативном китайском языке не должны рифмоваться. Подробный анализ его сборника «Стихи Чжимо» (志摩的诗, 1925) показывает также рифмовку слогов на *-n* и *-ng*, *-o* и *-u*, *-a* и *-ai*, возникающую под влиянием тополекта («У меня есть любовь» (我有一个恋爱); «Слава богу, что мое сердце вновь бьется» (多谢天我的心又一度的跳荡); «Пойдем» (去罢)). У Вэнь Идо сходные явления наблюдаются в сборниках «Красная свеча» (红烛, 1923) и «Мертвая вода» (死水, 1928) – и там, и там присутствует рифмовка слогов на *-iao* и *-ao*, *-e* и *-a*, *-ong* и *-eng*, *-ai* и *-ei* и т. п.

Выводы

Таким образом, анализ двух поэтических сборников Лю Баньнуна (оба 1926 г.), а также 101 текста авторов группы «Новолуние», опубликованных в период с апреля по июнь 1926 г. в журнале «Поэтический резец», и сборников «Стихи Чжимо» (1925), «Красная свеча» (1923), «Мертвая вода» (1928) показывает постепенное просачивание тополекта в тексты отдельных авторов «новой поэзии», которое принимает различные формы: частотное инкрустирование тополектных лексических единиц, менее частотное создание письменного текста целиком на тополектной основе (тексты Сюй Чжимо и Цзянь Сянья), а также использование тополектной рифмы, т. е. опора на тополектные варианты озвучивания текста на нормативном языке или гибридном идиоме.

Как «китайский Роберт Бернс» Лю Баньнун [Чжао Цзиншэнь, 1999, с. 27], так и авторы группы «Новолуние» относятся к признанным мастерам «новой поэзии» на современном китайском языке, однако их вклад в развитие литературы на китайских тополектах оказывается во многом обойден вниманием, в том числе, как ни парадоксально, современными создателями тополектной поэзии. Вместе с тем практика употребления поэтами 1920–1930 гг. тополекта выступает логичным продолжением их теоретических построений и находится в непосредственной связи с таким свойством их поэтического творчества, как сценичность или театральность²², предполагающая широкое использование имитации устной речи в форме диалога, монолога и своего рода реплик в сторону и связанная с влиянием на них западной литературы.

Мы предлагаем описывать такого рода явления при помощи термина «тополектизация», по аналогии с вернакуляризацией – противостоянием стандартизации и насаждению любых форм лингвистического единообразия, а также подавлению вариативности [Coupland, 2014]. Вернакуляризация связана с такими аспектами социолингвистических изменений, как усиление разговорного компонента в письменных текстах, нарастание мультимодальности текстов²³ и т. п. явлениями.

22 卞之琳. 雕虫纪历. 北京: 人民文学出版社, 1984. 第3页.

23 Мультимодальность переключается с концепцией «трех эстетических доминант» Вэнь Идо, которая прямо была рассчитана на воспроизведение аудиальными (музыкальность звучащей речи), визуальными (живописная графика китайских знаков), текстовыми (архитектурная упорядоченность стиха) средствами китайского языка, слышанного, виденного и прочувствованного взаимодействующим с ним человеком.

Тополектизация – это своего рода острый случай вернакуляризации. Такое соотношение, в частности, вытекает из восьми положений, содержащихся в классической работе Ху Ши «Предварительные предложения по литературной реформе» (文学改良刍议), опубликованной еще в 1917 г. Простор для включения тополектов в ткань поэтического текста был обоснован (если не предсказан) в самом начале китайской «литературной революции». Тополектизация, наследующая в китайском контексте ранним опытам по включению просторечия в поэтический текст, описывает процесс

социолингвистических изменений, посредством которого особенности тополекта просачиваются в области, прежде бывшие «заповедниками» стандартности. Тополектизацию также можно трактовать как часть экспансии разговорности (коллоквиализации, conversationalization), характерной для смешанных дискурсов. Однако сфера ее уже – фокусом тополектизации служит экспансия региональных нестандартных идиомов (тополектов), чей контраст со стандартным идиомом бросается в глаза и нагружен социокультурными ассоциациями.

Список литературы

Азарова Н. М., Дрейзис Ю. А. Система классического китайского стиха: стихосложение, правила построения текста, жанры, язык // Ду Фу. Проект Наталии Азаровой. Москва : Объединенное гуманитарное издательство, 2021. С. 269–294.

Зограф И. Т. Среднекитайский язык: опыт структурно-типологического описания. Москва : Издательство ЛКИ, 2010. 258 с. EDN [WLNRGZ](#)

Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 267 с.

Стейнберг М. Д. О понятии модерности // Новое литературное обозрение. 2016. №4. С. 52–56. EDN [ZCJGVL](#)

Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия. 20–30-е годы. Москва : Наука, 1972. 496 с.

Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. Москва : Наука, 1980. С. 148–157. EDN [VOUQKD](#)

Bauer R. S. Written cantonese of Hong Kong // Cahiers de linguistique Asie orientale. 1988. Volume 17. Issue 2. P. 245–293. DOI: [10.1163/19606028-90000305](#)

Coupland N. Sociolinguistic change, vernacularization and broadcast British media // Mediatization and sociolinguistic change. Berlin : Mouton de Gruyter, 2014. P. 67–96.

Hockx M. Changing one's style: Liu Bannong and modern Chinese prose poetry // Journal of modern literature in Chinese. 2000. №2. P. 83–117.

Hung Chang-tai. Going to the people: Chinese intellectuals and folk literature 1918–1937. Cambridge : Harvard University Press, 1985. 275 p.

Mair V. H. What is a Chinese «dialect / topolect»? Reflections on some key sino-english linguistic terms // Sino-Platonic Papers. 1991. №29. P. 1–31.

Snow D. Cantonese as written language, the growth of a written chinese vernacular. Hong Kong : Hong Kong University Press, 2004. 332 p.

Tam G. A. Dialect and nationalism in China, 1860–1960. Cambridge : CUP, 2020. 261 p.

Yeh M. «There are no camels in the Koran»: what is modern about modern Chinese poetry? // New perspectives on contemporary Chinese poetry. New York : Springer, 2008. P. 9–26.

王力. 汉语诗律学. 上海 : 新知识出版社, 1958. 957页.

董作宾. 歌谣与方音的问题 // 歌谣周刊. 1923. №32. 第1–2页.

李怡. 现代性: 批判的批判. 北京 : 人民文学出版社, 2006. 280页.

龙泉明. 五四白话新诗的«非诗化»倾向与历史局限 // 文学评论. 1995. №1. 第133–140页.

梁德曼. 四川方言与普通话. 成都 : 四川人民出版社, 1989. 289页.

毛迅. 徐志摩论稿. 成都 : 四川大学出版社, 1991. 238页.

欧阳觉亚. 普通话广州话的比较与学习. 北京 : 中国社会科学出版社, 1993. 316页.

赵景深. 刘复诗歌三种 // 我与文坛. 上海 : 上海古籍出版社, 1999. 第23–28页.

周作人. 歌谣与方言调查 // 歌谣周刊. 1923. №31. 第1–3页.

杨春霖. 陕西方言内部分区概说 // 西北大学学报. 1986. №4. 第64–70页.

References

Azarova N. M., Dreyzis Yu. A. (2021). Sistema klassicheskogo kitayskogo stikha: stikhoslozhenie, pravila postroeniya teksta, zhanry, yazyk. *Du Fu. Proekt Natalii Azarovoy*, 269–294.

Zograf I. T. (2010). *Srednekitayskiy yazyk: opyt strukturno-tipologicheskogo opisaniya*. Izdatel'stvo LKI. EDN: [WLNRGZ](#)

Lisevich I. S. (1979). *Literaturnaya mysl' Kitaya na rubezhe drevnosti i srednikh vekov*. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".

Steynberg M. D. (2016). On the concept of modernity. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4, 52–56. EDN: [ZCJGVL](#)

Cherkasskiy L. E. (1972). *Novaya kitayskaya poeziya. 20–30-e gody*. Nauka.

Yakhontov S. E. (1980). Otsenka stepeni blizosti rodstvennykh yazykov. *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira*, 148–157. EDN: [VOUQKD](#)

Bauer, R. S. (1988). Written Cantonese of Hong Kong. *Cahiers de Linguistique Asie Orientale*, 17 (2), 245–293. <https://doi.org/10.1163/19606028-90000305>

Coupland, N. (2014). Sociolinguistic Change, Vernacularization and Broadcast British Media. *Mediatization and Sociolinguistic Change*, 67–96

- Hockx, M. (2000). Changing One's Style: Liu Bannong and Modern Chinese Prose Poetry. *Journal of Modern Literature in Chinese*, 2, 83–117.
- Hung, Chang-tai. (1985). *Going to the People: Chinese Intellectuals and Folk Literature 1918–1937*. Harvard University Press.
- Mair, V. H. (1991). What Is a Chinese “Dialect/Topolect”? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic terms. *Sino-Platonic Papers*, 29, 1–31.
- Snow, D. (2004). *Cantonese as Written Language, The Growth of a Written Chinese Vernacular*. Hong Kong University Press.
- Tam, G. A. (2020). *Dialect and Nationalism in China, 1860–1960*. Cambridge University Press.
- Yeh, M. (2008). “There Are no Camels in the Koran”: What is Modern about Modern Chinese Poetry? *New Perspectives on Contemporary Chinese Poetry*, 9–26.
- Wang, Li 王力. (1958). *Hanyu shilü xue 汉语诗律学 (Chinese Metrics)*. Xin zhishi 新知识出版社.
- Dong, Zuobin 董作宾. (1923). Geyao yu fangyin de wenti 歌谣与方音的问题 (The Problem of Folksongs and Local Pronunciation). *Geyao zhouban 歌谣周刊*, 32, 1–2.
- Li, Yi 李怡. (2006). *Xiandaixing: pipan de pipan 现代性: 批判的批判 (Modernity: A Critique's Critique)*. People's Literature Press 人民文学出版社.
- Long, Quanming 龙泉明. (1995). Wusi baihua xinshi de “feishihua” qingxiang yu lishi juxian 五四白话新诗的“非诗化”倾向与历史局限 (“Non-Poetic” Tendencies of the May Fourth Vernacular New Poetry and its Historical Limitations). *Wenxue pinglun 文学评论*, 1, 133–140.
- Liang, Deman 梁德曼. (1989). *Sichuan fangyan yu Putonghua 四川方言与普通话 (Sichuan Topolect and Putonghua)*. Sichuan People's Press 四川人民出版社.
- Mao, Xun 毛迅. (1991). *Xu Zhimo lun gao 徐志摩论稿 (Papers on Xu Zhimo)*. Sichuan University Press 四川大学出版社.
- Ouyang, Jueya 欧阳觉亚. (1993). *Putonghua Guangzhouhua de bijiao yu xuexi 普通话广州话的比较与学习 (Comparison and Study of Mandarin and Cantonese) Zhongguo shehui kexue 中国社会科学出版社*.
- Zhao, Jingshen 赵景深. (1999). *Liu Fu shige san zhong 刘复诗歌三种 (Three Types of Liu Fu's Poetry)*. In *Wo yu wentan 我与文坛 (Literary Circles and Me)*. (pp. 23–28). Shanghai guji 上海古籍出版社.
- Zhou, Zuoren 周作人. (1923). Geyao yu fangyan diaocha 歌谣与方言调查 (Folksongs and Dialect Surveys). *Geyao zhouban 歌谣周刊*, 31, 1–3.
- Yang, Chunlin 杨春霖. (1986). Shaanxi fangyan neibu qufen gaishuo 陕西方言内部分区概说 (An Introduction to the Internal Division of Shaanxi Topolects). *Xibei daxue xuebao 西北大学学报*, 4, 64–70.

Информация об авторе

Дрейзис Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1881-0728>; e-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Information about the author

Yulia A. Dreyzis – Cand. Sci. (Philol.), Assistant Professor, Lomonosov Moscow State University; Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1881-0728>; e-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Поступила в редакцию 07.07.2023
Принята к публикации 02.09.2023
Опубликована 18.09.2023

Received 07 July 2023
Accepted 02 September 2023
Published 18 September 2023

Этнические архетипы в первом саамском романе «Алхалалалай» Н. Большаковой

<https://doi.org/10.31483/r-107471>

УДК 82/31

Емашев А. А.^{1,a}, Бакула В. Б.^{2,b}¹Мурманский технологический колледж сервиса²Мурманский арктический государственный университет

г. Мурманск, Российская Федерация.

^a <https://orcid.org/0000-0001-8000-9352>, e-mail: tictac3551@gmail.com^b <https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>, e-mail: museum-vs@yandex.ru

Резюме. Статья представляет собой продолжение исследований мифопоэтики первого саамского романа «Алхалалалай», написанного Н. Большаковой. Авторы ставят целью исследования выявление этнических архетипов, которые нашли отражение в произведении. Материалом для анализа послужил роман и некоторые этнические архетипы в нем. В основу исследования положены теоретический анализ изысканий в области ряда гуманитарных наук, в частности, антропологии и культурологии, мифологии и фольклора, литературоведения, а также этнографии; синтез полученных данных, методы мифопоэтического и лингвокультурологического анализов, сравнительно-типологический метод. В результате исследования авторам удалось выделить и охарактеризовать этнические архетипы, которые отражают ценности и опыт конкретной этнической группы. В саамской литературе обращение к архаике ярко выражено, что объясняется сравнительной молодостью существования саамской письменной культуры. Вековые устные традиции, лежащие в основе современной литературы саамов, обеспечивают взаимосвязь прошлого и настоящего в культуре северного народа. Исследование мифопоэтики романа Н. Большаковой с точки зрения этнических архетипов проведено впервые, что составляет новизну работы. Архетипизм творчества этнических писателей поможет выстроить модель мира коренного народа Севера, определить специфику национальной литературы.

Ключевые слова: саамская литература, этнические архетипы, саамский роман, проза саамов, архетип солнца, архетип птицы, архетип оленя.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №122061400030-3.

Для цитирования: Емашев А. А. Этнические архетипы в первом саамском романе «Алхалалалай» Н. Большаковой / А. А. Емашев, В. Б. Бакула // Этническая культура. 2023. Т. 5, №3. С. 37-42. DOI 10.31483/r-107471. EDN ZTWXOF

Review Article

Ethnic archetypes in the first Sami novel “Alkhalalalai” by N. Bolshakova

Andrey A. Emashev^{1,a}, Viktoria B. Bakula^{2,b}¹ Murmansk Technological College of Service ² Murmansk Arctic State University

Murmansk, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0000-0001-8000-9352>, e-mail: tictac3551@gmail.com^b <https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>, e-mail: museum-vs@yandex.ru

Abstract. The article is a continuation of the research on the mythopoetics of the first Sami novel “Alkhalalalai”, written by N. Bolshakova. The authors aim to identify ethnic archetypes that have found expression in the work. The material for the analysis was the novel and some of the ethical archetypes in it. The study is based on a theoretical analysis of research in the field of a number of humanities, in particular, anthropology and cultural studies, mythology and folklore, literary studies, and ethnography; synthesis of the obtained data, methods of mythopoetic and linguoculturological analyses, comparative typological method. As a result of the study, the authors were able to identify and characterize ethnic archetypes that reflect the values and experience of a particular ethnic group. In the Sami literature, the appeal to the archaic is clearly expressed, which is explained by the comparative youth of the existence of the Sami written culture. The age-old oral traditions that form the basis of modern Sami literature provide a message of the past and present in the culture of the northern people. The study of the mythopoetics of the novel by N. Bolshakova from the point of view of ethnic archetypes was carried out for the first time, which is the novelty of the work. The archetypism of the work of ethnic writers helps to build a model of the world of the indigenous people of the North, to determine the specifics of national literature.

Keywords: Sami literature, ethnic archetypes, Sami novel, Sami prose, sun archetype, bird archetype, deer archetype.

Funding: The reported study was conducted within the independent research and development project №122061400030–3.

For citation: Emashev A. A., & Bakula V. B. (2023). Ethnic archetypes in the first Sami novel “Alkhalalalai” by N. Bolshakova. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 37-42. EDN: ZTWXOF. <https://doi.org/10.31483/r-107471>.

Введение

Литература кольских саамов введена в научный оборот сравнительно недавно. В отличие от литературы западных саамов [Gaski, 2011; Domokos, 2013; Domokos, 2018 и др.], о литературе кольских в литературоведении известны единичные литературоведческие работы [Domokos, 2009; Rießler, 2018].

Между тем литература коренных народов представляет научный интерес как художественный феномен, поэтому в последнее время актуальными стали исследования творчества писателей с точки зрения мифопоэтики, выстроенной в их произведениях модели мира, выявления уникальности национальных литератур [Хазанкович, 2009; Коробейникова, 2010; Жулева,

2019]. Ряд статей посвящен мифофольклорным традициям в национальных литературах [Кусаева, 2013; Темирханова, 2017], структуре и сущности этнического архетипа, выявлению взаимосвязи этнического самосознания, характера народа и его архетипа, изучению архетипа не только как сущностного содержания психики этноса, но и как механизма, отвечающего за взаимодействие человека с природой [Рачин, 2011, с. 82]. Вместе с тем в отечественной науке имеется ряд работ о феномене архетипов, архетипических сюжетов и образов в традиционных культурах [Нимаева, 2013; Динисламова, 2017], изучении доминантного архетипа в структуре личности [Перевозкина, Дмитриева, Перевозкин, Рюмина, Ганпанцурова, 2013], структуре архетипов и их роли в формировании архетипической идентичности [Перевозкина, Перевозкин, Дмитриева, 2014]. Кроме того, имеются изыскания в области архетипов в эколлингвистическом ключе [Курашкина, 2020].

Национально-художественную особенность саамской литературы определяет тесная связь с устным народным творчеством, что доказывает мировоззренческий тип фольклоризма писателей народов Севера. В свою очередь тесная связь с фольклором является результатом перехода в саамской литературе художественного сознания от фольклорного типа мышления к литературному. Обращение к фольклору и мифологии у русско- и саамскоязычных писателей, как осознанное, так и неосознанное, выражается в использовании фольклорных и мифологических сюжетов, мотивов, образов-архетипов, языка. В фокусе нашего исследования – образы-архетипы в первом саамском романе «Алхалалалай» русскоязычного писателя Надежды Большаковой, который она посвятила культурам двух коренных малочисленных народов Севера – саамам и ительменам.

Ранее мы выделили два вида архетипических символов: универсальные, которые имеют дедуктивный характер и аккумулируют весь опыт человечества, систематизируя частное и выделяя из него общее, и этнические, специализированные, которые отражают ценности и опыт конкретной социальной группы [Емашев, 2022]. Этнические архетипы не могут быть рассмотрены вне обращения к этнографическому материалу.

Недостаточная изученность соотношения «миф – фольклор – литература» в саамском литературоведении говорит в пользу актуальности и новизны заявленной темы. Изучение архетипизма творчества саамских писателей открывает определенную перспективу для характеристики художественной специфики саамской литературы.

Материалы и методы

Материалом исследования явился роман «Алхалалалай» Н. Большаковой и некоторые этнические архетипы в нем.

В ходе исследования использовались следующие методы: теоретический анализ работ в области антропологии, культурологии, мифологии, психологии, фольклора, литературоведения, этнографии, синтез полученных данных, мифопоэтический, лингвокультурологический и сравнительно-типологический методы анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Связь фольклора с архаикой, а значит и с мифом, отнюдь не уникальна, она проявляется на разных уровнях и проникает в словесное творчество, формируя традиции и уникальность национальных литератур, структурируя сложную систему взаимодействия эстетических феноменов в авторском тексте.

Под этническими архетипами, идея которых так или иначе была представлена в аналитической психологии К. Юнга, мы имеем в виду архетипическую систему образно-символического, связанную с легендами, мифами, фольклором, т. е. культурой конкретного народа в целом. Кроме того, нам близка мысль о том, что между этническим архетипом, самосознанием и характером народа существует самая тесная взаимосвязь [Рачин, 2011, с. 80, 82, 88].

В данном исследовании этнический архетип рассматривается в культурах саамов и ительменов. В основе сюжета романа – праздник как ритуал, связанный с идеей обновления [Мелетинский, 1994, с. 79]: обновления крови (саамский праздник имания оленей) и очищения (ительменский праздник алхалалалай), что отсылает нас к тотемическим представлениям коренных народов и их реликтам [Мелетинский, 1994, с. 61].

Наличие этнически наполненных образов-архетипов в романе «Алхалалалай» уже отмечалось В. Б. Бакулой [Бакула, 2019]. Исследователем были выявлены архетип Солнца, связанный с языческими представлениями коренного народа Севера об устройстве Вселенной, и архетип, связанный с образом птицы. Представленные архетипы реализуются в тексте на разных уровнях: при создании пейзажа, портретов персонажей, как внешнего, так и внутреннего; образы Солнца и Птицы часто используются в качестве основы сравнений и метафор. В романе, помимо имплицитного включения архетипических образов, имеются и прямые ссылки на мифы и обряды. Поклонение солнечному диску и тотему птицы характерно для культур саамов и ительменов. У ительменов ворон Кутх является богом-демиургом, у саамов же Мяндаш¹, олень-оборотень, наделен птичьими чертами.

В художественном мире Н. Большаковой архетипический образ птицы играет особую роль.

В финно-угорской мифологии образ птицы сакрален, подтверждение чему можно найти в космогонических мифах. Водоплавающие птицы в понимании древних людей наделены особыми сверхъестественными способностями, благодаря которым они могли существовать в трех стихиях: на воде, земле и в воздухе. Именно поэтому птице придается важное значение в мифе о сотворении земли [Зыков, 2014, с. 1877].

Птицы значимы и в культуре саамов: охота на них являлась одним из традиционных видов промысла², известны изображения птиц на знаменитых канозерских петроглифах, в саамском орнаменте, с птицей связаны

¹ Мяндаш – саамское божество в виде золоторогого оленя, легендарный предок саамов. В легендах о Мяндаше отразились древнейшие тотемические представления саамов.

² Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: географический и этнографический очерк. Москва: Типолитография товарищества И. Н. Кушнера и К^о, 1903. С. 38.

названия месяцев в народном календаре [Бакула, 2017, с. 267–271]. Названия птиц отражены в топонимах, клеймах, птицы изображены на шаманском бубне³, наконец, они участвуют в космическом мироустройстве⁴. Образ птицы играл большую роль в тотемических мифах саамов, в обрядовом и необрядовом фольклоре⁵. Образ птицы – один из самых часто встречающихся образов животного мира в саамских паремиях.

Иной этнический архетип, на который мы обратили внимание, представлен тотемом оленя, восходящим к прародителю саамов – оленю-оборотню Мяндашу. Олень – важнейшее животное в культуре саамов. Его особое положение связано с оленеводством, что «обусловило особенность материальной и духовной культуры саамов, закрепило в их сознании определенные образцы поведения, традиции» [Бакула, 2017, с. 108–112].

Заслуживает внимания и связь двух тотемных животных – птицы и оленя, которая отражена в охотничьем мифе об олене Мяндаше, наделенном птичьими чертами⁶. Птица участвует в цепочке реинкарнаций «рыба – олень – птица – олень – рыба», развернутой по вертикали мирового древа, которая «позволяет проследить мифологические истоки и связь разных форм промысловой деятельности» [Теребихин, 2004, с. 257].

В романе встречаются отсылки к архетипическим мотивам и сюжетам, к архаическим фигурам тотемных предков. Однако, обращаясь к мифологии и фольклору, писатель творчески использует архетипические образы, выстраивая собственное видение мироздания, наполненное этническими смыслами [Гончаров, 2014, с. 95].

Примером этого может стать первая сказка сборника Н. Большаковой «Подарок чайки» – «Прародитель Мяндаш», в которой автор выстраивает сказочную Вселенную. Роль демиурга выполняет птица-Вселенная, отложившая яйцо, из которого вылупилось много птенцов: главными при этом являются птица-Солнце и птица-Земля. Полюбив друг друга, птица-Солнце и птица-Земля дают начало новому существу – оленю, прародителю саамов, которого называют Мяндаш-пырре. От отца-Солнца Мяндаш получает золотые рога, от матери и отца наследует черты летучести, поэтому бег его сродни полету: «Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу». Так тотемный миф об олене трансформируется в собственный миф писателя, в котором она «упорядочивает мир, гармонизирует его с человеческими потребностями» [Мелетинский, 1994, с. 51], предлагает свою, авторскую программу космоизации.

Автор романа, создавая сравнительно-образную систему сопоставления героев с птицами, смешивает объективную реальность и ирреальность. Анастасия в своих сновидениях и грезах превращается в птицу: иногда она представляла себя птицей или, находясь во сне, чувствовала невероятную невесомость. Родство

героини и тотема-птицы особенно прослеживается в эпизоде, где Анастасия и Лахэн гуляют в предрасветном тумане. Наслаждаясь обществом любимого мужчины, героиня восклицает: «Удивительно идти в тумане, ... ступаешь, словно по облаку», в чем отражается способность птиц летать в облачных высях. Будто полет, который ранее Настя могла испытать только во сне, случился и наяву. Это подчеркивает важность момента в отношениях Лахэна и Анастасии. В том же диалоге Анастасия сообщает объективный, реалистичный факт, что она летала на Камчатку, имея в виду, конечно, путешествие на самолете, но при учете всех пресуппозиций, введенных автором, слово «летать» расширяется и начинает восприниматься метафорически. Полеты героини на Камчатку в снах и мечтах отсылают нас к архетипическим мотивам путешествий [Мелетинский с. 72]. Образ птицы здесь, ранее являющийся героине во снах, мечтах, плотно вплетается в объективную реальность романа, что иллюстрирует развитие архетипического начала в героине.

Обретение Анастасией любви – также древнейший архетипический мотив победы космоса над хаосом, света над тьмой. Жизнь героини после встречи с Лахэном становится упорядоченной, наполненной смыслом, и в этом – отголосок древнейшего мифа о космоизации [Мелетинский, 1994, с. 55].

Образ оленя реализуется на нескольких уровнях текста, в том числе выражен в зоологическом параллелизме, заключающемся в уподоблении персонажей романа оленюму роду. Божественное вмешательство и тема судьбы в сюжете также связаны с сакральными свойствами оленей.

Оленю-тотему посвящался саамский праздник имания оленей, который проводился осенью, когда у оленей начинался гон. Праздник иллюстрировался ритуально-театральным представлением: «пока у оленей шел гон... все... надевали на себя печки⁷ и липты⁸, как мужчины, так и женщины, и превращались в «олений»⁹. Приняв олений облик, саамы уподоблялись оленьям-хирвасам¹⁰ и важенкам¹¹, имитируя их поведение. Мужчины, вооружившись оленьими рогами, сражались друг с другом за право обладать «важенкой». Когда один из «быков» побеждал, он имел право овладеть в ритуальном кругу выбранной «важенкой». Церемония сопровождалась танцами и жертвоприношениями.

В тексте романа с оленьим праздником связана судьба нуэита Белого Дня. В пору коллкэм-манн, когда начинался олений гон, саамы заботились о продлении рода, готовились к празднику имания оленей, знаменованному обновлению крови. Мотив перерождения, начала новой жизни связан с судьбой нуэита Белого Дня, который именно в пору гона оленей встал на путь шамана. Инициация, пережитая нуэитом, является символическим воспроизведением сезонных циклов, связан-

3 Харузин Н. Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта. Москва : Высочайшее утверждённое товарищество скоропечатников А. А. Левенсон, 1890. С. 219; Шеффер И. Лапландия. Москва : У Никитских ворот, 2008. С. 151.

4 Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. Москва : Астрель : АСТ, 2003. С. 8.

5 Харузин Н. Н. Указанное сочинение. С. 276, 283.

6 Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. Москва : Наука, 1965. С. 80.

7 Верхняя саамская одежда.

8 Вид саамской обуви.

9 Большакова Н. П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск : Мурманское книжное издательство, 2005. С. 405.

10 Олень-самец.

11 Самка оленя.

ных у саамов непосредственно с ритмами жизни оленя. Такая этническая особенность учитывается и адаптируется автором романа, который помещает представления саамов об устройстве природы в сюжетную основу «Алхалалая», где повествование тесно переплетено с представлениями аборигенов о природных циклах. Именно с описания осени, начала саамского народного календаря, начинается действие романа, что неотделимо от сакрализации оленя, которому саамский народ подчинил свой быт.

Судьба возлюбленной Белого Дня по имени Варван тоже связана с оленьим праздником. В героине долго спит женщина, все никак не получается у Варван отяжелеть, о ее бесплодии начинают ходить слухи. Варван, подобно важенке в пору больших комаров, ослабевает от преследования гнуса, а у ослабленных животных и гон с запозданием начинался. Не было более сил у героини терпеть, поэтому она «просила живой солнечный огонь обогреть ее душу, а главное плоть, замороженную, словно оленья тушка». Мы видим, что образ оленя реализуется на лексическом уровне и на уровне тематическом.

Н. Большакова уподобляет персонажей и их взаимодействие друг с другом оленьему роду. В этом заключается принцип природосообразности архаического мышления саамов, которые не выделяют себя «отчетливо из окружающего природного мира» [Мелетинский, 1976, с. 165]. Такой зоологический параллелизм встречается в главах, посвященных прошлому саамского народа, где этническая целостность очевидна.

Связь с оленем закреплена тотемическими представлениями о кровном родстве саамов и оленя-прародителя Мяндаша. Он является сыном женщины-нойды, которая, приняв облик важенки, понесла от дикого оленя. С этими представлениями связан мотив оборотничества, встречающийся в фольклоре саамов. В романе связь с Мяндашем реализуется через мотив двоекультурия. Варван, крещенная сначала в христову веру, а затем в веру саамов, также является носителем двух культур, оберегается русскими и саамскими богами. Это подчеркивается именем героини, которое является саамским аналогом имени Варвара (чужеземка). У саамов, как и у многих других народов, имя «определяло место и роль своего носителя в обществе, его предназначение» [Большакова, 2005, с. 106]. Варван носит на груди оберег в виде креста и изображения оленя Мяндаша, сделанный ее отцом. Другая героиня, Анастасия, потомок Варван и Белого Дня, также является носителем двух культур, в ней течет русская и саамская кровь. Анастасии достался тот самый оберег, который носила Варван. В этом выражена особенность религиозного сознания саамов, чьи «языческие верования сохранились... на условиях двоеверия наряду с христианством» [Филатов, 2020, с. 166]. Нам кажется, что через миф о Мяндаше и его связь с героями романа автор актуализирует и в некотором смысле мифологизирует феномены двоекультурия и двоеверия саамов.

С Варван связаны идеи предопределенности, судьбы и божественного покровительства. Ранее мы отмечали, что героиня находится под защитой богов. Од-

нако саамские боги – это не собственно боги, а скорее отсылка к архаическим фигурам тотемных предков, участие которых в судьбе саамских предков было характерно для древнейших архетипических мотивов и сюжетов [Мелетинский, 1994, с. 51].

Божественное вмешательство отражено в романе через прием *dues ex machina*, являющий собой неожиданное разрешение конфликта. Наличие такого приема в тексте, а именно в главах, посвященных далекому прошлому, демонстрирует наличие магического начала, еще не ушедшего под натиском цивилизации. Неожиданный выход из сложной ситуации непосредственно связан с архетипом оленя и этническими особенностями саамского народа. В период гона олень-самцы становятся особенно агрессивными – они защищают важенок и свои территории. Ярашка, молодой саам, решил поинтересоваться, как проходит гон, и зашел на территорию хирваса Смоляного Лба, который в итоге ранил вторженца. Ему на помощь пришел нойд Белый День. Шаман остановил кровь, но в бой с «быком» вступать не хотел, так как знал, что с обезумевшим от сражений за важенок хирвасом ему сейчас не справиться, поэтому призвал на помощь другого оленя, который в итоге и победил Смоляного Лба. Оленя-победителя, полностью белого, но с черными ногами, будто обутыми в тобэрки, звали Чорныш, и был он из стада Томаско, дедушки Варван.

Антропоморфной чертой является «обувь» хирваса, которая может указывать на необычное происхождение оленя, например, оборотничество. Мы трактуем данный эпизод романа как материализацию мифа в лице Мяндаша, служившего защитником и покровителем Варван. Благородный олень спас Белого Дня, чем спас и Варван, возлюбленную шамана, так как нуэйт был послан этой девушке богами. В произведении этот эпизод является судьбоносным в сюжетной линии нойда и Варван. Чорныш также может быть этническим вариантом волшебного помощника, о котором писал В. Я. Пропп [Пропп, 2001]. Наличие волшебного помощника в реалистическом романе, а не в волшебной сказке, обусловлено, на наш взгляд, идеей практически не исследованного периода истории саамов, который в произведении представлен именно как место и время, наполненные магией.

В финальных главах, посвященных сюжетной линии Анастасии, героиня забирается в кукуль¹² из оленьей шкуры, что может быть прочитано как единение с культовым животным. Акт зашивания в шкуру символизирует приобщение к тотему, то есть в данном случае к оленю-тотему причащается героиня.

Заключение

Литература наследует фольклорные традиции, которые, в свою очередь, обращены к мифу. Связь современной текстовой культуры и мифофольклорных традиций на сегодняшний день кажется очевидной. Генетическое родство мифологического мышления и устного народного творчества было отмечено давно. Через фольклорные традиции можно познать мифоло-

¹² Спальный мешок.

гию народа, его отношение к своим традициям и обрядам. Именно через фольклорное начало исследуемого романа Н. Большакова демонстрирует читателю мир глазами саамского народа, мироощущение саамов находит реализацию через коллективное творчество.

В саамской литературе обращение к архаике выражено ярко. Это объясняется тем, что «литературный дискурс является недавно освоенным способом говорения этноса о себе» [Бакула, 2017, с. 13]. Вековые устные традиции, лежащие в основе современной литературы саамов, обеспечивают тесную связь их прошлого и настоящего.

Роман пронизан мифологическими и фольклорными конструкциями, имеет множество отсылок к древнейшим архетипическим мотивам, сюжетам и образам. В тексте произведения мировоззрение аборигенов Севера нашло отражение и в этнических архетипах Солнца, Птицы и Оленя, которые играют важную роль во всей сюжетной канве романа, связаны как с природными циклами, так и с определенными психологическими состояниями главных героев. В сохранении элементов архаического мировоззрения древнего человека мы видим особенность саамской национальной литературы.

Список литературы

- Бакула В. Б. Духовная культура саамов и ее отражение в языке. Мурманск : Принт-2, 2017. 287 с.
- Бакула В. Б. Мифофольклорная основа сказок сборника Н. Большаковой «Подарок чайки» // Вестник угроветения. 2017. №1. С. 7–15. EDN [YK0SEJ](#)
- Бакула В. Б. Образ птицы в творчестве саамской писательницы Н. Большаковой // Вестник Томского государственного университета. 2019. №441. С. 5–11. EDN [XXKDNV](#). DOI [10.17223/15617793/441/1](#)
- Гончаров С. А., Гончарова О. М. Этнокультурная самобытность автохтонного слова (опыт младописьменных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока) // Культура и текст. 2014. №3. С. 87–103. EDN [TCURPB](#)
- Динисламова С. С. Интерпретация мифологических сюжетов в произведениях Ювана Шесталова // Финно-угорский мир. 2017. №4. С. 12–20. EDN [WCPWWG](#)
- Емашев А. А., Бакула В. Б. Универсальные архетипы в романе «Алхалалай» саамского писателя Н. Большаковой // Этническая культура. 2022. Том 4, №4. С. 29–33. EDN [GACCYY](#). DOI [10.31483/r-103765](#)
- Жулева А. С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. Москва : Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. 328 с. EDN [EVHOAY](#) DOI [10.22455/978-5-9208-0539-3](#)
- Зыков С. Н. Сакральный образ птицы в предметах финно-угорской тематики // Фундаментальные исследования. 2014. №9–8. С. 1876–1880. EDN [SWOIID](#)
- Коробейникова А. А., Пыхтина Ю. Г. О пространственных архетипах в литературе // Вестник Оренбургского государственного университета, 2010. №11. С. 44–50. EDN [MWMMSJ](#)
- Курашкина Н. А. Реализация экологических архетипов в паремиях, содержащих образы птиц // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. №2. С. 280–289. EDN [CGEFNH](#)
- Кусаева З. К. Мифофольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. №4–4. С. 1005–1010. EDN [PWSXTR](#)
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах : монография. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 136 с. EDN [WZUDXL](#)
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Наука, 1976. 408 с. EDN [WZEKXF](#)
- Нимаева О. Э. Феномен архетипов и архетипических образов в традиционной культуре бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №6. С. 156–159. EDN [QAOPVX](#)
- Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б., Рюмина Т. В., Ганпанцурова О. Б. Построение конструкта для изучения доминантного архетипа // Сибирский педагогический журнал. 2013. №3. С. 167–174. EDN [QCWEYL](#)
- Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Дмитриева Н. В. Структура архетипической идентичности: от недифференцированного сознания к постинформационному пространству // Сибирский педагогический журнал. 2014. №3. С. 157–162. EDN [SHAYOV](#)
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Москва : Лабиринт, 2001. 144 с.
- Рачин Е. И. Структура и сила этического архетипа // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2011. №2. С. 80–90. EDN [OWTMQB](#)
- Темирянкова Г. Б. Роль фольклорно-мифологических традиций в поэме И. Гусейнова «Шарвили» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Том 11. №2. С. 85–94. EDN [ZTCEWH](#)
- Теребихин Н. М. Метафизика Севера : монография. Архангельск : Поморский университет, 2004. 272 с. EDN [QKENZL](#)
- Филатов С. Б. Загадка уникальности религиозного сознания саамов // Современная Европа. 2020. №6. С. 163–173. EDN [DKBQKV](#). DOI [10.15211/soveurope62020163173](#)
- Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера : монография. Новосибирск : Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2009. 129 с. EDN [UKLSVS](#)
- Domokos J. Endangered literature: essays on translanguaging, interculturality, and vulnerability. Budapest : Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary L'Harmattan Publishing, 2018. 196 p.
- Domokos J. On Sami poetics // L'image du Sápmi. 2013. P. 436–454.
- Domokos J. The past is not a foreign country: Liminality in Askold Bazhanov's poetry // Verses & poems on the Saami land. Berlin : Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009. P. 185–196.
- Gaski H. Song, poetry and images in writing: Sami literature // Nordlit. 2011. №27. P. 33–54.
- Rießler M. Kola Sámi literature (Kildin Sámi, Ter Sámi, Akkala Sámi) // A writing hand reaches further «Čállí giehta olla guhkás» : recommendations for the improvement in the Sámi literary field. Helsinki, 2018. P. 70–75.

References

- Bakula, V. B. (2017). *Dukhovnaya kul'tura saamov i ee otrazhenie v yazyke*. Print-2.
- Bakula, V. B. (2017). Mythological and folk basis of collection of fairy tales "A gift of the gull" of N. Bolshakova. *Bulletin of Ugric studies*, 1, 7–15. EDN: [YK0SEJ](#)
- Bakula V. B. (2019). The image of a bird in the works of the sami writer Nadezhda Bolshakova. *Tomsk State University Journal*, 441, 5–11. EDN: [XXKDNV](#). <https://doi.org/10.17223/15617793/441/1>
- Goncharov S. A. & Goncharova O. M. (2014). Ethno-cultural identity of indigenous literature (the experience of a newly created written literatures of the Russia's North, Siberia and Far East). *Culture and text*, 3, 87–103. EDN: [TCURPB](#)
- Dinislamova S. S. (2017). Interpretation of mythological plots in the works by Yuvan Shestalov. *Finno-Ugric World*, 4, 12–20. EDN: [WCPWWG](#)
- Emashev A.A., & Bakula V.B. (2022). Universal Archetypes in the Novel "Alkhalalalai" by the Sami Writer N. Bolshakova. *Ethnic Culture*, 4(4), 29-33. EDN: [GACCYY](#). <https://doi.org/10.31483/r-103765>
- Zhuleva A. S. (2019). *Mifopoeticheskaya model' mira v nenetskoy literature*. Institut mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiyskoy akademii nauk. EDN: [EVHOAY](#) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0539-3>
- Zykov S. N. (2014). Sacred image of a bird in Finno-Ugric articles. *Fundamental research*, 9–8, 1876–1880. EDN: [SWOYD](#)
- Korobeynikova A. A. & Pykhtina Yu. G. (2010). About spatial archetypes in literature. *Vestnik of the Orenburg State University*, 11, 44–50. EDN: [MWMMCJ](#)
- Kurashkina N. A. (2020). Realization of ecological archetypes in paroemias containing bird images. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2, 280–289. EDN: [CGEFNH](#)
- Kusaeva Z. K. (2013). Mythological and folk traditions in Ossetian literature. *Fundamental Research*, 4–4, 1005–1010. EDN: [PWSXTR](#)
- Meletinskiy E. M. (1994). *O literaturnykh arkhetyпах*. Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. EDN: [WZUDXL](#)
- Meletinskiy E. M. (1976). *Poetika mifa*. Nauka. EDN [WZEKXF](#)
- Nimaeva O. E. (2013). The phenomenon of archetypes and archetypal images in traditional culture of the buryats. *Bulletin of BSU*, 6, 156–159. EDN: [QAOPVX](#)
- Perevozkina Yu. M., Dmitrieva N. V., Perevozkin S. B., Ryumina T. V. & Ganpanturova O. B. (2013). Creating a construct for studying of the dominant archetype. *Siberian pedagogical journal*, 3, 167–174. EDN: [QCWEYL](#)
- Perevozkina Yu. M., Perevozkin S. B. & Dmitrieva N. V. (2014). Structure archetypal identity: from not differentiated consciousness to a postinformation field. *Siberian pedagogical journal*, 3, 157–162. EDN: [SHAYOV](#)
- Propp V. Ya. (2001). *Morfologiya volshebnoy skazki*. Labirint.
- Rachin E. I. (2011). The structure and essence of an ethnical archetype. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2, 80–90. EDN: [OWTMQB](#)
- Temirkhanova G. B. (2017). The role of folklore and mythological traditions in "Sharvili" poem by Ibragim Guseynov. *Dagestan State Pedagogical University. Journal. Social and Humanitarian Sciences*, 11(2), 85–94. EDN: [ZTCEWH](#)
- Terebikhin N. M. (2004). *Metafizika Severa*. Pomorskiy universitet. EDN: [QKENZL](#)
- Filatov S. B. (2020). The mystery of the uniqueness of the religious consciousness of Saami. *Contemporary Europe*, 6, 163–173. EDN: [DKBQKV](#). <https://doi.org/10.15211/soveurope62020163173>
- Khazankovich Yu. G. (2009). *Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa*. Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. EDN: [UKLSVS](#)
- Domokos J. (2018). *Endangered literature: essays on translanguaging, interculturality, and vulnerability*. Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary L'Harmattan Publishing.
- Domokos J. (2013). On Sami poetics. *L'image du Sápmi*, 436–454.
- Domokos J. (2009). *The past is not a foreign country: Liminality in Askold Bazhanov's poet. Verses & poems on the Saami land*. Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 185–196.
- Gaski H. (2011). Song, poetry and images in writing: Sami literature. *Nordlit*, 27, 33–54.
- Rießler M. (2018). Kola Sámi literature (Kildin Sámi, Ter Sámi, Akkala Sámi). A writing hand reaches further "Čálligiehta olla guhkás": recommendations for the improvement in the Sámi literary field. *Helsinki*, 70–75.

Информация об авторах

Емашев Андрей Андреевич – преподаватель, Мурманский технологический колледж сервиса, Мурманск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8000-9352>; e-mail: tictac3551@gmail.com

Бакула Виктория Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>; e-mail: museum-vs@yandex.ru

Information about the authors

Andrey A. Emashev – lecturer, Murmansk Technological College of Service, Murmansk, Russian Federation.; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8000-9352>; e-mail: tictac3551@gmail.com

Victoria B. Bakula – Dr. Sci. (Phil.), associate professor, professor, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4038-7946>; e-mail: museum-vs@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.07.2023
Принята к публикации 08.08.2023
Опубликована 28.08.2023

Received 11 July 2023
Accepted 08 August 2023
Published 28 August 2023

Татарский пласт в системе терминов родства бесермян

<https://doi.org/10.31483/r-106954>
УДК 811.511.131:811.512.145'282.2

Максимов С. А.

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук, ROR
г. Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Резюме. Целью данного исследования является выявление и систематизация терминов родства татарского происхождения в бесермянском наречии. Термины родства в удмуртском языке относительно неплохо изучены. Однако в публикациях не рассматривалась терминология татарского происхождения в качестве отдельного лексико-семантического пласта. Между тем изучение подобной лексики может помочь пролить свет на проблему этногенеза бесермян, что весьма актуально в их отношении. Исследование проводилось преимущественно на основе материалов монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян», а также её полевых записей. В основе исследования лежат описательный и статистический методы, а также метод этимологического анализа. В ходе исследования выявлено и систематизировано 32 бесермянских термина татарского происхождения, что позволило совершенно по-новому взглянуть на бесермянско-татарские контакты. У бесермян с татарами в определенный период были весьма тесные взаимосвязи, вплоть до межэтнических браков. Наличие у бесермян особых терминов для обозначения родственников мужа, отсутствующих в других удмуртских диалектах, но аналогичных соответствующим терминам чепецких татар, возможно, указывает на то, что не только бесермянки выходили замуж за татар, но и татарки выходили замуж за бесермян.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная лексика, бесермянское наречие, термины родства, языковые контакты, татарские заимствования.

Для цитирования: Максимов С. А. Татарский пласт в системе терминов родства бесермян // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 3. С. 43-48. DOI 10.31483/r-106954. EDN NNYGAO

The Tatar layer of words in the system of kinship terms of the Besermans

Sergey A. Maksimov

 Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Abstract. The purpose of this study is to identify and systematize the terms of kinship of Tatar origin in the Beserman dialect. The terms of kinship in the Udmurt language are relatively well studied. However, the terminology of Tatar origin as a separate lexico-semantic layer has not previously been considered in publications. Meanwhile, the study of such vocabulary can help shed light on the problems of the ethnogenesis of the Besermans, which is very important. This study was carried out mainly on the basis of T. I. Teplyashina's monograph "The Language of the Besermans" and her field notes. The goals were achieved using descriptive and statistical methods, as well as the method of etymological analysis. Thirty-two Beserman terms of Tatar origin were identified and systematized, which allowed a new look at Beserman-Tatar contacts. In one of the periods, Besermans and Tatars had very close relationships up to interethnic marriages. The presence of special terms denoting the relatives of the husband among the Besermans, which are absent in other Udmurt dialects but correspond to the terms of the Chepetsk Tatars, may indicate that not only Beserman women married Tatars, but also Tatar women married Beserman men.

Keywords: Udmurt language, dialect vocabulary, Beserman dialect, kinship terms, language contacts, Tatar borrowings.

For citation: Maksimov S. A. (2023). The Tatar layer of words in the system of kinship terms of the Besermans. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 43-48. EDN: NNYGAO. <https://doi.org/10.31483/r-106954>.

Введение

Цель настоящего исследования – выявление и систематизация терминов родства татарского происхождения в бесермянском наречии. Бесермянское наречие – один из удмуртских диалектов, на котором говорят бесермяне, немногочисленная этническая группа, проживающая в северо-западных районах Удмуртской Республики и г. Глазове.

Термины родства в удмуртском языке относительно неплохо изучены. Данную лексико-семантическую группу слов в своих трудах неоднократно рассматривала известный удмуртский языковед Т. И. Тепляшина. Так, в своей статье «Тюркские элементы в терминах родства удмуртов в Башкирии» [Тепляшина, 1966] исследователь приходит к выводу, что в уфимских (закамских) говорах удмуртского

языка употребляется большое количество заимствованных терминов из тюркских языков. При этом она правильно подмечает, что одни такие термины были заимствованы еще тогда, когда предки уфимских удмуртов находились в общении с южными удмуртами, а другая часть была воспринята уже на территории их современного проживания [Тепляшина, 1966, с. 112]. Отметим, что несколько небольших работ ученого были посвящены исследованию непосредственно бесермянской терминологии родства [Тепляшина, 1963; Тепляшина, 1972; Тепляшина, 1975].

В отношении описываемой темы довольно информативна статья М. И. Федотова «Термины родства бесермян», в которой автор на основе собственных полевых материалов дает характеристику терминов кровного родства бесермян в сравнении с соответ-

ствующей терминологией удмуртов и других финно-угорских, а также тюркских народов [Федотов, 1985]. Помимо указанных работ, нельзя не отметить монографию венгерского лингвиста Э. Сий «Термины родства и свойства в удмуртском языке» [Сий, 1998], в которой многосторонне и обстоятельно рассматривается терминология родства в удмуртском языке. Исследование проведено с опорой на структурно-семантические особенности, происхождение, понятийное содержание, морфологические и синтаксические свойства лексем.

К исследуемой теме также относится написанный нами комментарий к картам второго выпуска «Диалектологического атласа удмуртского языка», на которых картографированы термины родства. В комментариях из семи понятий, связанных с данной терминологией, более подробно исследованы лексемы группы «мать» и «отец». При описании основное внимание уделено территориальному распространению слов, хотя в каждом случае рассматривается и их происхождение [Насибуллин, Максимов, Семенов, Бусыгина, 2013, с. 204–265]. В другой нашей работе рассматриваются термины родства по материнской линии в удмуртских диалектах и приводятся типологические параллели из родственных и неродственных языков [Максимов, 2019].

Несмотря на наличие публикаций по терминам родства в удмуртском языке, единственной работой, дающей более или менее целостное представление о бесермянской терминологии, можно назвать лишь статью М. И. Федотова. Однако в ней не ставилась цель рассмотрения терминов родства татарского происхождения как отдельного лексико-семантического пласта. Между тем исследование отдельных лексико-тематических групп слов может помочь пролить свет на проблему этногенеза бесермян.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на основе материалов книги Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» [Тепляшина, 1970], а также ее картотеки, которая хранится в архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. Помимо этого, использовались и иные ресурсы, в которых представлена бесермянская лексика [Словарь, 2013; Тезаурус, 2017] и лексика других удмуртских диалектов [Wichmann 1987; Насибуллин, Максимов, Семенов, Бусыгина, 2013]; результаты личных наблюдений автора в полевых условиях. Основной метод исследования – описательный. Также применялся метод этимологического анализа и статистический метод.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассматриваемые термины родства бесермян даны полужирным шрифтом и пронумерованы. Порядок их размещения связан с определенной логикой исследования: системно-семантическими отношениями лексем и их территориальным распространением. В некоторых случаях чтение уточняется с помощью финно-угорской транскрипции. Значения слов заключены в одиночные кавычки. После двоеточия приводятся материалы из монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян»

(1970). В квадратные скобки заключены номера страниц указанной монографии. В необходимых случаях приводятся рукописные материалы картотеки, после которых в скобках стоит аббревиатура ПМТ – полевые материалы Тепляшиной. После черного кружка (●) представлены диалектные и другие лексикографические материалы, а после вертикальной черты (|) – этимологии слова. По мере необходимости нами даются краткие комментарии, предлагается собственная этимология для тех слов, у которых она отсутствует или выглядит сомнительной. Графика записей бесермянских слов сохранена. Следует обратить внимание, что буквой *ө* обозначена неогубленная гласная фонема заднего (средне-заднего) ряда среднего (средне-нижнего) подъема, акустически близкая к чув. *ǎ*; надстрочный знак (°) представляет её редуцированный вариант. Рассматриваемые термины разделены на четыре группы в зависимости от наличия соответствий терминов в других удмуртских диалектных ареалах.

I. Общеудмуртские заимствования

1. *карт* «муж, супруг»: *kart* «муж, супруг, хозяин» [129] ● < тат. *карт* «старик, дед» [Csúcs, 1990, с. 207; Тараканов, 1993, с. 77].

2. *эмэси* «зять (муж дочери или младшей сестры)»: *emespi* «зять» [107] ● Вероятно, восходит к татарскому источнику, ср. тат. диал., башк. *йезнә(й)* «муж старшей сестры» (см. *езнэй*). Для дифференциации от слова *кырси* «зять (муж старшей сестры)», «дядя (муж сестры отца или матери)» термин стал употребляться совместно с определяемым словом *пи* «парень» и испытал ряд фонетических трансформаций: *езнэй пи* > *енэзпи* > *эмэси*.

II. Бесермянское наречие + южная диалектная зона

3. *аби* «бабушка (мать матери или отца)», «бабушка, старушка»: *abi* «бабушка» [39]; *аби* тж [43] ● бес. *аби* «бабушка – мать матери или отца», южн. *аби* ~ *ǎби* «бабушка, старушка», «теща» [Насибуллин и др. 2013, с. 61, 219]; бес. «бабушка (родственница)», «бабушка, старушка», «знахарка» [Словарь, 2013, с. 17; Тезаурус, 2017, с. 258–259] | Большинство исследователей возводят к татарскому языку, ср. тат. *эби* «бабушка; повивальная бабка; теща» [Әхмәтъянов, 2015, т. 1, с. 122] | < чув. [Wichmann, 1987, с. 2]; < тюрк [Тепляшина, 1966, с. 112]; < тат [Федотов, 1985, с. 118–119; Алатырев, 1988, с. 50; Csúcs, 1990, с. 92; Тараканов, 1993, с. 26; Сий, 1998, с. 80].

4. *бабай* «дед, старик», «дед, дедушка (родственник)»: *babajlo kon 'ušjee potono* «Деду необходимо выйти на конный двор» [241]; *babajed dorø møn*. «Иди к своему дедушке» (ПМТ) ● бес. южн. *бабай* «дед, дедушка, пожилой мужчина» (бес. южн.), «тесть» (пюж.), «дедушка – отец отца» (юж. пюж.) | < тат. *бабай* «дед, дедушка; тесть» [Wichmann, 1987, с. 13; Csúcs, 1990, с. 116; Тараканов, 1993, с. 38; Әхмәтъянов, 2015, т. 1, с. 145].

5. *анай* «мать, мама»: *анай* «мать» [41]; *анай* тж [65] ● бес. южн. *анай* «мать» [Насибуллин и др., 2013, с. 59] | < тат. диал. *анай* [Wichmann, 1987, с. 6; Алатырев, 1988, с. 93; Csúcs, 1990, с. 104; Тараканов, 1993, с. 33; Әхмәтъянов, 2015, т. 1, с. 97]; < тюрк [Тепляшина, 1966, с. 106–107; Федотов, 1985, с. 117, 129].

6. *анйкой* (*anikoj*) «мама, мамочка»: *анакай* «мамочка» [47]; *анйкой* «мама, мамочка» [Федотов, 1985, с. 119, 129] • бес. *аникай*, закам. *аңкай* ~ *аныкай* «мама, мамочка (обращение)» [Насибуллин и др., 2013, с. 206]. Исследуемое слово зафиксировано также на юге современной Удмуртии и в Татарстане [Wichmann, 1987, с. 7; Csúcs, 1990, с. 113] | Приведенные слова восходят к татарской лексеме, ср. тат. *эникэй* ~ *энекэй* «мама, мамочка». Заднерядный вокализм удмуртских *ä*-диалектов можно объяснить влиянием слова *анай*. Существующие этимологии в основном связаны с татарским языком [Wichmann, 1987, с. 7; Федотов, 1985, с. 119; Csúcs, 1990, с. 113; Тараканов, 1993, с. 34] или в целом с тюркским влиянием [Тепляшина, 1966, с. 107].

7. *атай* «отец, папа»: *атмай* «отец» [41]; *атай* тж [65] • бес. юдз. *атай* «отец» [Насибуллин и др. 2013, с. 236] | < тат. *атай* ~ *этэй* [Wichmann, 1987, с. 10; Csúcs, 1990, с. 112; Тараканов, 1993, с. 37]; < тюрк [Тепляшина, 1966, с. 107; Федотов, 1985, с. 117, 129; Алатырев, 1988, с. 127; Эхмэтьянов, 2015, т. 1, 141].

8. *ати́кой* (*atikoj*) «папа, папочка»: *ати́кой* «папа, папочка» [Федотов, 1985, с. 119, 129] • бес. *атикай*, закам. *ат(ь)кай* «папа, папочка» [Насибуллин и др., 2013, с. 236]. Зафиксировано также на юге современной Удмуртии и в Татарстане, см.: Wichmann, 1987, с. 10; Csúcs, 1990, с. 113. | Приведенные слова восходят к татарской лексеме, ср. тат. *этекэй* «папа, папочка». Заднерядный вокализм удмуртских *ä*-диалектов можно объяснить влиянием слова *атай* | < тат [Wichmann, 1987, с. 10; Csúcs, 1990, с. 113]; < тюрк [Тепляшина, 1966, с. 108].

9. *анай-атай* «родители»: *анай-атай* тж. (ПМТ) • < тат. диал. **анай-атай* ~ **энэй-этэй* «родители» | южн. *анай-атай* тж. < тат. *эни-эти* ~ **ана-ата* тж [Тараканов, 1993, с. 33].

10. *агай* «старший брат»: *агай* тж [116] • юдз. *агай* «старший брат», «дядя (по отцу; мужчина – не родственник)» | Термин заимствован из татарского, ср. тат. *агай* «дядя; старший брат; уважаемый мужчина» [Wichmann, 1987, с. 3; Алатырев, 1988, с. 52; Csúcs, 1990, с. 95; Тараканов, 1993, с. 27]; < тюрк [Тепляшина, 1966, с. 105; Федотов, 1985, с. 129].

10а. **анай* «старшая сестра», «тетя» • юдз. *анай* «старшая сестра», «тетя (по отцу; женищина – не родственница)» | < тат. *анай* [Алатырев, 1988, с. 96–97; Csúcs, 1990, с. 105; Тараканов, 1993, с. 34; Сий, 1998, с. 80] < чув [Wichmann, 1987, с. 7]. Данный термин в бесермянском не зафиксирован, но он реконструируется нами из системных соображений (см. выводы).

III. *Бесермянское наречие + периферийно-южный диалект*

11. *анй* (*ani*) «мать, мама; мамочка»: *анй* «мать, мама» [39]; *анй* «мама, мамочка» (ПМТ) • бес. *анй* «мать» [Федотов, 1985, с. 117, 129]; бес. южн. *ани* «мать, мама» [Насибуллин и др. 2013, с. 60, 206] | < тат. *эни* «мать» | < тат [Wichmann, 1987, с. 7; Csúcs, 1990, с. 104]; *анй* (уменьшительное от *анай*) [Сий, 1998, с. 80]. Слово, первоначально имевшее нейтральный стиль, под влиянием конечного гласного *и* по ассоциации с уменьшительно-ласкательным суффиксом стало приобретать ласкательный оттенок.

12. *ати́* (*ati*) «отец, папа; папочка»: *ати* «отец» [39]; *ати* «папа, папочка» (ПМТ) • бес. *ати́* «отец» [Федотов, 1985, с. 117, 129]; пюж. «папа, папочка» [Насибуллин и др. 2013, с. 236] | < тат. *эти* «отец» | < тат [Wichmann, 1987, с. 10; Csúcs, 1990, с. 113]; *ати* (уменьшительное от *атай*) [Сий, 1998, с. 80]. Под влиянием конечного *и* слово стало приобретать ласкательный оттенок.

13. *абзай* «младший брат отца»: *abzaj* (д. Гордино) тж [116] • закам. *абзи* ~ *аб(ь)з(и)* «[самый] старший брат», «дядя» | < тат. диал. *эбзэй* «старший брат и форма обращения к нему» [Татар, 1969, с. 16, 17, 539] | уф. *абзи* «старший брат дедушки (по отцу)» < тат. *абзый* «старший брат» [Тепляшина, 1966, с. 111; Тепляшина, 1969, с. 130] < тат [Алатырев, 1988, с. 50; Csúcs, 1990, с. 93; Тараканов, 1993, с. 26].

14. *жа́зай* (*ǰaǰaj*) «старший брат», «дядя»: *žežai* «дядя, старший брат» [39]; *ǰ'az'aj* «дядя» (ПМТ) • бес. *жа́зай* «старший брат», «дядя» [Федотов, 1985, с. 125, 127, 130]; сдз. *д'ад'а* «дядя», юдз. *д'ад'а* ~ *д'ад'ай* «отец, папа» [Насибуллин и др. 2013, с. 197, 202] | уф. *зэзэй* «младший брат дедушки по отцу» < тюрк [Тепляшина, 1966, с. 112]; бес. *жа́зай* < рус. *дядя* [Федотов, 1985, с. 125]; *д'ад'aj* ~ *дядя* < рус. «дядя», «отец» [Сий, 1998, с. 70–73]. В бесермянском наречии и некоторых говорах южной диалектной зоны слово заимствовано из татарского, ср. тат. диал. *дэдэ(й)* «старший брат», «брат деда», «дядя» [Татар, 1969, с. 131; Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 241].

15. *татай* «старшая сестра», «тетя»: *tataj* «тетя» [65]; *tataj* «старшая сестра» [116, 127] • бес. *татай* «старшая сестра», «тетя» < рус. *тетя* [Федотов, 1985, с. 125]; < тат. *tätaj* «тетя; старшая сестра» < рус. *тетя* [Csúcs, 1990, с. 280]. Заимствовано из говоров чепецких татар, ср. тат.: нукр. глз. (и др.) *тэтэ(й)* «старшая сестра», «тетя» [Татар, 1969, с. 440]. Похожее слово зафиксировано также в одном из закамских говоров: бт. *tutaj* «старшая сестра (обычно вторая)» < тат. *tütaj* «тетка», *tutaj* «старшая сестра» [Csúcs, 1990, с. 294; Тараканов, 1993, с. 130]. Как видим, эти слова не имеют общей истории с бесермянским термином родства.

16. *энгей* (*eŋgej*) «тетя (жена старшего брата или дяди)»: *eŋgej* «тетя, жена брата» [39]; *эньгей* «тетя (старшая по возрасту родственница или свойственница, не являющаяся сестрой любого из родителей)» [Словарь, 2013, с. 515] • Бесермянское слово *eŋgej* (*энгей*) «жена старшего брата или дяди» исследователи относили к чувашским заимствованиям: чув. *инке* ~ *инки* ~ *енки* тж [Wichmann, 1987, с. 51; Федотов, 1996, т. 1, с. 168]. В более поздних работах подобные слова считаются тагаризмами: *ǰaŋgaj* ~ *ǰeŋgaj* «жена старшего брата, жена брата отца» < тат. *ǰiŋgä* «сноха, невестка (жена старшего брата или старшего родственника)» [Csúcs, 1990, с. 155]; *ǰeŋgej* ~ *jeŋga(j)* < тат [Сий, 1998, с. 80] – или башкирским заимствованием: бт. *эңгай* «тетя» < башк. *еңга*, тат. *ǰиңги* «жена старшего брата или дяди» [Тараканов, 1993, с. 60]. Полагаем, что исследуемое слово, как и многие другие бесермянские термины свойства, воспринято из языка чепецких татар, ср. тат. *йеңгэй* «жена старшего брата» [Тепляшина, 1970, с. 162].

17. *көдача* (*kädaça*) *көдача* «младшая сватья (сестра одного из супругов для родителей другого супруга)»: бес. *kodac'a* «сватья» [Тепляшина, 1963, с. 41]; *көдача*

«(младшая) свойственница, не являющаяся ближайшей» [Словарь, 2013, с. 181; Тезаурус, 2017, с. 264] • закам.: татш. *кьдас'а* «младшая сестра и младшая родственница снохи или зятя» | Т. И. Тепляшина предполагала тюркское происхождение слова, не указывая на конкретный источник [Тепляшина, 1963, с. 41], которым должен быть татарский язык, ср.: тат. *кодача* «свояченица (младше говорящего)» < кыпч. *кудача* тж. < монг. *qudačar* тж [Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 429].

IV. Термины, характерные только для бесермянского наречия

18. *бабам* «дед, дедушка (по отцу и матери)», «дед, старик»: *babame* «мой дедушка» [258]; *L'eg vu velt'i kuliz ojig babam*. «Во время сильного половодья умер один дед» [271] • бес. *бабам* < тат. *баба* «дед, дедушка» + притяж. суфф. -м, букв. «дед мой» [Тепляшина, 1975, с. 195, 197; Федотов, 1985, с. 118]; Csúcs, 1990, с. 116; Wichmann, 1987, с. 13].

19. *бабача* «двоюродный брат (дедушки)», «дедушка»: *бабача* «двоюродный брат» [55]; *babač'a* (д. Гордино) «дедушка» (ПМТ) • ср. тат.: глз. нукр. *бабача* «дедушка, старик; форма обращения к мужчине старше отца» [Татар, 1969, с. 62]. Первое значение, возможно, зафиксировано не совсем точно, но оно позволяет рассматривать слово в качестве термина родства.

20. *ани-атай* (*ani-ati*) «родители»: *anijo-atiyo* имеющий родителей [182] • < тат. *эни-эти* «родители» (см. *анай-атай*).

21. *татай* (*tati*) «старшая сестра»: *tati* тж [39] • < тат. диал. *тэти* тж [Татар 1969, с. 440].

22. *көдабике* (*kəḍabike*) «сватья (свойственница)»: *kəḍabike* «сватья» (ПМТ) • бес. *kodabike* «родители жены и мужа», ср. тат. *koda* «кум, сват» + *bikā* «дама, госпожа; жена» [Csúcs, 1990, с. 224].

23. *езнэй* «зять (по возрасту старше говорящего)»: *jeznej* (д. Гордино) тж [116] • Заимствовано из местных татарских говоров: < тат. **йезнэй*, ср. тат. *жизнэ(й)*, тат. диал., башк. *йезнэ(й)* «муж старшей сестры» < др.-тюрк. *jezne* < **jejniznā* [Эхмэтьянов, 2015 т. 1, с. 267].

24. *кияматлөк* (*kijamatlök*) «кияматлык (название невесты во время свадьбы)»: *vil'kenez kijamatlök karo*. «Молодуху (невесту на свадьбе) называют кияматлык» (ПМТ); *кияматлөк анай* «посажёная мать (невесты)»; *кияматлөк атай* «посажённый отец (невесты)» (ПМТ) • < тат. *кьяматлек* «посажённый (на свадьбе); посажёная мать» [Татарско-русский, 2007, т. 1, с. 712]. Происходит от тат. *кьямат* «светопреставление» < араб. *кый-āmāt* «светопреставление; воскрешение» [Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 527]. В марийской мифологии *киямат* – глава (судья) загробного мира, вершащий суд над душами умерших [Ситников, 2006, с. 59]. При этом: мар. *киямат ава*, чув. *хяяматлэх анне* «посажёная мать на свадьбе», мар. *киямат ача*, чув. *хяяматлэх ати* (*атте*) «посажённый отец на свадьбе» [Федотов, 1996, т. 2, с. 320].

Родственники мужа

25. *бийөм* (*bijät*) «свекровь (мать мужа)»: *бийөм* «свекровь» [43]; *биөт* тж [55] • бес. *биөм* (*бий* + притяж. суфф. -м) «свекровь, мать мужа» < тюрк [Тепляшина, 1975, с. 196]. Представленная этимология исследователями не была поддержана. Между тем слово заимство-

вано из говоров чепецких татар, ср. тат.: нукр. глз. *бийем* «свекровь» [Татар, 1969, с. 84]. Тюркские соответствия: *бийим* ~ *бигим* ~ *бэгүм* > перс. *бегүм* «принцесса; королева». По мнению Р. Г. Ахметьянова, татарское слово образовано от *бэг* (*би*) «бек», где -ем не притяжательный, а словообразовательный суффикс, ср. *ханым* «дама, госпожа» [Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 184].

26. *биатам* (*bijatam*) «свёкор»: *биатам* тж [43] • бес. *бийатам* «отец моего мужа» [Федотов, 1985, с. 118] | *биатам* (*би* + *ата* + притяж. суфф. -м) «свекор, отец мужа» < тюрк [Тепляшина, 1975, с. 196]; < тат [Csúcs, 1990, с. 129]. Слово восходит к говорам чепецких татар: **бийатам*, ср. тат.: глз. нукр. *бийата(й)* [Татар, 1969, с. 84].

27. *биагам* (*bijagam*) «деверь (старший брат мужа)», «брат свёкра (свекрови)»: *biagam* «брат свекрови, брат свекра» [106] • *биагам* (*би* + *ага* + притяж. суфф. -м) «старший деверь, старший брат мужа» < тюрк [Тепляшина, 1975, с. 195]; < тат. *биага(й)* < *би* «князь, господин» + *агай* «дядя» [Алатырев, 1988, с. 176; Csúcs, 1990, с. 129]. Бесермянский термин родства восходит непосредственно к говорам чепецких татар: **бийагам*, ср. тат.: нукр. *бийага(й)* «старший брат мужа» [Татар, 1969, с. 83].

28. *бикем* «золовка (старшая сестра мужа)»: бес. *бикэм* «старшая золовка, старшая сестра моего мужа» [Тепляшина, 1975, с. 196] • < тат [Wichmann, 1987, с. 20; Csúcs, 1990, с. 129] < тюрк [Тепляшина, 1975, с. 196]. Заимствовано из говоров чепецких татар, ср. тат.: нукр. *бикэм* «старшая сестра мужа» [Татар, 1969, с. 85].

29. *бикечей* «золовка (младшая сестра мужа)»: *bikeč'ej* младшая сестра мужа [105, 116] • Ш. Чуч справедливо считает, что слово заимствовано из говоров чепецких татар, ср. тат.: глз. нукр. *бикэчэй* ~ *бикэчем* «младшая сестра мужа» [Татар, 1969, с. 85], где -эй (-äj) – ласк. суфф [Csúcs, 1990, с. 129]. Исследователи полагают, что тат. *бикэч* «молодуха», диал. *бигэч* «невеста» < др.-тюрк. *begeč* «принцесса», *bekač* «принц» [Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 155].

Термины детской речи

30. *абиби* ласк. «бабушка, бабуся»: *abibi* (д. Турчино) тж [178] • Образовано от *аби* «бабушка» в детской речи, по-видимому, на татарской почве.

31. *анйни* (*anini*) ласк. «мамочка, мама»: *anini* тж [178] • Образовано от *ани* «мама» в детской речи, по-видимому, на татарской почве, ср. тат. диал. *энэнэй* – форма обращения к пожилой женщине [Татар, 1969, с. 544].

32. *неней* (*neñej*) форма обращения младших сестер к старшим; *n'ep'ej* тж [116] • бес. *неней* «тётя (старшая родственница или свойственница, не являющаяся сестрой родителей)» [Тезаурус, 2017, с. 380] | < тат. диал. *нэнэй* – форма обращения соседских детей, родных и близких к пожилым женщинам и старухам [Татар, 1969, с. 323].

В ходе проведения исследования по выявлению и систематизации терминов родства татарского происхождения в бесермянском наречии получены следующие результаты:

1) в рукописных фондах Т. И. Тепляшиной найдены следующие термины родства бесермян: *абзай* «младший брат отца», *анай-атай* «родители», *бабай* «дед, дедушка», *кияматлөк* – название невесты на свадьбе;

2) впервые охвачены исследованием термины родства из монографии «Язык бесермян»: *абиби* «бабушка, бабуся»,

анй-атй «родители», *анйинй* «мамочка», *бабача* «двоюродный брат (*дедушки*)», *езнэй* «зять (*старше говорящего*)»;

3) впервые раскрыты этимологии терминов *анйинй* «мамочка», *бабача* «двоюродный брат (*дедушки*)», *бийём* «свекровь», *езнэй* «зять (*старше говорящего*)», *кияматлөк* – название невесты на свадьбе, *неней* – обращение к старшим сестрам, *татй* «старшая сестра», *эмести* «зять (моложе говорящего)»;

4) уточнены этимологии следующих терминов: *абзай* «младший брат отца», *абиби* «бабушка, бабуся», *анй* «мать, мама; мамочка», *атй* «отец, папа; папочка», *жазай* «старший брат», «дядя», *көдача* «младшая сватья».

Всего в бесермянском наречии выявлено 32 термина татарского происхождения. В данное число мы включили также термины *анай-атай* и *анй-атй* «родители», которые могли образоваться на бесермянской почве из отдельных компонентов в соответствии со старой моделью *му-мы-айы*. Однако без внешнего влияния, по-видимому, в данном случае не обошлось, поскольку в таких терминах, как бес. *йар-мүмө* «теща», бес. *йарм-ай(ө)* «тесть» – вторые компоненты не подверглись замене, что наблюдается в некоторых диалектах, ср.: *варм-анай* «теща», *варм-атай* «тесть». С учетом наличия соответствий в разных диалектах описываемые термины можно распределить в четыре группы: 1) общеудмуртские термины – два слова (около шести процентов); 2) бесермянское наречие и южная диалектная зона – восемь слов (25 процентов); 3) бесермянское наречие и периферийно-южный диалект – семь слов (около 22 процентов); 4) только бесермянские термины – 15 (около 47 процентов).

Дистрибуция терминов в разных диалектных группах позволяет определить ареалы, где происходило межэтническое взаимодействие и были восприняты иноязычные термины: правобережье нижней Вятки (север современного Татарстана и юг Кировской области) – десять слов (около 31 процента); бассейн р. Чепцы (север современной Кировской области и Удмуртии) – 22 (около 69 процентов).

Выводы

В соответствии с результатами исследования Р. И. Идрисова, нашедшими отражение в выпускной квалификационной работе «Тюркские заимствования разных периодов в бесермянском диалекте удмуртского языка» (2013), в бесермянском наречии тюркизмов насчитывается 269 единиц. Вместе с тем терминов родства татарского происхождения – 32, что составляет более десяти процентов тюркизмов.

В то же время в одном из наиболее тюркизированных удмуртских говоров – татышлинском, Башкор-

тостан, в котором выявлено почти 2000 тюркизмов¹, количество терминов родства татарского происхождения – 35–40 единиц (см.: Сий, 1998, с. 80–81, 86, 93, 176), что не превышает и двух процентов.

На основе полученных данных можно прийти к следующему заключению. В лексике бесермянского наречия влияние татарского языка в целом ощущается не так заметно. Однако оно весьма существенно проявляется в отдельных лексико-семантических группах, в данном случае – это терминология родства, которая составляет более десяти процентов от всех тюркизмов (при менее двух процентов в других удмуртских диалектах). Это может быть свидетельством того, что у бесермян с татарами в определенный период были весьма тесные взаимосвязи вплоть до межэтнических браков. Подобные отношения осуществлялись не в правобережье нижней Вятки на территории Татарстана, а в бассейне Чепцы на севере Кировской области и Удмуртии, где заимствовано около 70 процентов терминологии. При этом здесь даже некоторые прежние татарские заимствования, такие как *бабай* «дедушка», *агай* «старший брат», «дядя», **анай* «старшая сестра», «тётя», были вытеснены соответственно терминами *бабам*, *жазай* и *татай*, проникшими из языка местных татар. Наличие у бесермян особых терминов для обозначения родственников мужа (см. 25–29), отсутствующих в других удмуртских диалектах, но аналогичных соответствующим терминам чепецких татар, возможно, указывает на существование в прошлом двусторонних браков: не только бесермянки выходили замуж за татар, но и татарки выходили замуж за бесермян.

Сокращения

Араб. – арабский язык; башк. – башкирский язык; бес. – бесермянское наречие; бт. – буйско-таныпский говор (пюж.); булг. – болгарский язык; глз. – глазовский говор (тат.); диал. – диалектное; др.-тюрк. – древнетюркский язык; закам. – закамские говоры (пюж.); кыпч. – кыпчакские языки; ласк. – ласкательное; мар. – марийский язык; монг. – монгольский язык; нукр. – нукратский говор (тат.); перс. – персидский язык; притяж. суфф. – притяжательный суффикс; пюж. – периферийно-южный диалект; рус. – русский язык; сдз. – северная диалектная зона; совр. – современное; тат. – татарский язык; татш. – татышлинский говор (пюж.); тюрк. – тюркские языки; уф. – уфимский диалект (= закамские говоры); чув. – чувашский язык; юдз. – южная диалектная зона; юж. – собственно южный диалект; южн. – южное наречие.

¹ Личное сообщение А. Т. Байдуллиной, языковеда и журналиста, носителя говора, составившей рукописный словарь тюркских заимствований в татышлинском говоре удмуртского языка

Источники

- Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка : буквы А, Б. Ижевск : Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1988. 240 с.
- Ситников К. И. Словарь марийской мифологии. Йошкар-Ола, 2006. Том 1. 160 с.
- Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / составители А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. Москва : ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
- Татар теленек диалектологик сүзлеге. Казань : Татар китап нәшрияты, 1969. 643 с.
- Татарско-русский словарь : в 2-х томах. Казань: Магариф, 2007.
- Тезаурус, 2017 – Усачева М. Н., Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Иванов В. А., Идрисов Р. И. Тезаурус бесермянского наречия: имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). Москва : Издательские решения, 2017. 540 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. Казан : Мәғариф-Вақыт, 2015.

Список литературы

Максимов С. А. О терминах родства по материнской линии в удмуртском языке: источник типологической модели // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. №3. С. 126–134. DOI [10.26293/chgpu.2019.103.3.017](https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.017) EDN SWRPWA

Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Бусыгина Л. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2013. Выпуск 3. 302 с. EDN THLUFH

Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Будапешт : Akadémiai Kiadó, 1998. 217 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи : теория и словарь. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 170 с.

Тепляшина Т. И. Загадочные термины родства в удмуртском языке // Советское финно-угроведение. 1968. №4. С. 263–267.

Тепляшина Т. И. Лично-притяжательные формы бесермянских терминов родства // Вопросы финно-угроведения. Саранск : Мордовское книжное издательство, 1975. Выпуск 6. С. 195–200.

Тепляшина Т. И. О терминах родства у бесермян // Структура и история тюркских языков. Ужгород, 1963. С. 40–42.

Тепляшина Т. И. Термины родства в современных словарях удмуртского языка // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 101–107.

Тепляшина Т. И. Тюркизмы в бесермянской терминологии родства // Вопросы советского финно-угроведения: языкознание. Саранск, 1972. С. 28.

Тепляшина Т. И. Тюркские элементы в терминах родства удмуртов в Башкирии // Башкирская лексика. Уфа : Башкирское книжное издательство, 1966. С. 103–114.

Тепляшина Т. И. Удмуртские термины родства («сын», «дочь») // Вопросы финно-угорского языкознания. Москва, 1965. Выпуск 3. С. 130–139.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. Москва : Наука, 1970. 288 с.

Федотов М. И. Термины родства бесермян // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Ижевск, 1985. С. 116–131.

Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1990. 306 S.

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII, 422 S.

References

Maksimov S. A. (2019). Maternal kinship terms in the Udmurt language: the source of the typological model. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 3, 126–134. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.017> EDN: SWRPWA

Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Busygina L. V. (2013). *Dialektologicheskij atlas udmurtskogo yazyka : karty i kommentarii. Reguljarnaya i khaoticheskaya dinamika*. EDN: THLUFH

Siy E. (1998). *Terminy rodstva i svoystva v udmurtskom yazyke*. Akadémiai Kiadó.

Tarakanov I. V. (1993). *Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi : teoriya i slovar'*. Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta.

TePLYashina T. I. (1968). Zagadochnye terminy rodstva v udmurtskom yazyke. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 4, 263–267.

TePLYashina T. I. (1975). Lichno-prityazhatel'nye formy besermyanskikh terminov rodstva. *Voprosy finno-ugrovedeniya*, 6, 195–200.

TePLYashina T. I. (1963). O terminakh rodstva u besermyan. *Struktura i istoriya tyurkskikh yazykov*, 40–42.

TePLYashina T. I. (1977). Terminy rodstva v sovremennykh slovaryakh udmurtskogo yazyka. *Voprosy udmurtskoy dialektologii*, 101–107.

TePLYashina T. I. (1972). Tyurkizmy v besermyanskoy terminologii rodstva. *Voprosy sovetskogo finno-ugrovedeniya: yazykoznanie*, 28.

TePLYashina T. I. (1966). Tyurkskie elementy v terminakh rodstva udmurtov v Bashkirii. *Bashkirskaya leksika*, 103–114.

TePLYashina T. I. (1965). Udmurtskie terminy rodstva (“syn”, “doch”). *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznanija*, 3, 130–139.

TePLYashina T. I. (1970). *Yazyk besermyan*. Nauka.

Fedotov M. I. (1985). Terminy rodstva besermyan. *Semeynyy i obshchestvennyy byt udmurtov v XVIII–XX vv*, 116–131.

Csúcs S. (1990). Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. *Akadémiai Kiadó*.

Wichmann Y. (1987). *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki.

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>; e-mail: makser02@yahoo.com

Information about the author

Sergey A. Maksimov – Cand. Sci. (Phil.), senior research scientist, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>; e-mail: makser02@yahoo.com

Поступила в редакцию 24.05.2023

Принята к публикации 31.07.2023

Опубликована 30.08.2023

Received 24 May 2023

Accepted 31 July 2023

Published 30 August 2023

Когнитивно-прагматическая характеристика романа С. Кинга «Кладбище домашних животных»: опыт компаративного анализа оригинального и переводного текстов

<https://doi.org/10.31483/r-106521>
УДК 82-3:81'25=111=161.1

Семенова С. Н.^а, Жандарова А. В.^б, Секунов Д. Н.^с

Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0003-3172-9198>, e-mail: sofiya.semenova75@yandex.ru

^б <https://orcid.org/0000-0003-2868-0805>, e-mail: vi_ri@mail.ru

^с <https://orcid.org/0009-0005-9985-4309>, e-mail: sekunov03@yandex.ru

Резюме. Работа посвящена анализу романа С. Кинга «Pet Cemetary» в оригинальном английском и русском вариантах в сравнительно-сопоставительном аспекте. Цель статьи – когнитивно-прагматическая характеристика текстов на материале лексических единиц. Авторами в исследовании решаются следующие задачи: сравнительный анализ языковых особенностей текстов произведения, презентация наиболее ярких примеров с лингвокультурологической точки зрения, смысловая интерпретация лексических единиц. Новизна исследования заключается в предпринятой попытке проанализировать текст романа на двух языках в сопоставительном плане (авторами статьи выбраны два варианта перевода на русский язык, выполненных И. А. Багровым и Т. Ю. Покидаевой). Полученные при изучении текстов данные отражают культуру и лексикон современников авторов перевода, что важно для современных научных изысканий в области изучения лексики как со структурной, так и с содержательной сторон. В процессе рассмотрения материала были использованы методы сплошной выборки, классификационный и интерпретационный. Проведенный анализ помог выявить специфику восприятия информации в различные периоды времени. Отсутствие точности передачи лексических единиц в переводных работах определяет необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: Стивен Кинг, перевод, сравнительный анализ, классификация, интерпретация, метафора, описание

Для цитирования: Семенова С. Н. Когнитивно-прагматическая характеристика романа С. Кинга «Кладбище домашних животных»: опыт компаративного анализа оригинального и переводного текстов / С. Н. Семенова, А. В. Жандарова, Д. Н. Секунов // Этническая культура. 2023. Т. 5, №3. С. 49-56. DOI 10.31483/r-106521 EDN WSSFAU

Cognitive and pragmatic characteristic of S. King's work "Pet Cemetary": experience in comparative analysis of original and translated texts

Sofiya N. Semenova^а, Anna V. Zhandarova^б, Denis N. Sekunov^с

 Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation.

^а <https://orcid.org/0000-0003-3172-9198>, e-mail: sofiya.semenova75@yandex.ru

^б <https://orcid.org/0000-0003-2868-0805>, e-mail: vi_ri@mail.ru

^с <https://orcid.org/0009-0005-9985-4309>, e-mail: sekunov03@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of the novel by S. King "Pet Cemetary" in the original English and Russian versions in a comparative aspect. The purpose of the article is a cognitive-pragmatic characterization of texts based on lexical units. The authors of the study solve the following tasks: a comparative analysis of the linguistic features of the texts of the work, the presentation of the most striking examples from a linguocultural point of view, the semantic interpretation of lexical units. The novelty of the study lies in the attempt to analyze the text of the novel in two languages in a comparative way (the authors of the article chose two versions of the translation into Russian, made by I. A. Bagrov and T. Yu. Pokidaeva). The data obtained during the study of texts reflect the culture and lexicon of the contemporaries of the authors of the translation, which is important for modern scientific research in the field of studying vocabulary, both from the structural and content sides. In the process of reviewing the material, the methods of continuous sampling, classification and interpretation were used. The analysis carried out helped to reveal the specifics of the perception of information in different periods of time. The lack of accuracy in the transfer of lexical units in translated works determines the need for further research in this direction.

Keywords: Stephen King, translation, comparative analysis, classification, interpretation, metaphor, description.

For citation: Semenova S. N., Zhandarova A. V., & Sekunov D. N. (2023). Cognitive and pragmatic characteristic of S. King's work "Pet Cemetary": experience in comparative analysis of original and translated texts. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 49-56. EDN: WSSFAU. <https://doi.org/10.31483/r-106521>.

Введение

Стивен Эдвин Кинг – известный американский писатель, работающий в жанрах ужасов, фантастики,

триллера, детектива. К настоящему времени им опубликовано 60 романов и пять научно-популярных книг, написано около 200 рассказов, собранных в девять

сборников. Действия в его книгах происходят как в вымышленных местах, так и в реальных городах, а многие произведения объединяет штат Мэн, родной для писателя. Идиостиль С. Кинга predetermined его статус короля ужасов.

Один из популярных и известных произведений писателя – роман «Pet Sematary» («Кладбище домашних животных»), впервые опубликованный в 1983 г. Роман написан в жанре готической литературы, в основном развиваемой в англоязычных странах. В тексте главные герои сталкиваются с мистикой в виде волшебного индейского кладбища и проходят через моральные трудности.

В основу произведения положена история из жизни самого писателя. В 1976 г. С. Кинг устроился преподавателем в Мэнский университет и переехал жить в арендованный дом рядом с оживленным шоссе. В один из дней ему повстречались дети, решившие похоронить сбитого на дороге зверька в песочнице. В последующем кладбище было перенесено на ближайший холм. Дети хоронили там своих домашних животных и располагали могилы в форме спирали. Все это заинтересовало С. Кинга, стало источником вдохновения и отразилось в названии и сюжете произведения.

Был и другой случай. Однажды малолетний сын писателя убежал от родителей в сторону шоссе, но С. Кинг успел его поймать. Однако позже жертвой дороги стал домашний кот писателя. Он не хотел рассказывать правду дочери, супруга же настояла на этом.

Идея написать роман пришла к нему после погребения домашнего любимца. Его голову занимали мысли о том, чего стоит правда о смерти, что было бы, если кот вернулся к ним после смерти, если бы в тот момент писатель не успел поймать сына. Также в романе присутствует существо Вендиго, взятое из фольклора местных племен индейцев и играющее важную роль в повествовании.

Итак, цель данной статьи – когнитивно-прагматическая характеристика текста романа на языке оригинала и двух его переводов на русский язык. Авторами в исследовании решаются следующие задачи: сравнительный анализ языковых особенностей текстов произведения, презентация наиболее ярких примеров с лингвокультурологической точки зрения, смысловая интерпретация лексических единиц.

Полученные результаты отражают культуру и лексикон авторов перевода, что важно для научных исследований в области изучения лексики как со структурной, так и с содержательной сторон.

Материал и методы исследования

Материалом для проведения исследования послужили переводы первых семи глав романа, выполненные И. А. Багровым («Кошачье кладбище», 1993) и Т. Ю. Покидаевой («Кладбище домашних животных», 2016). Новизна исследования заключается в предпринятой попытке изучить текст С. Кинга на двух языках в сравнительно-сопоставительном плане.

Методологической базой работы послужили статьи ученых, теоретические и практические положения

которых использованы нами в качестве руководства в проведении анализа выбранного материала [Cienki, Iriskhanova, Becker, Boutet, Debras, Denisova, Gonzalez-Marquez, Morgenstern, Müller, Richter, 2018; Dorst, Valdez, Bouman, 2022; Divjak, Levshina, Klavan, 2016; Mak, Tribushinina, Andreiushina, 2013; Sraилоva, Baranova, Kalioppin, Knyazeva, Sergeeva, 2021].

В связи с рассматриваемой проблемой интересным представляется рассуждение о том, что художественная коммуникация наделена тремя основными составляющими, которые предусматривают ее существование и функционирование: писатель – произведение – читатель¹. К этой системе можно добавить еще одного участника – переводчика и получить такую взаимосвязь: писатель – произведение – переводчик – читатель. Переводчик – важное звено при передаче идеи писателя, и от того, какие языковые средства он использует в интерпретации произведения во многом будет зависеть понимание текста читателем.

Данная работа является продолжением опыта изучения жанров литературы на разных языках с когнитивной и прагматической точек зрения (см.: Семенова, 2021; Семенова, 2017).

В основу исследования положены методы сплошной выборки, классификационный и интерпретационный.

Результаты исследования могут быть использованы для создания вспомогательного материала в процессе изучения художественных произведений на занятиях по литературе на русском и иностранном языках.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ сходств и различий в оригинальном тексте романа С. Кинга «Pet Sematary» и его переводах на русский язык проводится по следующим блокам: 1) собственные имена, включая имена людей, названия брендов и компаний, а также названия известных марок; 2) лексико-семантические неточности в переводах (неточный перевод; авторский вариант передачи информации на русский язык); 3) средства выразительности.

1. Собственные имена. В переводах имен персонажей имеются небольшие фонетические различия, представленные в табл. 1 (здесь и далее все примеры использованы авторами статьи без изменений так, как они даны в источниках).

Таблица 1. Адаптация имен в русских переводах
Table 1. Adaptation of names in Russian translations

Оригинал	Перевод И. А. Багрова	Перевод Т. Ю. Покидаевой
Eileen	Элли	Эйлин
Church	Чер	Черч
Louis Creed	Луис Крид	Луис Крид
Rachel	Рейчел	Рэйчел
Gage	Гейдж	Гейдж
Crandall	Крандал	Крэндалл
Norma	Норма	Норма

1 Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Ленинград: Просвещение, 1979. 327 с.

Также само название кладбища «Pet Cemetary» было переведено И. А. Багровым своеобразно – «Кошачье кладбище», а Т. Ю. Покидаева предложила название «Кладбище домашних животных». В то время, как Т. Ю. Покидаева перевела дословно, И. А. Багров решил перевести его как кошачье, что по смыслу является неточным, так как в самом произведении говорится о захоронении и других животных: собак, птиц, енотов и т. п.

Интересной особенностью является перевод названия детского парка аттракционов, спортивной команды и марки алкоголя. И. А. Багров в своей версии перевел название «Disney World» описательно. Т. Ю. Покидаева же прибегла в данном случае к способу транслитерации (табл. 2).

Таблица 2. Адаптация названий брендов и компаний
Table 2. Adaptation of brand and company names

Оригинал	Перевод И. А. Багрова	Перевод Т. Ю. Покидаевой
Disney World	Диснеевский центр аттракционов	Диснейуорлд
Red Sox	«Красные гетры»	«Ред сокс»
Black Label	«Черный ярлык»	«Блэк лейбл»

Кроме того, И. А. Багровым и Т. Ю. Покидаевой по-разному были переведены следующие ниже названия (табл. 3).

Таблица 3. Адаптация названий известных марок
Table 3. Adaptation of famous brands' names

Оригинал	Перевод И. А. Багрова	Перевод Т. Ю. Покидаевой
for IBM	в большой фирме	На «Ай-би-эм»
her Sesame Street posters	с яркими рекламными картинками из магазинов игрушек	с ее плакатами с «Улицей Сезам»
deck of Chesterfield Kings	пачку сигарет	пачка «Честерфилда»

В данном случае различия кардинальные. Вариант перевода Т. Ю. Покидаевой понятен и прост. И. А. Багров же прибегает к описательному приему. Игнорирование названий мировых брендов можно объяснить тем, что в период, когда И. А. Багров переводил роман на русский язык, в Советском Союзе не была представлена продукция западных компаний.

2. *Лексико-семантические неточности в переводах.* При переводе с другого языка могут возникать лексические сложности в подборе оптимального варианта для соответствующего языка, в результате чего допускаются неточности, которые иногда искажают смысл задуманного писателем (табл. 4).

Таблица 4. Примеры неточного перевода
Table 4. Examples of inaccurate translation

Оригинал	Перевод И. А. Багрова	Перевод Т. Ю. Покидаевой
1	2	3
never known	не помнил	не знавший
entered his middle age	вступив в пору зрелости	уже будучи в зрелом возрасте
only he had seen up until now	до сих пор Луис видел только с вертолета	прежде видел только Луис
long shed	вместительная кладовка	длинный сарай
luxuriant sprawl of lawn	роскошная лужайка	роскошные луга
almost taking his ear off	прямо в ухо отцу	зазвенело в ушах
the engine ticked	мотор умолк	мотор пощелкивал
complacently	неожиданно	с довольным видом
the fairlane's glove compartment	в перчаточный ящик машины	в бардачок
cut herself	ушиблась	поранилась
it's just Mercurochrome	это не йод, а мазь	это всего лишь меркурохром
voice was so thick with Down East accent	к распевному говору южан	с новоанглийским акцентом
held out his hands	развел руками	протянул руки
should have been his father	стал для него отцом	следовало бы быть его отцом
big blue moving van	крытый голубым тентом грузовик	синий грузовой фургон
seeing them this way, out of their accustomed places, diminished them	оказывается, за десять лет супружества их накопилось не так уж и много, сорванные с привычных мест, вещи уместились в нескольких ящиках	обыкновенное барахло, рассованное по коробкам

1	2	3
man of sixty instead of over eighty	ни намек на дряхлость	будто ему шестьдесят, а не за восемьдесят
crayolas	цветных карандашей	цветных мелков
blunted	исписанных	затупившихся
her picture books	с красочными книжками	с ее книжками
Rachel held her own slim fingers up and hooked them into claws	Рейчел для пущей убедительности скрючила руку	Рэйчел скрючила свои тонкие пальцы, чтобы показать
rattan chairs and sofas	креслами и канаве черного дерева	плетеными креслами и диванчиками
Louis sank into one and was surprised at how comfortable it was	Луис сел. удивительно, до чего ж удобна старая мебель	Луис сел в кресло и удивился, какое оно удобное
about a mile and a half	этак километра два	мили на полторы
have been in '73	лет десять тому	кажется, в семьдесят третьем
killed four people	покусал четверых	убил четырех человек
but a coon or a skunk, you can vaccinate it twice a year and still it doesn't always take	а на скунсов да енотов прививки не действуют	а скунсов или енотов можно колоть хоть по два раза в год, и все равно неизвестно, возьмет или нет
it just went feet up one day	просто улетел в один прекрасный день	он тихо сдох сам по себе
used to be you picked a place out and stuck to it	–	людям уже не сидится на месте, а раньше никто особенно не разъезжал
cartoon gloves	картонной лапе	мультишных перчатках
had broken her leg	вывихнувшую ногу	сломавшая ногу
the babble and squawk of many children	звонкие ребячьи голоса	гул множества детских голосов
gasp of dragon's breath	будто дракон дохнул	сомкнулись, как зубы дракона
shopping bag	пластиковый пакет	хозяйственной сумкой
two walking gantries	ноги-голова – циркули	подъемными кранами на ножках
only boxes with their lids up, a carefully hidden spotlight over each	лишь продолговатые ящики, подсвеченные изнутри, и крышки, стоящие рядом	там были только гробы с поднятыми крышками, подсвеченные тщательно скрытыми лампами

Разберем несколько случаев.

Лекарственное средство *mercurochrome* «меркурохром», название которого можно было бы сохранить, переведено И. А. Багровым просто как *мазь*. Здесь скорее всего наблюдается схожая проблема, связанная с переводом названий американских брендов. Выражение *big blue moving van* переводчиком передается как *крытый голубым тентом грузовик*, хотя с большей вероятностью С. Кинг имел в виду грузовик с закрытой частью багажника. Тогда и определение цвета будет относиться к самому кузову машины, а не к тенту.

Словосочетание *her picture books* тот же переводчик переосмысливает в качестве *красочных книжек*, для ср.: указанное сочетание Т. Ю. Покидаевой переведено как книжки. Между тем фразу правильно следовало бы перевести как *книжки с картинками*. Расстояние *about a mile and a half* И. А. Багровым и вовсе переводится в метрическую систему: *этак километра два*, что является небольшой неточностью (1,5 мили = 2,4 км), но для читателей – норма для приблизительного представления пути.

Время определенного действия *have been in '73* у И. А. Багрова облекается во фразу *лет десять тому*. Видимо, это связано с предположением о том, что действие происходит в год выхода романа в 1983 г., что нельзя принять за безусловную точность. Словосочетание *shopping bag* «сумка для шоппинга» – чаще всего многоцветная тканевая сумка. Многие люди в нашей стране использовали такие сумки. Позже с распространением пластиковых пакетов о них забыли, поэтому И. А. Багров перевел *shopping bag* как *пластиковый пакет*.

В воспоминаниях Луиса о деле его дяди *only boxes with their lids up, a carefully hidden spotlight over each* И. А. Багров говорит о продолговатых ящиках, подсвеченных изнутри, с крышками, стоящими рядом. И хоть переводчик неправильно указал местоположение ламп, он смог сохранить интригу до конца абзаца – дядюшка Луиса был гробовщиком. В то же время в переводе Т. Ю. Покидаевой нет никакой загадки: она сразу же прибегает к использованию слова *гробы*.

В описании дома в оригинале говорится *only he* (Луис. – С. С.) *had seen up until now*. Настоящая фраза в

перевод И. А. Багрова передается как *do six por [дом]* Луис видел только с вертолета. Вертолет, видимо, здесь упоминается постольку, поскольку в оригинальном тексте говорится, что Луис прилетал посмотреть на дом, но вряд ли это можно интерпретировать так, как будто он осматривал его с воздуха.

Также при описании дома фраза *long shed* И. А. Багровым интерпретируется как вместительная кладовка, но *shed* в английской языковой культуре – сарай. И хоть можно назвать эти помещения схожими по назначению, отличие кладовки от сарая в том, что она находится в доме.

Интересным представляется перевод фразы с указанием на акцент Крэдалла *Voice was so thick With Down East accent* «Голос очень грубый, с сильным восточным акцентом». Между тем топоним *Down East* относится к побережью Атлантического океана Новой Англии. Т. Ю. Покидаева относительно точно передала данный отрывок, а И. А. Багров перевел как *к распевному говору южан*, хотя южанами в США называют жителей южных штатов, например Техаса или Флориды.

В размышлениях Луиса о переезде С. Кинг пишет: *Seeing them this way, out of their accustomed places, diminished them.* И. А. Багров переводит эту фразу следующим образом: *Оказывается, за десять лет супружества их накопилось не так уж и много. Сорванные с привычных мест вещи уместились в нескольких ящиках.* В итоге совершенно искажается суть написанного, поскольку С. Кинг говорит о мелочности вещей, их небольшом смысле, но не об их размере. Т. Ю. Покидаева кратко, но правильно смогла передать это. После разговора Луиса с Крэдаллом первый в своих размышлениях повторяет фразу, сказанную стариком: *Used to be you picked a place out and stuck to it* «Прежде ты выбирал место и привязывался к нему». Но И. А. Багров пропускает эту фразу, и сложно предположить, почему.

Следующую группу изучаемых слов и фраз составляют переводы, которые оба автора передали адекватно, обратившись к разным способам описания ситуации (табл. 5).

Таблица 5. Авторский вариант передачи информации на русский язык
Table 5. The author's version of information transfer into Russian

Оригинал	Перевод И. А. Багрова	Перевод Т. Ю. Покидаевой
frame	просторный	большой
cat kennel	клетку	кошачьей переноски
she sat up	встрепенулась, насторожилась	резко выпрямилась
he had mortgaged twelve years of their lives for this	на двенадцать лет влез в долги	на выплату по закладной уйдет двенадцать лет жизни
darkish blond hair	пшеничной челки	русой челкой
stared	воззрились	переглянулись
onto her hip	на руки	на руки
like someone who had just lost a leg	будто ей всю ногу отхватило	словно ей оторвали ногу
all right	хватит	хватит
his hand itched to slap her	отшлепать бы ее	хотелось ее отшлепать
grabbed his leg hard	руки и чешутся	убрал руку за спину
something fuzzy, squirming weakly	нечто мохнатое и перебирало лапками	вяло копошилось что-то мохнатое с крыльями
held the baby on his shoulder	посадил малыша на руки	держал ребенка на руках
hope you meant it about the beer	не пошутили ли вы насчет пива	вы не шутили насчет пива?
wedge of rat	полголовы	«крысиная радость»
One day soon the Arabs will pull the plug, and they'll be able to grow African violets right down the yellow line	А в один прекрасный день арабы какую-нибудь машину изобретут, кнопку нажмут, и у них в пустынях свои африканские лютики-цветочки зацветут.	Вот скоро арабы закроют лавочку, и можно будет фиалки выращивать на дороге
earthstars	бегущие по земле звездочки.	упавшие с неба звезды
as he had last seen her tonight, fast asleep	сейчас она крепко спит	спящей сейчас
Rachel raced for it and answered with a breathless "Hello?" before it could ring a second time	Рейчел со всех ног бросилась в комнату, схватила трубку	Рэйчел схватила трубку после первого же звонка

Говоря об ипотеке, С. Кинг пишет: *He had mortgaged twelve years of their lives for this*, что можно перевести как *Он заложил двенадцать лет их жизни ради этого*. При описании внешности Эйлин слово *hair* «прическа» оба автора почему-то решили перевести как *челка*. Фразу Крэндалла о прогрессе *One day soon the Arabs will pull the plug, and they'll be able to grow African violets right down the yellow line* оба автора передали неточно, но Т. Ю. Покидаева предложила вариант ме-

ста, где будут расти фиалки – на дорогу, так как *yellow line* – разделительная разметка, И. А. Багров же называет место событий пустыней. Мысли Луиса о дочери *as he had last seen her tonight, fast asleep* также были переведены обоими авторами с нарушением временной конструкции.

3. *Средства выразительности*. К данной категории относятся эпитеты, фразеологизмы, метафоры, сравнения и олицетворения (табл. 6).

Таблица 6. Примеры средств выразительности
Table 6. Examples of means of expression

Оригинал	Перевод И. А. Багрова	Перевод Т. Ю. Покидаевой
had been hair-raising	измучившись от неопределенности и ожидания	напоминали кошмарный сон
yowling had been bad	орал	истощные вопли были невыносимы
unattractive	сладостно-заманчивая	заманчивая
fucking	чертова	окаянного
in fact, he felt terrified	даже более того: у него душа в пятки ушла	на самом деле его охватил ужас
that was a huge weight off his chest-and off his mind	гора свалилась с плеч	словно камень с души свалился
took no notice	и ухом не повел	не обращал на них внимания
scream louder than ever	заверещала пуще прежнего	завопила еще громче
writhing	ужом крутятся	извиваясь
I'm going crazy	тут рехнуться недолго	я схожу с ума
that's the ticket	самое оно	в этом вся штука
"in a bit of a tight"	«нелады»	«стало чуток туговато»
missy	востроглазая	малышка
he didn't add years young	не добавил ненавистно-кокетливого «всего-навсего»	не добавил: «еще в самом соку»
nasty place	дыра дырой	мерзопакостное местечко
glad	рад-радешенек	доволен
don't need no engraved invitation	приглашения с золотой каемочкой не ждите	можно без приглашения
to lay the dust	надо ж дух перевести	в честь окончания рабочего дня
I'm beat	ног под собой не чую	что-то я умоталась
too jived-up	успокоиться надо	слишком взвинчен
Barter system?	Долг платежом красен, да?	Ты – мне, я – тебе?
glowed	мигал	мерцал
I sleep like a goddam log	я сплю как сурок	я сплю как бревно
temper tantrums at the drop of a word	спичкой возгоралась от одного неосторожного слова	вспышками гнева, причем на пустом месте
morbidly	невесело	мрачно
You may be no more than an underdone bit of potato. There's more gravy than grave to you	Да ты больше на полусырую картофелину смахиваешь. И место тебе не под могильной плитой, а под крышечкой кастрюли	Почем я знаю, может быть, вы – это вовсе не вы, а непрожаренная картофелина. Может быть, вы явились не из царства духов, а из духовки

Очевидно, И. А. Багров широко интродуцирует различные средства выразительности. Он намного чаще использует фразеологизмы и пословицы (ухом не повел, душа в пятки ушла, ног под собой не чую, сплю как сурок, долг платежом красен). Интерес вызывает последний пример, являющийся цитатой из «Рождественской песни», в которой присутствует игра слов *gravy* – *grave*, что можно перевести как *подлива* – *могила*. В то время как И. А. Багров дал более адекватный вариант перевода, а Т. Ю. Покидаева использовала игру слов *царство* *духов* – *духовка*. Игра слов строится в результате трансформаций, разрушающих форму и содержание исходного фразеологического единства, при котором возникает переносное значение ее составляющих.

Для того чтобы передать содержание и одновременно сохранить стилистический прием оригинала и его прагматическое воздействие, переводчики используют разные приемы. Совокупность приведенных наблюдений позволила сделать вывод о том, что точный перевод невозможен в связи с различными семантическими, лингвокультурными, стилистическими харак-

теристиками произведения. Отсутствие некоторых эквивалентов в русском языке не позволило осуществить необходимые преобразования в переводных текстах.

Выводы

С точки зрения переводоведения значительный интерес представляет работа над текстами и их разновременными переводами. Через их сравнение выявляются сходства или различия выбранных языковых единиц, которые важны для проведения сравнительно-сопоставительного анализа с целью определения закономерностей развития того или иного языка в определенный отрезок времени. Повторные переводы позволяют отметить различия в культуре и лексиконе общества в разные эпохи. При этом последующие переводы одних и тех же текстов могут не только улучшаться, но и ухудшаться. Каждый читатель вправе выбрать тот или иной вариант перевода для чтения.

В перспективе авторами статьи планируется дальнейшее исследование текста С. Кинга «Кладбище домашних животных» с целью систематизации и интерпретации всех полученных данных.

Список литературы

Семенова С. Н. Когнитивно-прагматические характеристики стихотворения как жанра (на материале произведения М. Ю. Лермонтова «Бородино» на русском и английском языках) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. №4. С. 62–69. DOI [10.20339/PhS.4-21.062](https://doi.org/10.20339/PhS.4-21.062). EDN [CFNGSR](https://www.edn.ru/CFNGSR)

Семенова С. Н. Тезаурус жанра «рассказ» как произведения художественной литературы (на материале рассказов Дж. Лондона «Безмолвие» и «Сын Волка» на английском, армянском и русском языках) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. №2. С. 28–37. DOI [10.20339/PhS.2-17.028](https://doi.org/10.20339/PhS.2-17.028). EDN [YHTRAH](https://www.edn.ru/YHTRAH)

Cienki A., Iriskhanova, O. K., Becker R. B., Boutet D., Debras C., Denisova V., Gonzalez-Marquez M., Morgenstern A., Müller C., Richter N. Aspectuality across languages: event construal in speech and gesture. Amsterdam : John Benjamins, 2018. 221 p. EDN [YQNLFJ](https://www.edn.ru/YQNLFJ)

Divjak D., Levshina N., Klavan J. Cognitive linguistics: looking back, looking forward // Cognitive Linguistics. 2016. Vol. 27. №4. P. 447–463. DOI [10.1515/cog-2016-0095](https://doi.org/10.1515/cog-2016-0095). EDN [XUQZYB](https://www.edn.ru/XUQZYB)

Dorst A. G., Valdez S., Bouman H. Machine translation in the multilingual classroom. How, when and why do humanities students at a Dutch university use machine translation? // Translation and translanguaging in multilingual contexts. 2022. Vol. 8, №1. P. 49–66. DOI [10.1075/ttmc.00080.dor](https://doi.org/10.1075/ttmc.00080.dor). EDN [QQPCLK](https://www.edn.ru/QQPCLK)

Mak W. M., Tribushinina E., Andreiushina E. Semantics of connectives guides referential expectations in discourse: an eye-tracking study of Dutch and Russian // Discourse Processes. 2013. Vol. 50. P. 557–576. DOI [10.1080/0163853x.2013.841075](https://doi.org/10.1080/0163853x.2013.841075). EDN [SLAVGN](https://www.edn.ru/SLAVGN)

Srailova A. B., Baranova K. M., Kalioppin A. K., Knyazeva Y. G., Sergeeva O. V. Linguostylistic specifics of the pragmatic and symbolic realization of the English poetic discourse // XLinguae. 2021. Vol. 14. P. 215–226. DOI [10.18355/XL.2021.14.02.16](https://doi.org/10.18355/XL.2021.14.02.16). EDN [RDJFZN](https://www.edn.ru/RDJFZN)

References

Seменова, S. N. (2021). Cognitive and pragmatic characteristics of the poem genre (based on the material of M. Yu. Lermontov's poem "Borodino" in Russian and English). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 4, 62–69. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-21.062>. EDN: [CFNGSR](https://www.edn.ru/CFNGSR)

Семенова, С. Н. (2017). Тезаурус жанра "рассказ" как произведения художественной литературы (на материале рассказов Дж. Лондона "Безмолвие" и "Сын Волка" на английском, армянском и русском языках). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2, 28–37. <https://doi.org/10.20339/PhS.2-17.028>. EDN: [YHTRAH](https://www.edn.ru/YHTRAH)

Cienki, A., Iriskhanova, O. K., Becker, R. B., Boutet, D., Debras, C., Denisova, V., Gonzalez-Marquez, M., Morgenstern, A., Müller, C., & Richter, N. (2018). *Aspectuality across languages: event construal in speech and gesture*. John Benjamins. EDN: [YQNLFJ](https://www.edn.ru/YQNLFJ)

Divjak, D., Levshina, N., & Klavan, J. (2016). Cognitive linguistics: looking back, looking forward. *Cognitive Linguistics*, 27(4), 447–463. <https://doi.org/10.1515/cog-2016-0095>. EDN: [XUQZYB](https://www.edn.ru/XUQZYB)

Dorst, A. G., Valdez, S., & Bouman, H. (2022). Machine translation in the multilingual classroom. How, when and why do humanities students at a Dutch university use machine translation? *Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts*, 8(1), 49–66. <https://doi.org/10.1075/ttmc.00080.dor>. EDN: [QQPCLK](https://www.edn.ru/QQPCLK)

Mak, W. M., Tribushinina, E., & Andreiushina, E. (2013). Semantics of connectives guides referential expectations in discourse: an eye-tracking study of Dutch and Russian. *Discourse Processes*, 50, 557–576. <https://doi.org/10.1080/0163853x.2013.841075>. EDN: [SLAVGN](https://www.edn.ru/SLAVGN)

Srailova, A. B., Baranova, K. M., Kalioppin, A. K., Knyazeva, Y. G., & Sergeeva, O. V. (2021). Linguostylistic specifics of the pragmatic and symbolic realization of the English poetic discourse. *XLinguae*, 14, 215–226. <https://doi.org/10.18355/XL.2021.14.02.16>. EDN: [RDJFZN](https://www.edn.ru/RDJFZN)

Информация об авторах

Семенова София Новиковна – кандидат филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-9198>;
e-mail: sofiya.semenova75@yandex.ru

Жандарова Анна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-0805>;
e-mail: vi_ri@mail.ru

Секунов Денис Николаевич – студент, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9985-4309>;
e-mail: sekunov03@yandex.ru

Information about the authors

Sofiya N. Semenova – Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Kuban State University, Cheboksary, Russian Federation.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-9198>;
e-mail: sofiya.semenova75@yandex.ru

Anna V. Zhandarova – Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2868-0805>;
e-mail: vi_ri@mail.ru

Denis N. Sekunov – student, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-9985-4309>;
e-mail: sekunov03@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2023

Принята к публикации 25.07.2023

Опубликована 28.08.2023

Received 23 April 2023

Accepted 25 July 2023

Published 28 August 2023

Литературоведческое и переводческое восприятие пьесы А. Н. Островского «Бесприданница» в Китае

<https://doi.org/10.31483/r-106771>

УДК 821.161.1

Шэнь М.^а, Модина Г. И.^бДальневосточный федеральный университет, ROR
г. Владивосток, Российская Федерация.^а <https://orcid.org/0009-0001-2470-7655>, e-mail: shen.me@dvfu.ru^б <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>, e-mail: modina.gi@dvfu.ru

Резюме. Статья посвящена рецепции одной из самых известных пьес А. Н. Островского в Китае – «Бесприданница». Пьеса принадлежит позднему периоду творчества драматурга и отличается сложным жанровым характером. В русском литературоведении ее рассматривают как социально-психологическую драму с ярким лирическим началом. Цель статьи – составить представление о переводческом, литературоведческом и литературном восприятии пьесы в Китае. Анализируются особенности переводческого прочтения пьесы автором четырех версий ее перевода на китайский язык Чэнь Биньи. В статье выявляются основные аспекты изучения пьесы китайскими литературоведами и рассматриваются особенности восприятия «Бесприданницы» драматургом, автором сценической адаптации и переложения ее на китайский язык Чэнь Байчэнем. Сопоставление сюжета пьесы А. Н. Островского и драмы Чэнь Байчэня «Любовь на отвесной скале» выявляет влияние образа Катерины из знаменитой в Китае пьесы «Гроза» на понимание образа героини «Бесприданницы» и особенностей жанра пьесы А. Н. Островского. Анализ позволяет обнаружить общее для китайских переводчиков, литературоведов и драматургов восприятие психологической пьесы А. Н. Островского в контексте историко-культурной ситуации в Китае 1940 гг. как пьесы социальной.

Ключевые слова: Островский, Бесприданница, Любовь на отвесной скале, переводческая рецепция, литературоведческая рецепция, адаптация, Чэнь Биньи, Рогов, Чэнь Байчэнь.

Для цитирования: Шэнь М. Литературоведческое и переводческое восприятие пьесы А. Н. Островского «Бесприданница» в Китае / М. Шэнь, Г. И. Модина // Этническая культура. 2023. Т. 5, №3. С. 57-62. DOI 10.31483/r-106771. EDN OAPBNW

The literary and translatory perception of A. N. Ostrovsky's play "Without a dowry" in China

Mengqi Shen^а, Galina I. Modina^б
ROR Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0009-0001-2470-7655>, e-mail: shen.me@dvfu.ru^б <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>, e-mail: modina.gi@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to the reception of one of the most famous plays of A. N. Ostrovsky in China – “Without a Dowry”. The play belongs to the late period of the playwright’s work and is characterised by a complex genre. In Russian literary studies it is considered as a socio-psychological drama with a bright lyrical beginning. The aim of the article is to give an idea of the translation, literary and literary perception of the play in China. The author of four versions of the play’s translation into Chinese, Chen Bingyi, analyses the peculiarities of the play’s translation. It reveals the main aspects of literary research on the play in China and examines the particular understanding of “Without a Dowry” by the playwright and translator Chen Baichen. By comparing the plots of A.N. Ostrovsky’s drama and Chen Baichen’s drama “Love on a Steep Cliff”, the article highlights the influence of the character Katerina from the famous play “The Storm” on the interpretation of the female protagonist and the genre characteristics of “Without a Dowry”. The analysis demonstrates that Chinese translators, literary critics, and playwrights collectively perceive this psychological drama by Ostrovsky as a social drama within the historical and cultural context of 1940s China.

Keywords: Ostrovsky, Without a Dowry, Love on a Steep Cliff, translation reception, literary reception, Chen Bingyi, Rogov, Chen Baichen.

For citation: Shen M. & Modina G. I. (2023). The literary and translatory perception of A. N. Ostrovsky's play “Without a dowry” in China. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3). 57-62. EDN: OAPBNW. <https://doi.org/10.31483/r-106771>.

Введение

«Бесприданница» – одна из поздних пьес А. Н. Островского (1823–1886). Автор работал над ней четыре года, завершил в 1878 г., и в 1879 г. она была опубликована в первом номере журнала «Отечественные записки».

А. Н. Островский читал «Бесприданницу» друзьям, и первые слушатели восприняли пьесу как лучшее его произведение. Но постановка пьесы на сцене вызвала резкие отзывы критиков. По замечанию Ю. В. Лебедева, «единственным исключением на общем фоне вопиющего непонимания главного пафоса «Бесприданницы» явилась статья В. П. Буренина, который отметил, что в

драме «нарисована простая, но глубоко верная картина того бесстыдного и холодного бессердечия, которое делалось чуть ли не основной чертой текущего прогресса во всех общественных слоях»¹. И только после смерти А. Н. Островского пьеса приобрела большой успех на театральной сцене и в кинематографе. В современном русском литературоведении ее рассматривают как одну из вершин творчества писателя, психологическую дра-

¹ Лебедев Ю. В. «Бесприданница» // А. Н. Островский : энциклопедия. Кострома: Костромаиздат ; Шуя : Издательство Шуйского государственного педагогического университета, 2012. С. 55.

му с «многогранно сложными» и «психологически многозвучными характерами» [Печерская, 2013, с. 3].

Первый перевод пьесы «Бесприданница» на китайский язык появился в 1943 г. Со временем она стала одним из самых изучаемых произведений русского драматурга, известным не только в переводах, но и в адаптации. Однако особенности литературоведческого и переводческого восприятия пьесы «Бесприданница» в Китае еще не были предметом исследования.

Материал и методы исследования

Материал исследования составили переводы пьесы «Бесприданница» Чэнь Бинъи, работы китайских литературоведов и переложение пьесы А. Н. Островского, выполненное Чэнь Байчэнем, предназначенное для постановки на сцене китайских театров, а также исторические источники.

В исследовании используются историко-культурный и сравнительный методы литературоведческого анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Современный китайский театр – продукт сочетания театральных традиций китайской и западной культур. Он возник в начале XX в. и достиг расцвета в середине 1930 гг. Китайский театр тесно связан с переводами пьес европейских авторов, в том числе пьес А. Н. Островского.

В 1941 г. начался второй период Японо-китайской войны (1937–1945), ставшей частью Второй мировой. Китайским газетам в Шанхайской концессии не разрешалось сообщать о военных событиях. В то же время здесь не было запрещено издание иностранных газет. С июня 1941 г. СССР получил право на издание периодики в Китае. Редактор журнала «时代» («Эпоха») Цзян Чуньфан (姜椿芳) сотрудничал с советским информационным агентством ТАСС и его представителем в Китае – с журналистом и переводчиком В. Н. Роговым, много сделавшим для того, чтобы русская литература стала известна китайским читателям [Хохлов, 2007].

Цзян Чуньфан создал журнал, полностью посвященный публикации произведений русских писателей в переводах на китайский язык. Многие переводимые произведения отвечали задачам антивоенной пропаганды: «...журнал имел яркую политическую направленность в выборе художественных произведений» [曹辰波, 2016, с. 21]. В то же время, в отличие от публикации откровенно политических статей с острой критикой, публикация переводов не вызывала негативной реакции власти. Первый номер этого журнала под названием «苏联文艺» («Литература и искусство СССР») с В. Н. Роговым в качестве номинального главного редактора был выпущен седьмого ноября 1942 г., в двадцать пятую годовщину Октябрьской революции. В этом журнале в 1943 г. впервые и был опубликован перевод пьесы «Бесприданница».

Настоящая пьеса в Китае известна в четырех переводах, но переводы Цань Ляо (1943), Бай Ханя (1946) и Лян Сяна (1948), опубликованные под названием

«没有陪嫁的女人» («Женщина без приданого») принадлежат одному автору – Чэнь Бинъи. И только четвертый перевод был опубликован под его настоя-

щим именем в 1987 г. под названием «没有陪嫁的姑娘» («Девушка без приданого»).

Чэнь Бинъи (陈冰夷) (1916–2008) – известный китайский переводчик, с 1932 г. занимавшийся изучением русской литературы и переводом произведений русских писателей. Он часто скрывал свое имя под псевдонимами, что было «обусловлено требованиями редактора журнала «Литература и искусство СССР» в связи с политической и культурной обстановкой того времени» [朱佳宁, 2016, с. 38].

Журнал «Литература и искусство СССР» появился в третий период японско-китайской войны, ставшей национально-освободительной. Японские войска проводили карательные операции, стремясь подавить активное партизанское движение. Сотрудники журнала сразу же столкнулись с серьезными трудностями. «Преданность делу перевода советской литературы вызывала лютую ненависть врагов, которые относились к переводчикам как к преступникам и стремились их уничтожить» [姜椿芳, 1980, с. 141]. У Чэнь Бинъи было более десятка псевдонимов.

Версии перевода 1943 г., опубликованные под псевдонимом Цань Ляо, и 1946 г., уже изданные под псевдонимом Бай Хань, не отличаются друг от друга. Поэтому с точки зрения содержания переводов на китайский язык можно предположить, что существует только три версии. Чэнь Бинъи и в том, и в другом случае стремился полностью передать содержание оригинального текста, и структурно переводы идентичны оригиналу. В переводе осталось деление на четыре действия, и в каждом из них столько же явлений, сколько в русской пьесе. Переводчик избегал сокращений, он воспроизвел все ремарки, сохранил всех персонажей. Однако трудно сказать, что переводы соответствуют оригиналу во всех отношениях. С одной стороны, в первых двух китайских переводах представлены все действующие лица пьесы в начале текста, в то время как русский драматург представляет действующих лиц перед каждым действием. С другой стороны, переводчик усилил некоторые черты характера персонажей. В наибольшей степени усиление чувствуется в изображении крупного дельца Кнурова. Беседа с Огудаловой, он так говорит о Карандышеве: «А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?». Чэнь Бинъи перевел эту фразу следующим образом: 您让拉里莎·德米特里耶夫娜嫁给一个穷光蛋，您觉得这样做好吗? «Как вы думаете, хорошо ли Ларисе Дмитриевне выходить замуж за голодранца?».

В переводе Кнуров называет Карандышева голодранцем, что подчеркивает высокомерный характер говорящего. Вместе с тем усиливается его презрение к Карандышеву с его преклонением к деньгам. Можно утверждать, что таким образом переводчик подчеркивает мотив денег в пьесе.

Подобный пример еще есть в одном явлении. Кнуров произносит: «А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например...». Фраза он позволяет себе приглашать меня на обед была переведена как 竟然胆敢请我吃饭 «Он даже посмел меня пригласить

на обед». Здесь окраска удивления и гнева у говорящего усиливается, и таким образом, подчеркивается значение мотива денег. В обществе, изображенном в пьесе, деньги, кажется, имеют главенствующее значение. У кого больше богатства, у того больше власти. Это одна из главных идей, которую переводчик хотел подчеркнуть с помощью этих тонких изменений. В результате меняется жанровый характер пьесы, на первый план в ней выходит социальное начало.

Чэнь Бинъи, конечно же, постоянно пересматривал свой перевод. Первая переработка появилась в 1948 г., а вторая – в 1987. Сравнивая эти три перевода, мы можем найти некоторые очевидные различия. Первые два перевода были напечатаны и изданы традиционными китайскими иероглифами, и в них использованы архаизмы. И это вполне объяснимо, поскольку всеобъемлющая реформа упрощения китайских иероглифов появилась в первые годы основания Нового Китая, т. е. в 1950 г. До этого были приняты традиционные символы письма, и даже в разговорном языке часто встречались архаичные выражения. Например, фраза «я человек смиренный, знаете ли... семейный...» была переведена как 我是温和的人, 您知道吗, ...是欢喜过家庭生活的 «Я мягкий человек, знаете ли, ...счастливый семьянин», а фраза «Теперь чистая публика гуляет» – 现在散步的人很清爽 «Теперь гулять приятно». Но в настоящее время для китайского читателя они тоже требуют перевода на современный китайский язык.

Кроме того, переводчик исправил в третьем издании ряд ошибок, возникших в первых двух изданиях. Например, ранее он неправильно перевел слово сентябрь как 十一月 «ноябрь». Фразу «Долго ли с вашими годами влюбиться» он перевел с противоположным смыслом: 凭您这种年纪坠入情网可不容易 «трудно с вашими годами влюбиться».

В издании 1987 г. были исправлены и ошибки в переводе имен и фамилий персонажей. Фамилии в оригинале пьесы имеют значение, характеризующее персонажей, однако переводчик стремился передать не смысл, а звучание, приблизив его к русскому. Ранее он передал фамилию Вожеватов как 伏哲伐托夫, т. е. Фу Чжэ Фа То Фу, в третьем издании он изменил перевод на 沃热瓦托夫 – Во Жэ Ва То Фу, а перевод фамилии Паратов был изменен с 巴拉托夫 – Ба Ла То Фу на 帕拉托夫 – Па Ла То Фу. Новая версия перевода значительно ближе к звучанию имен персонажей в оригинале.

Вместе с тем, сохраняя тот же смысл, переводчик уточнил перевод некоторых слов и выражений. Например, второй перевод фразы «Что ты, Лариса, зачем от него прятаться? Он не разбойник» был таким: 你怎么了, 为什么要躲开他? 他不是强盗啊 «Что с тобой не так, почему избегаешь его? Он же не разбойник!». Третий вариант: 你怎么啦, 干吗要躲着他! 他又不是强盗 «Ты чего? Зачем от него прятаться? Он же не какой-то разбойник!». Здесь переводчик изменил лексику и интонацию, придал реплике характер, сходный с разговорными выражениями на китайском языке. Такое небольшое изменение делает язык перевода более естественным. То есть были предприняты «лингвистические изменения в переводе, вызванные личным эстетическим уровнем переводчика» [周亚男, 2021, с. 145].

В-четвертых, хорошо известно, что стилю А. Н. Островского свойствен яркий национальный колорит. И переводчик внес коррективы в третье издание, приняв стратегию доместикации, чтобы приблизить текст к китайским читателям. Например, ранее он перевел фразу «Не воздухом же мне питаться?» как 你不给我吃空心汤团吧? «Ты же не дашь мне клёцки без начинки?». Но в третьем варианте перевода изменил ее: 你不会让我喝西北风吧? «Не северо-западным ветром же мне питаться?». Словосочетание 喝西北风 «северо-западным ветром питаться» обозначает «жить впроголодь». Этот перевод не только сохраняет творческий стиль создателя, но и соответствует языковым традициям китайского народа.

Помимо этого, очевидно, что в процессе пересмотра перевода отражаются собственные предпочтения переводчика. Например, перевод фразы «Смелости у меня с женщинами нет» он изменил на 我可没有玩女人的胆量 «У меня не хватает смелости играть с женщинами». Эта фраза лучше передает психологические особенности персонажа, чем первоначальный перевод. Чэнь Бинъи больше не использует глагол 厮混 «путаться с кем-то», а выбирает 玩 «играть», отражая насмешку Вожеватова над женщинами и его презрительное к ним отношение, низкий статус женщин в обществе.

Примером может быть и перевод слов Ларисы, обращенных к матери и Карандышеву: «Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть». В новом переводе Чэнь Бинъи пишет: 你们不听我的话, 你们要害我, 你们要把我推到深渊去! «Вы не слушаете меня, вы хотите меня губить, вы столкнете меня в пропасть!». В раннем переводе был использован глагол 挤 «вытеснить кого-то», но, замена его глаголом 推 отражает уверенность Ларисы, что ее трагедия стала результатом преднамеренного действия Огудаловой и Карандышева. Здесь также очевидно, что Лариса всегда занимает пассивную позицию. Как видно из приведенных примеров, переводчик продолжал пересматривать результаты своего перевода, от изменений в именах персонажей до изменений в языке персонажей, и перевод становился все более точным.

Хотя первоначальный перевод кажется немного уступающим по качеству, и в нем иногда встречаются неправильные выражения и заметные трудности в понимании оригинального текста, настойчивое стремление к совершенствованию перевода достойно восхищения. Вклад Чэнь Бинъи, единственного переводчика «Бесприданницы» в популяризацию творчества А. Н. Островского в Китае сложно переоценить.

Переводы пьесы имели большое значение для ее литературоведческого восприятия в Китае. «Бесприданнице» посвящены основанные на переводах Чэнь Бинъи работы Чан Ин, Гу Цинъюй, Чжан Юэ и других литературоведов.

История Ларисы становится материалом исследования этических проблем драматургии А. Н. Островского в статье Чан Ин «Предварительное исследование нравственной этики драматургии А. Н. Островского». Автор видит в образе Ларисы христианскую идею прощения. «К Ларисе все относились как к забаве, но перед смертью она сказала всем: «Я ни на кого не жалею» <...>

я вас всех... всех люблю». В этом воплощается православный морально-этический эталон сдержанности собственных страстей и прощения других» [常颖, 2019, с. 108]. Кроме этого, автор через трагическое испытание Ларисы раскрывает тему власти денег, которая становится основой конфликта в пьесе.

К образу Ларисы обращается Гу Цинъюй в статье «Ритмическая интерпретация женских образов в пьесах А. Н. Островского». Исследователь обращает внимание на значение реплик персонажей в создании образа героини. «Пьеса начинается в кафе разговором между купцами <...>, и разговор идет о Ларисе и ее семье <...>. Судьба Ларисы становится главной интригой всей пьесы» [顾晴宇, 2008, с. 45]. И после того, как Лариса соглашается на предложение Карандышева, она неоднократно уговаривает своего жениха увести ее из этого городка. Развитие драматического сюжета – это «процесс постепенного разочарования Ларисы в своем женихе, ее внутренней борьбы и ясного видения людей и обстоятельств» [顾晴宇, 2008, с. 46].

Сунь Гэхуань в статье «Рассвет в темном царстве» рассматривает образ героини пьесы «Бесприданница» как жертву «темного царства», обладающую сильным характером. В образе Ларисы она видит «женщину, прекрасную, как муза, жаждущую любви и желающую освободиться от своих оков» [孙革欢, 2017, с. 276]. По мнению автора, Лариса, как и Катерина, героиня пьесы «Гроза», «имеет в своем сердце не меньшее желание свободы и любви, чем мужчина, и восстает даже самым крайним способом – смертью» [孙革欢, 2017, с. 276].

Подробное исследование образа Ларисы дано в статье исследователей Чжан Юэ и Чжан Лиянь «Анализ женских образов XIX в. в пьесах А. Н. Островского». Авторы предпринимают сравнительный анализ образов Катерины и Ларисы. Они обнаруживают такие черты сходств, как стремление к свободе и настоящей любви, активное сопротивление «темному царству», но подчеркивают различие: «в характере Катерины есть решительность, которой не хватает Ларисе» [张越, 张立岩, 2019, с. 7]. Авторы так характеризуют Ларису: «В ее случае еще больше проявляется сдержанность русских аристократических женщин» [张越, 张立岩, 2019, с. 6]; «Лариса, опутанная лицемерием и обманом, проявляет больше нерешительности и уступчивости» [张越, 张立岩, 2019, с. 6]. Различия между Катериной и Ларисой связаны не только с их личностными особенностями, но с социальной средой и контекстом времени. Для Ларисы, «настоящий конфликт заключается в том, что чистая любовь, к которой она стремится, не может существовать в мире утилитарного капитализма» [张越, 张立岩, 2019, с. 7]. Подчеркнем, что в литературоведческих исследованиях, основанных на переводах пьесы, мотив социального протеста выходит на первый план.

«Переводной текст, – по замечанию Р. Р. Чайковского, – может существовать в иных жанровых формах и в ином виде», и среди этих форм исследователь называет перевод-адаптацию². Адаптация, пишет Н. К. Гар-

бовский, «является крайней формой преобразований, допустимых в переводе, и заключается в подмене предметной ситуации, описанной в переводе, другой. Адаптация нарушает семантическую структуру оригинального речевого произведения и, таким образом, не может рассматриваться как средство достижения эквивалентности переводного текста тексту оригинала. Однако адаптацию можно отнести к средствам достижения адекватности в переводе, т. е. к тому пограничному уровню соответствия, за пределами которого можно говорить о переводе лишь условно»³.

Перевод «Бесприданницы», выполненный Чэнь Бинъи, был адаптирован для китайского театра драматургом Чэнь Байчэнем (陈白尘) (1908–1994) в 1947 г. Пьеса получила название «悬崖之恋» («Любовь на отвесной скале»), но на театральной сцене она появилась под названием «卖油郎» («Делец»). Автор изменил время и место действия, события происходят в Китае, в 1945 г., накануне капитуляции Японии, близ г. Чунцин. Его окрестности сходны с пейзажем «Бесприданницы» – р. Янцзы и высокий утес над ней. Речь в пьесе идет о любовной связи богатого купца Юй Юаня и студентки Фань Янь, изучающей искусство музыки. Юй Юань приехал на южный берег р. Янцзы. Здесь он встречает Фань Янь и ухаживает за нею. Но после капитуляции Японии Юй покидает г. Чунцин, оставив Фань ради финансовой выгоды. Ей приходится стать невестой мелкого чиновника Сунь Кэю. За день до свадьбы Юй возвращается из Шанхая и соблазняет Фань. Проведя ночь с Фань в Чунцине, Юй снова исчезает, а Фань решает покончить жизнь самоубийством из-за чувства вины. Это единственное несоответствие с сюжетом «Бесприданницы», финал китайской пьесы сходен с финалом «Грозы», что свидетельствует о влиянии, какое имела самая известная в Китае пьеса А. Н. Островского на восприятие других его произведений, и, в частности, на понимание образа героини «Бесприданницы». Заметим, что эта трансформация пьесы может рассматриваться не только как адаптация, обращенная к зрителю китайского театра, но и как адресованный читателю перевод-переложение – особая жанровая форма, «самостоятельная, автономная смысловая конструкция, совмещающая в себе черты перевода и оригинального творчества» [Бекметов, 2022, с. 52].

Хотя в переработанной пьесе, пишет Л. Р. Левина, сохранился сюжет «Бесприданницы» и даже расстановка трех главных действующих лиц, показанная китайскому зрителю пьеса, конечно, очень далека от произведения А. Н. Островского [Левина, 1974, с. 468]. Это справедливо, тем более что «Любовь на отвесной скале» – не перевод, но переложение перевода. Однако такая «национальная адаптация, представляет собой одну из форм межкультурного взаимодействия, проникновения одной литературы в другую» [Шнейдер, 1977, с. 93] и, будучи продуктом «рецепции иноязычной жанровой модели» [Голубцов, 2008, с. 117], позволяет ввести новый жанр в литературу принимающего языка. В данном случае – разговорную драму (хуацзюй). Именно в этой интер-

2 Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода (вводная часть) : учебное пособие. Магадан : Издательство Северо-Восточного государственного университета, 2008. С. 30.

3 Горбовский Н. К. Теория перевода : учебное пособие. Москва : Издательство Московского университета, 2007. С. 383.

претации «Бесприданницы» стала известна и интересна китайским зрителям. В 1947 г. пьеса была поставлена в шанхайском театре, за месяц было дано 43 спектакля [Левина, 1974, с. 467].

Выводы

Переводам драмы А. Н. Островского «Бесприданница» на китайский язык характерно стремление переводчика к точности в воссоздании всех особенностей пьесы и одновременно желание приблизить ее к китайскому читателю. Но главная особенность пьесы «Бесприданница» в переводах Чэнь Биньи состоит в том, что на первый план в ней выходит мотив денег, а мотив любви, сохраняя свое значение, уходит на второй план. Перевод Чэнь Биньи стал основой литературоведче-

ских исследований, и китайские исследователи видят в героине девушку, желающую свободы и любви, но с трагической судьбой. Ее образ ассоциируется с образом Катерины из известной и популярной в Китае пьесы «Гроза»: по аналогии с героиней «Грозы» подчеркивается бунтарский дух Ларисы, а конфликт понимается как противостояние между нею и обществом, в котором деньги имеют первостепенное значение. Перевод Чэнь Биньи стал основой сценической адаптации Чэнь Байчэня «Любовь на отвесной скале», воспроизводящей все сюжетные особенности пьесы А. Н. Островского, но с акцентом на социальной проблематике. Восприятие психологической пьесы А. Н. Островского как социальной связано с историко-культурной ситуацией в Китае 1940 гг.

Список литературы

- Бекметов Р. Ф. Литературное переложение как жанровая форма (библейские псалмы в поэтической традиции) // Филология и культура. 2022. №3. С. 52–63. DOI: [10.26907/2074-0239-2022-69-3-52-63](https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-52-63). EDN QNZDDH
- Голубцов С. А. Перевод в контексте жанровой проблематики // Культурная жизнь Юга России. 2008. №3. С. 102–103. EDN KWGUKL
- Левина Л. Р. Островский на Востоке // Литературное наследство. 1974. №2. С. 465–472. EDN XCOLSB
- Печерская Т. В. Жанр драмы в творчестве А. Н. Островского // Современные исследования социальных проблем. 2013. №3. С. 3–22. Текст : электронный. URL : <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201322> (дата обращения : 25.05.2023). DOI [10.12731/2218-7405-2013-3-22](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-3-22) EDN QCLWKD
- Хохлов А. Н. Журналист-китаист В. Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. // Восточный архив. 2007. №16. С. 56–65. EDN PFTNVB
- Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. Москва : Наука, 1977. 272 с.
- 曹辰波. 中国第一份苏俄文学译介专刊 — 《苏联文艺》编译理念概述 // 上海党史与党建. 2016. 期 12. 页 21–23. [Цао Чэнбо. Первый китайский специальный выпуск о переводе советской и русской литературы. Обзор концепции составления журнала «Литература и искусство СССР».]
- 常颖. 奥斯特洛夫斯基戏剧道德伦理观初探 // 北方工业大学学报. 2019. 期3. 页 107–110. [Чанг Ыинг. Предварительное исследование нравственной этики драматургии А. Н. Островского.]
- 顾晴宇. 亚·奥斯特洛夫斯基戏剧女性形象的节奏阐释方式 // 吉林艺术学院学报. 2008. 期1. 页 45–47. [Гу Циньюй. Ритмическая интерпретация женских образов в пьесах А. Н. Островского.]
- 姜椿芳. 《苏联文艺》的始末 // 苏联文学. 1980. 期2. 页 138–145. [Цзян Чуньфан. Начало и конец «Литературы и искусства СССР».]
- 孙革欢. 黑暗王国的曙光 // 广东经济. 2017. 期12. 页 276 [Сунь Гехуан. Рассвет темного царства.]
- 张越, 张立岩. 19世纪亚·奥斯特洛夫斯基剧作中的女性形象分析 // 青春岁月. 2019. 期11. 页 6–7. [Чжан Юэ, Чжан Лиянь. Анализ женских образов XIX века в пьесах А. Н. Островского.]
- 周亚男. 戏剧《没有陪嫁的女人》的生成过程与在中国的传播 // 名作赏析. 2021. 期20. 页 142–145. [Чжоу Янань. Процесс постановки пьесы «Бесприданница» и ее восприятие в Китае.]
- 朱佳宁. 《苏联文艺》译者笔名考述 // 中国现代文学研究丛刊. 2016. 期09. 页 38–46. [Чжу Цзянининг. Исследование псевдонимов переводчиков в журнале «Литература и Искусство СССР».]

References

- Bekmetov R. F. (2022). Literary Transcription as A Genre Form (Biblical Psalms in The Poetic Tradition). *Philology and culture*, 3, 52–63. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-52-63>. EDN: QNZDDH
- Golubtsov S. A. (2008). Translation in The Context of Genre Problems. *Cultural Studies of Russian South*, 3, 102–103. EDN: KWGUKL
- Levina L. R. (1974). Ostrovskiy na Vostoke. *Literaturnoe nasledstvo*, 2, 465–472. EDN: XCOLSB
- Pecherskaya T. V. (2013). The Genre of Drama in The Works of A.N. Ostrovsky. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 3, 3–22. Retrieved May 25, 2023, from <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201322> <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-3-22> EDN: QCLWKD
- Khokhlov A. N. (2007). Soviet Journalist Vladimir Rogov in China (1937–1945). *Vostochnyy arkhiv*, 16, 56–65. EDN: PFTNVB
- Shneyder M.E. (1977). *Russkaya klassika v Kitae. Perevody. Otsenki. Tvorcheskoe osvoenie*. Nauka.
- Cao Chenbo (2016). Zhong guo di yi fen su e wen xue yi jie zhuan kan – “Su lian wen yi” bian yi li nian gai shu. *Shang hai dang shi yu dang jian*, 355(12), 21–23.
- Chang Ying (2019). A Preliminary Study of the Moral and Ethical Concepts in Ostrovsky’s Drama. *Bei fang gong ye da xue xue bao*, 3, 107–110.
- Gu Qingyu (2008). The Rhythm Expatiation of Women’s Images in Alexander Ostrovsky’s Drama. *Ji lin yi shu xue yuan xue bao*, 1, 45–47.
- Jiang Chunfang (1980). “Su lian wen yi” de shi mo. *Su lian wen xue*, 2, 138–145.
- Sun Gehuan (2017). Hei an wang guo de shu guang. *Guang dong jing ji*. 12. 276.

Zhang Yue & Zhang Liyan (2019). 19 shi ji ya ao si te lu fu si ji ju zuo zhong de nv xing xiang fen xi. *Qing chun sui yue*, 11, 6–7.

Zhou Ya'nan (2021). Xi ju “Mei you pei jia de nv ren” de sheng cheng guo cheng yu zai zhong guo de chuan bo. *Ming zuo shang xi*, 20, 142–145.

Zhu Jianing (2016). Su lian wen yi yi zhe bi ming kao shu. *Zhong guo xian dai wen xue yan jiu cong kan*, 09, 38–46.

Информация об авторах

Шэнь Мэнци – аспирант,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2470-7655>;
e-mail: shen.me@dvfu.ru

Модина Галина Ивановна –
доктор филологических наук, доцент, профессор,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>;
e-mail: modina.gi@dvfu.ru

Information about the authors

Shen Mengqi – postgraduate student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation.;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2470-7655>;
e-mail: shen.me@dvfu.ru

Galina I. Modina – Dr. Sci. (Phil.), associate professor,
professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>;
e-mail: modina.gi@dvfu.ru

Поступила в редакцию 13.05.2023

Принята к публикации 03.08.2023

Опубликована 29.08.2023

Received 13 May 2023

Accepted 03 August 2023

Published 29 August 2023

Уважение к старшим как традиция воспитания в современной хакасской семье

<https://doi.org/10.31483/r-106307>

УДК 37.018.1+37.08.11

Султанбаева К. И.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0001-8279-7225>, e-mail: ski57@ya.ru

Резюме. В статье рассматриваются результаты исследования традиции, формирующей уважительное отношение к старшим у детей шести-семи лет в условиях современной хакасской семьи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью приобщения подрастающих поколений к традиционным ценностям народа и формирования духовно-нравственной культуры личности ребенка. Цель исследования – изучение традиций воспитания в хакасской семье, а именно – уважительного отношения к старшим. Материалом явились теоретические труды ученых, зафиксировавших традиционные представления хакасов о воспитании детей в монографиях, научных статьях, сборниках фольклора; данные анкетирования родителей; результаты тестирования старших дошкольников. Исследование было проведено в детском саду «Калинка» г. Абакана на основе анкетирования родителей и диагностического изучения дошкольников с использованием методики Р. Р. Калининой «Сюжетные картинки». Выявлено, что современная хакасская семья испытывает влияние трансформационных процессов и так или иначе сохраняет этнокультурные традиции. Традиция уважения к старшим и взрослым респондентами признается значимой в нравственном воспитании детей, однако не рассматривается как самостоятельная культурная ценность. В современной хакасской семье описываемая традиция сохранена частично. В нравственных представлениях старших дошкольников преобладают целостные рассуждения о хорошем и плохом, добром и злом, имеется представление о помощи старшим, но еще слабо сформировано понимание концепта «уважение старших».

Ключевые слова: нравственные представления, традиция уважения к старшим, старший дошкольник, хакасская семья.

Для цитирования: Султанбаева К. И. Уважение к старшим как традиция воспитания в современной хакасской семье // Этническая культура. 2023. Т. 5, №3. С. 63-68. DOI 10.31483/r-106307. EDN HWPXSB

Review Article

Respect for elders as a tradition of upbringing in a modern Khakass family

Klavdiya I. Sultanbaeva

 Khakassian State University named after N. F. Katanov
Abakan, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0001-8279-7225>, e-mail: ski57@ya.ru

Abstract. The article discusses the results of an empirical study of the tradition of raising respect for elders in children of six or seven years old in a modern Khakass family. The relevance of the study is due to the need to familiarize the younger generations with the traditional values of the people and the formation of the spiritual and moral culture of the child's personality. The purpose of the study is to study the traditions of upbringing in the Khakass family, namely, a respectful attitude towards elders. One of the tasks of the work was the study of the moral ideas of children of senior preschool age. The study was conducted in the kindergarten "Kalinka" in Abakan on the basis of empirical methods and the research methodology "Subject Pictures". The modern Khakass family is influenced by transformational processes and partially preserves ethno-cultural traditions. The tradition of respect for elders and adults is recognized by respondents as significant in the moral education of children, but is not considered as an independent cultural value. In the modern Khakass family, the described tradition in the moral education of children is partially preserved. In the moral ideas of older preschoolers, holistic reasoning about good and bad, good and evil prevails, there is an idea of helping elders, but the understanding of the concept of "respect for elders" is still poorly formed.

Keywords: moral ideas, tradition of respect for elders, senior preschooler, Khakass family.

For citation: Sultanbaeva K. I. (2023). Respect for elders as a tradition of upbringing in a modern Khakass family. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 63-68. EDN: HWPXSB. <https://doi.org/10.31483/r-106307>.

Введение

Для детей дошкольного возраста семья является первым социальным ориентиром. Именно в семье вырабатывается многообразие ролевого поведения в домашнем быте и обществе, понимание родственных отношений, вызывающие те или иные чувства, действия, способы общения, формируются привычки, черты характера, психические свойства. В связи с этим перед родителями и педагогами образовательных учреждений Республики Хакасия стоит важная задача воспитания и приобщения детей к традиционным культур-

ным ценностям хакасского народа, что необходимо для осознания ребенком своего «я» и понимания себя как члена общества и представителя этноса.

Задачу приобщения подрастающих поколений к традиционным ценностям народа актуализируют требования федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, в свою очередь обусловленные нормативно-правовыми актами Российской Федерации. Несмотря на появление принципиально новых социокультурных феноменов и процессов, таких как цифровизация, информатизация, интернацио-

нализация и пр., главным условием успешного развития общества и личности является преемственность поколений во всех жизненно важных сферах деятельности. О значимости воспитания как актуальной общенациональной задачи российского государства и общества отмечает в своей статье ведущий социолог С. В. Дармодехин, напоминая о богатейших национальных традициях воспитания в отечественной педагогической теории и практике [Дармодехин, 2022, с. 34]. Г. Н. Волков, подчеркивая спасительную для народа роль традиций воспитания в семье, утверждал, что «...ничто так не скрепляет народ, как традиции: народ остается народом благодаря традициям» [Волков, 2003, с. 38].

Традиция как способ трансляции накопленного историко-культурного опыта, материальных и духовно-нравственных ценностей народа обеспечивает неразрывность внутренних связей, выступает механизмом сохранения преемственности поколений.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования явились теоретические труды ученых, зафиксировавших традиционные представления хакасов о воспитании детей в монографиях, научных статьях, сборниках фольклора; данные анкетирования родителей; результаты тестирования старших дошкольников. Автор ставит целью ответить на основные вопросы исследования:

– сохраняется ли традиция уважения к старшим в современной хакасской семье?

– каковы нравственные представления старших дошкольников и их понимание традиций уважения к старшим?

В работе использовались следующие методы: аналитический обзор, контент-анализ, обобщение, анкетирование родителей и диагностическое изучение дошкольников с использованием методики Р. Р. Калининой «Сюжетные картинки»¹.

Результаты исследования и их обсуждение

В исследованиях хакасских ученых Л. В. Анжигановой [Анжиганова, 2020], М. Ю. Арчимачевой [Арчимачева, 2016] В. Я. и И. И. Бутанаевых [Бутанаев, Бутанаева 2008], Г. Г. Котожекова [Котожеков, 1998], К. М. Патачакова [Патачаков, 1958], Б. М. Ховратовича² рассматривались проблемы формирования этнического самосознания, традиционного мировоззрения хакасов и исторической преемственности поколений на протяжении XIX-XX столетий и частично начала XXI в. Характеризуя традиционное мировоззрение хакасов в контексте исторического развития и трансформации этнокультурных традиций, Л. В. Анжиганова отмечает, что этнические сообщества рассматриваются как конфигурации, находящиеся в динамике, т. е. «движущиеся вместе с процессами, происходящими с человечеством в целом» [Анжиганова, 2020, с. 9]. Этническая культура с традициями, символами, способами

адаптации и закрепленными механизмами сохранения этнической целостности сегодня трансформируется, соответственно для науки представляет интерес будущее культуры народов, относящихся к меньшинствам. Хакасский этнос общей численностью примерно в 70 тысяч человек пытается сохранить важнейшие этнические маркеры, такие как язык, фольклор, территорию, этническое самосознание и историческую память о своем происхождении, уникальные культурные традиции, семейно-родовые обряды. В. Я. и И. И. Бутанаевы, отмечая самобытную культуру хакасов с глубокой древности, прослеживают этногенез хакасских сеоков (родов) через исторический фольклор [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 6–9], рассматриваемый современниками как исследовательский источник родословной.

Народная культура – это многовековой опыт народа, который проявляется в традициях, обычаях, обрядах и верованиях. Она реализуется в духовной связи поколений при соблюдении традиций семьи и народа. Ознакомление ребенка с народной культурой необходимо для развития гражданско-патриотических чувств и формирования духовного начала личности, поскольку именно в данном возрасте осуществляется становление и развитие духовно-нравственной опоры ребенка в семье и дошкольном учреждении.

Как отмечают отечественные исследователи этнопедагогики Г. Н. Волков [Волков, 2004], Т. Н. Петрова [Петрова, 2005], А. Б. Панькин [Панькин, 2013], М. Н. Харитонов [Харитонов, 2013], С. Н. Федорова и Н. Д. Голикова [Федорова, Голикова, 2022], в культуре любого народа существуют педагогические аксиомы, предписывающие нормы и требования к социальному становлению и развитию ребенка, направленные на формирование совершенного человека: любовь к матери, уважение к отцу и предкам, трудолюбие, гостеприимство, патриотизм, нравственность. В народно-педагогических воззрениях каждого этноса приоритетным выступает идея воспитания человека как будущего гражданина – патриота, семьянина и труженика.

Как отмечается в исследованиях А. Б. Панькина, к центральной теме этноса (этнической картине мира) следовало бы подходить с позиции этнокультурной коннотации, рассматриваемой в качестве методологической основы этнокультурного образования – подсистемы полиэтнического образовательного пространства [Панькин, 2009, с. 27]. Так, этнокультурно коннотированная система образования у каждого народа имеет свои уникальные этнические константы, сохраняемые родным языком, фольклором, традициями, обычаями, менталитетом народа. Этнические константы являются основой идентичности и неизменны для этноса [Панькин, Шагаева, 2022, с. 57]. Этническая идентичность начинает формироваться в семье ребенка через его приобщение к родному языку и культуре. Этому способствуют и такие средства и методы семейного воспитания, как дружеские отношения с родственниками, празднование семейных дат и событий, создание альбомов, изучение реликвий, рецептов, традиция ведения хозяйства, фольклор, пример старших. Подобные средства прививают ребенку уважение к

¹ Описание методики см.: Урунтаева Г. А., Афонькина Ю. А. Практикум по детской психологии. Москва : ВЛАДОС, 1995. С. 59–61.

² Ховратович Б. М. Нравственный идеал в хакасской народной педагогике : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.00. Новосибирск, 1972. 20 с.

семейным ценностям, роду, фамилии, формируют уважение к другим, помогают осознать себя как часть семьи и общества [Геллер, 2017, с. 69].

В традиционной культуре хакасов, как и у других народов, наряду с приверженностью к народным обычаям и традициям, например, трудовой деятельности, признаком воспитанности ребенка считалось отношение к старшим, проявление им уважения к взрослым [Бутанаев, Бутанаева, 2008; Токмова, 2016, с. 13–14]. Кроме того, у хакасов залогом единства рода и этноса выступает культ предков, соединяющий прошлое с настоящим и будущим в единое целое. Благодаря этому в традиционном обществе хакасов законами являлись уважение к старшим, забота о младших, почитание памятников старины. Сформировавшийся на протяжении истории культ семьи и рода выступал гарантом сохранения родной земли и народа [Анжиганова, 2020; Бутанаев, Бутанаева, 2008].

В богатом фольклорном наследии хакасского народа, нашедшем отражение в трудах Н. Ф. Катанова [Катанов, 2000], П. А. Троякова [Трояков, 1969], М. А. Унгвицкой и В. Е. Майногашевой [Унгвицкая, Майногашева, 1972], У. Н. Кирбижековой³, воплощены не только философско-мировоззренческие взгляды, целостное восприятие окружающего мира и неразрывная связь человека с ним, но и педагогические императивы, чаще всего зафиксированные как наставления, афоризмы и заповеди. Народное творчество содержит мудрые заповеди о необходимых морально-нравственных, духовных качествах человека, воспитание которых для родителей – долг и обязанность.

Традиция уважения к старшим в хакасской семье выражалась прежде всего в использовании специальных слов без называния имени старшего члена семьи, тем более родителей. В частности, использовались такие слова, как *абам* «отец», *пиче* «сестра старшая или тетя», *ача* «дядя, старший брат», *тайым* «дядя по матери». Обращение на Вы приветствовалось. Не одобрялся грубый, недоброежелательный тон в отношении детей и старших, а оказание бескорыстной помощи или услуги пожилым или беспомощным людям воспринималось как норма для здорового человека. Традиция уважения к человеку звучит в поучениях: *Улугдан алгыс ал, кічігден сөс сур* «У старшего проси благословенья, у младшего проси благоволенья»; *Улугларны улугла, оларның үрген, кічіглерге полыс* «У старших учись, младшим – помогай, пожилых уважай»; *Улугның чоогын иссең, узада кўнни көрерзің* «Старших будешь слушать, долгими будут дни твои»; *Улугларга орын пир, кічіглерге полыс тур* «Старшим уступай место, младшим оказывай помощь»; *Пала хомайын іче пілбеен, іче хомайын пала пілбеен* «Мать не видит плохое в детях, дети не видят плохое в матери»; *Өкіс тіп, кўлбе, чалгыс тіп, чалтыратпа* «Не насмехайся над тем, кто сирота»; *Улуг кізінін чурегі ухаанчыл* «Пожилые люди чувствительны»; *Бінаг харындастар аразында сөн түспечен* «Между родственниками ссоры не бывает»; *Ічениң иби*

³ Кирбижекова У. Н. Антология хакасской поэзии = Хакас поэзиязынын антологиясы / составители У. Н. Кирбижекова, Т. Г. Тачеева, П. А. Трояков. Абакан : Хакасское книжное издательство, 1960. 164 с.

истіг, пабаның иби наарсах «Дом матери уютен, дом отца ласков» и др.⁴

В семьях хакасов воспитание уважения к старшим являлось обязательным моральным долгом родителей. Они не позволяли ребенку различного рода вольностей в отношении пожилых людей не только в близком кругу, но и в социальном окружении. В современных условиях социальное поведение большинства детей и подростков отличается от поведения их сверстников в прошлом. Выражается это у детей чаще всего в отсутствии культуры поведения и невнимании к взрослым в общественных местах. С одной стороны, так проявляются изменяющиеся нравы, с другой – мы вправе задать вопросом: уважение к старшим – необходимая народная традиция или рудимент домостроя, от которого современный человек должен быть освобожден?

Экспериментальная работа, на основе которой делаются выводы нашего исследования, была проведена в детском саду «Калинка» г. Абакана в группе с 30 детьми шести-семи лет. В анкетировании родителей принял участие 21 человек. На констатирующем этапе исследования было решено ограничиться выявлением представлений детей о таких нравственных категориях, как добро и зло, хорошо и плохо, правда и ложь, помощь старшим.

Полученные по методике «Сюжетные картинки» данные показали следующие результаты: 13,3 процентов детей относятся к высокому уровню развития нравственных представлений о правильном и неправильном (согласно методике, оценка поведения осуществлялась по сюжету картинки в отношении другого человека); 40 процентов детей показали средний уровень развития нравственных представлений; 46,7 процентов воспитанников имеют низкий уровень понимания рисунков с изображением добрых и неправильных поступков. Для последних свойственны неверный выбор, неумение объяснить свои предпочтения, у них практически отсутствует эмоциональная реакция на сюжет.

Для основной массы детей со средним уровнем проявления нравственного выбора характерны верное понимание сюжета картинок, неуверенная эмоциональная реакция, выражающаяся в том, что дети ждут подтверждения со стороны воспитателя. Для незначительной части детей с высоким уровнем нравственных представлений о добре и зле присуще правильное распознавание картинок, не допускающее сомнений, осуждающее высказывание о недобрых поступках изображаемых героев. Воспитанники уверенно объясняют, почему именно таким образом оценили предложенные сюжеты. В общих рассуждениях детей понимание уважения к старшим просматривалось через оценочное суждение о помощи взрослым.

Наличие значительного числа дошкольников, не ориентирующихся в понимании концепта «уважение старших», мотивировало нас на изучение их родителей: как ими осмысливаются национальные традиции воспитания в семье, включая уважение старших?

⁴ Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптыргастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / составители У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева ; Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 3-е издание, дополненное. Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2014. 84 с.

Анкетирование родителей о семейных традициях воспитания проводилось анонимно по принципу добровольности, преимущественно представителей хакасской национальности и частично русскоязычных из смешанных семей. Анкетный опросник представляет собой авторскую разработку преподавателей кафедры дошкольного и специального образования [Султанбаева, Горбунова, Дорофеева, Добря, Ефимова, 2022, с. 152–156]. Комплекс вопросов включал расширенный перечень, ориентированный на выявление национальных традиций воспитания, например: считаете ли вы, что современная семья испытывает трудности в воспитании детей, так как не опирается на национальные и народные традиции; какие народные традиции в воспитании детей вы используете; без каких традиций невозможно правильное воспитание?

Далее рассмотрим оценку родителями традиции уважительного отношения к старшим в семье.

Из общего числа опрошенных 62 процента согласились с утверждением, что современная семья испытывает трудности в воспитании детей, так как не опирается на национальные традиции. 19 процентов родителей затруднились в ответе, и столько же не согласились с подобным высказыванием.

Из хакасских культурных традиций меньшая часть респондентов (около 40 процентов) смогла назвать такие, как уважение к старшим, празднование Нового года и Тун пайрама (праздника первого молока), национальные игры. Среди воспитательных традиций родители указали на совместный труд на приусадебном участке или на даче. Уважение к старшим многими родителями не оценивается как традиция, но воспринимается как норма или правило нравственного поведения человека в обществе. Очевидно, что в обследованных семьях воспитание уважения к старшим у детей не отрицается родительским сообществом, однако факт отсутствия ответов о традициях воспитания у большей половины опрошенных (61 процент) позволил утверждать, что в семейной практике все-таки преобладает стихийный воспитательный процесс. Об этом свидетельствуют ответы родителей на вопрос – что вы делаете для воспитания уважения к старшим у детей в своей семье? В ответах ограничений не предполагалось. Ответы ранжированы по их максимально выбранному содержанию (см. рис. 1).

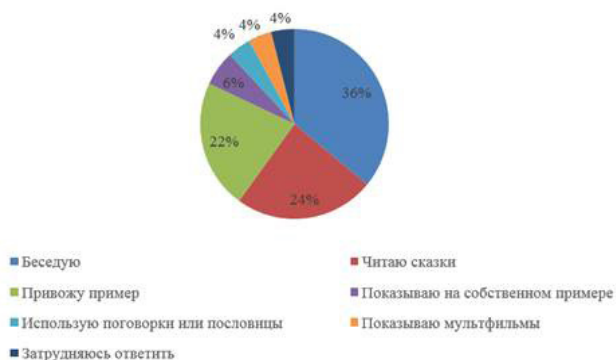

Рис. 1. Результаты анкетирования родителей о способах воспитания уважения к старшим
Fig. 1. Results of a survey of parents on ways to cultivate respect for elders

Родители в воспитательной деятельности делают упор на беседу, затем на сказке. Минимальная выборка пришлась на такие методы воспитания, как использование пословиц и поговорок, просмотр мультфильмов. Не дали ответа четыре процента респондентов. При этом почти 60 процентов родителей отмечали, что встречались со случаями неуважительного отношения к старшим со стороны подростков в общественном транспорте, на улице и в магазинах.

Полученные данные позволяют утверждать, что нравственное воспитание детей дошкольного возраста в исследованных хакасских семьях г. Абакана заключается в формировании умения различать такие свойства, как доброта-злость, щедрость-жадность, трудолюбие-лень, правдивость-лживость. О традиции уважения к старшим в хакасской семье значительная часть детей не имеет представления, но при созданной педагогической ситуации в дошкольном учреждении дети ориентируются верно, заключая, что «стареньких надо жалеть».

На формирующем этапе экспериментальной работы с детьми нами акцент был сделан на взаимодействии с семьей как важнейшем условии воспитания уважительного отношения к старшим. В календарно-тематический план работы воспитателя группы «Дружная семейка» детского сада «Калинка» были включены сюжетно-ролевые игры с участием родителей, беседы, направленные на формирование нравственного поведения в общении со старшими и сверстниками и воспитание уважения к взрослым «У нас гости», «Доброе сердце», «Трудимся в саду», «Мы помогаем другим» и др.

Наблюдения за поведением старших дошкольников и обобщение результатов экспериментальной работы показали проявление у них позитивной динамики. Так, у дошкольников при повторном тестировании по методике «Сюжетные картинки» получены следующие данные: высокий уровень понимания нравственных категорий остался без изменений – 13,3 процента, средний уровень – 63,3 процента (на констатирующем этапе эксперимента было 40 процентов), низкий уровень нравственных представлений показали 23,3 процента детей (было 46,7 процента). Дети с низким уровнем не смогли сделать верный выбор и оценку нравственных поступков героев, изображенных на картинке. Очевидно, что вопросы нравственного воспитания детей старшего дошкольного возраста, включая уважение к старшим, должны составлять предмет заботы семьи и педагогов.

Выводы

Современная хакасская семья, как и все российские семьи, испытывает влияние трансформационных процессов и частично сохраняет этнокультурные традиции. Традиция уважения к старшим и взрослым респондентами признается значимой в нравственном воспитании детей, однако не рассматривается как самостоятельная культурная ценность. В современной хакасской семье описываемая традиция сохраняется частично.

В нравственных представлениях старших дошкольников большей частью преобладают общие рассуждения о хорошем и плохом, добром и злом, имеется

представление о помощи старшим, но еще слабо сформировано понимание концепта «уважение старших».

В изменяющихся социально-культурных условиях важно сберечь общенациональные традиции уважения

к старшим, соблюдение семейных ценностей, значение которых в деле сохранения духовно-нравственного здоровья семьи и в целом российского общества трудно переоценить.

Список литературы

- Анжиганова Л. В. Этнический капитал: проблемы концептуализации : монография. Абакан : Ал Хоорай, 2020. 160 с.
- Арчимачева М. Ю. Базовые ценности этнической культуры хакасов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. №1. С. 120–121. EDN [YINPZJ](#)
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора : монография. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008. 376 с. EDN [QTOMRB](#)
- Волков Г. Н. Этнопедагогика как педагогика национального спасения // Сибирский педагогический журнал. 2004. №1. С. 194–198. EDN [PLTLKD](#)
- Волков Г. Н. Этнопедагогика: предмет, проблемы, современные поиски // Становление этнопедагогика как отрасли педагогической науки. Элиста : Джангар, 2003. С. 22–42.
- Геллер Г. А. Семья в системе факторов формирования этнокультурной идентичности личности ребенка // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности. Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2017. С. 66–70. EDN [ZAPUWR](#)
- Дармодехин С. В. К вопросу о развитии стратегии воспитания и механизмов её реализации в системе общего образования // Педагогика. 2022. №11. С. 22–38. EDN [XZCBDH](#)
- Катанов Н. Ф. Таллап алган пиліг тоғыстары. Хакас фольклорының паза этнографиязының тексттері. Абакан, 2000. 551 с.
- Котожеков Г. Г. Межнациональные отношения в Республике Хакасия в оценках и представлениях, бытующих в массовом сознании // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1998. Выпуск 2. С. 209–214. EDN [TRSEZY](#)
- Панькин А. Б. Этнокультурная коннотация образования : монография. Элиста : Калмыцкий государственный университет, 2009. 380 с. EDN [VIRODV](#)
- Панькин А. Б. Этнокультурная коннотация содержания образования: проект и принципы реализации // Вестник Калмыцкого университета гуманитарных исследований РАН. 2013. №1. С. 81–86. EDN [RAFSYP](#)
- Панькин А. Б., Шагаева Н. А. Этнокультурная коннотация содержания образования в решении проблемы сохранения этнической идентичности народов РФ // Педагогика. 2022. Том 86, №12. С. 56–62. EDN [JJQMWH](#)
- Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.) / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан : Хакингоиздат, 1958. 104 с.
- Петрова Т. Н. Этнопедагогика Г. Н. Волкова как сокровищница народной жизни // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2005. №2. С. 14–16.
- Султанбаева К. И., Горбунова О. Ф., Дорофеева Т. А., Добря М. Я., Ефимова О. Е. Влияние систем семейного воспитания современных диаспор на социальное благополучие и образование детей (на примере Южно-Сибирского региона) : монография. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2022. 160 с. EDN [RIDEKF](#)
- Токмова О. А. Воспитание и обучение в хакасской семье // Образование и воспитание. 2016. №2. С. 11–14. EDN [VVCPTL](#)
- Трояков П. А. К вопросу об этногенезе бельтыр: по материалам легенд // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 172–173.
- Унгницкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество: опыт исследования хакасского фольклора и его периодизации. Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1972. 311 с. EDN [MLSPNV](#)
- Федорова С. Н., Голикова Н. Д. Информационно-образовательный консалтинг в этнокультурном образовании // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. №2. С. 236–242. DOI [10.37972/chgpu.2022.115.2.031](#) EDN [CYOFSZ](#)
- Харитонов М. Г. Этнопедагогическое образование учителей начальных классов в системе повышения квалификации // Вестник НГТУ им. П. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2013. №1. С. 83–91. EDN [SGLSER](#)

References

- Anzhiganova L. V. (2020). *Etnicheskiy kapital: problemy kontseptualizatsii*. Al Khooray.
- Archimacheva M. Yu. (2016). Basic values of Khakas ethnic culture. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 1, 120–121. EDN: [YINPZJ](#)
- Butanaev V. Ya. & Butanaeva I. I. (2008). *Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora*. Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. EDN: [QTOMRB](#)
- Volkov G. N. (2004). Etnopedagogika kak pedagogika natsional'nogo spaseniya. *Siberian Pedagogical Journal*, 1, 194–198. EDN: [PLTLKD](#)

- Volkov G. N. (2003). Etnopedagogika: predmet, problemy, sovremennyye poiski. *Stanovlenie etnopedagogiki kak otrasli pedagogicheskoy*, 22–42.
- Geller G. A. (2017). Family in the system of factors of formation of ethnocultural identity of the child's person. *Etnopedagogika kak faktor sokhraneniya rossiyskoy identichnosti*, 66–70. EDN [ZAPUWR](#)
- Darmodekhin S. V. (2022). On the issue of developing an upbringing strategy and mechanisms for its implementation in the system of general education. *Pedagogika*, 11, 22–38. EDN: [XZCBDH](#)
- Katanov N. F. (2000). Tallap alfan pilig torystary. Khakas fol'klorynyң paза etnografiyazynyң tekstteri.
- Kotozhekov G. G. (1998). Mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Khakasiya v otsenkakh i predstavleniyakh, bytuyushchikh v massovom soznanii. *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri*, 209–214. EDN: [TRSEZY](#)
- Pan'kin A. B. (2009). *Etnokul'turnaya konnotatsiya obrazovaniya*. Kalmytskiy gosudarstvennyy universitet. EDN: [VIRODV](#)
- Pan'kin A. B. (2013). Ethnocultural connotation of the content of education: project and principles of its realization. *Vestnik Kalmytskogo universiteta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 1, 81–86. EDN: [RAFSYP](#)
- Pan'kin A. B. & Shagaeva N. A. (2022). Ethnocultural connotation of the content of education in solving the problem of preserving the ethnic identity of the peoples of the Russian Federation. *Pedagogika*, 86(12), 56–62. EDN: [JJQMWH](#)
- Patachakov K. M. (1958). *Kul'tura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazey s russkim narodom (XVIII-XIX vv.)* Khakknigoizdat.
- Petrova T. N. (2005). Etnopedagogika G. N. Volkova kak sokrovishchnitsa narodnoy zhizni. I. *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2, 14–16.
- Sultanbaeva K. I., Gorbunova O. F., Dorofeeva T. A., Dobrya M. Ya. & Efimova O. E. (2022). *The influence of family education systems of modern diasporas on the social well-being and education of children (on the example of the south Siberian region)*. Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. EDN: [RIDEKF](#)
- Tokmova O. A. (2016). Vospitanie i obuchenie v khakasskoy sem'e. *Obrazovanie i vospitanie*, 2, 11–14. EDN: [VVCPTL](#)
- Troyakov P. A. (1969). K voprosu ob etnogeneze bel'tyr: po materialam legend. *Etnogenez narodov Severnoy Azii*, 172–173.
- Ungvitskaya M. A. & Maynogasheva V. E. (1972). *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo: opyt issledovaniya khakasskogo fol'klora i ego periodizatsii*. Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. EDN [MLSPNV](#)
- Fedorova S. N. & Golikova N. D. (2022). Information and educational consulting in ethnocultural education. I. *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2, 236–242. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.115.2.031> EDN: [CYOFSZ](#)
- Kharitonov M. G. (2013). Etnopedagogicheskoe obrazovanie uchiteley nachal'nykh klassov v sisteme povysheniya kvalifikatsii. *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya "Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii"*, 1, 83–91. EDN: [SGLSER](#)

Информация об авторе

Султанбаева Клавдия Ивановна – доктор педагогических наук, доцент, профессор, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8279-7225>;
e-mail: ski57@ya.ru

Information about the author

Klavdia I. Sultanbaeva – Dr. Sci. (Educ.), associate professor, professor, Khakassian State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russian Federation.;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8279-7225>;
e-mail: ski57@ya.ru

Поступила в редакцию 11.04.2023
Принята к публикации 24.07.2023
Опубликована 31.08.2023

Received 11 April 2023
Accepted 24 July 2023
Published 31 August 2023

Подготовка народных певцов в вузе: подходы к определению содержания профессиональных компетенций

<https://doi.org/10.31483/r-107743>

УДК 378.147:78.031.4

Ульяндина А. В.

Чувашский государственный институт культуры и искусств

Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики

г. Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0007-3675-2529>, e-mail: avgusta.ulyandina@mail.ru

Резюме. Статья посвящена разработке содержания профессиональных компетенций студентов направления подготовки «Искусство народного пения». Цель статьи – конкретизация содержания профессиональных компетенций будущих студентов направления подготовки «Искусство народного пения» с учетом специфики профессиональной деятельности и национально-региональных особенностей фольклорного материала Поволжья, в частности, чувашской традиции. Материалом для исследования послужили нормативные документы, теоретические работы ведущих ученых, методические работы педагогов-практиков, а также личный опыт исполнительства и преподавания. На основе метода теоретического анализа в работе дано определение профессиональных компетенций как способности и готовности студентов применить знания, умения, опыт и личностные качества в сфере народного исполнительского искусства в соответствии с задачами профессионально-творческой деятельности. Основная цель реализуемых подходов в процессе подготовки вокалистов направлена на формирование компетенций для работы с народно-песенным материалом, вокальной и сценической работы, педагогической и научной деятельности. Применение этнокультурного подхода в подготовке народных певцов является одним из основных, реализация которого позволяет дополнить образовательный стандарт за счет определения содержания профессиональной подготовки с учетом региональной специфики фольклорного материала, локальной народно-песенной традиции, характерных особенностей национальной манеры исполнения.

Ключевые слова: искусство народного пения, подходы к формированию профессиональных компетенций.

Для цитирования: Ульяндина А. В. Подготовка народных певцов в вузе: подходы к определению содержания профессиональных компетенций // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 3. С. 69-75. DOI 10.31483/r-107743. EDN KGRWRZ

Pedagogical conditions for the formation of professional competence of students in the direction of training “the art of folk singing”

Augusta V. Uliandina

Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture

on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic

Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0007-3675-2529>, e-mail: avgusta.ulyandina@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the existing approaches to the professional training of folk singers, to identify the necessary approaches for concretizing professional competencies, taking into account the specifics of professional activity and the national and regional specifics of the folklore material of the Volga region, in particular the Chuvash cultural tradition. The material for the study includes normative documents, theoretical works of leading scientists, methodological works of practicing teachers and personal experience of performing and teaching. Based on the method of theoretical analysis, the definition of professional competencies is given as the ability and willingness of students to apply knowledge, skills, experience and personal qualities in accordance with the professional and creative activity in the folk performing arts. It was revealed that the main goal of the implemented approaches in the professional training process is aimed at developing competencies for working with folk song material, vocal and stage work, pedagogical and scientific work. The use of the ethno-cultural approach in the training of folk singers is one of the main ones, the implementation of which allows supplementing the educational standard by determining the content of professional training, taking into account the regional specifics of folklore material, the local folk song tradition, and the characteristic features of the national manner of performance.

Keywords: the art of folk singing, pedagogical conditions for the formation of professional competence.

For citation: Uliandina A. V. (2023). Pedagogical conditions for the formation of professional competence of students in the direction of training “the art of folk singing”. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 69-75. EDN: KGRWRZ. <https://doi.org/10.31483/r-107743>.

Введение

В настоящее время вузы культуры и искусства России призваны обеспечить единое культурное пространство. Об этом говорится в нормативных документах, см., например, стратегию государственной культурной поли-

тики до 2030 г¹. На наш взгляд, основным признаком единства культурной сферы является наличие в обществе ценностного отношения к искусству и творчеству, а так-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 326-р от 29.02.2016 г. «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». Текст : электронный. URL : <https://goo.su/HtiLT3> (дата обращения : 28.05.2023).

же высокий профессионализм выпускников вузов культуры, что обеспечивается оптимизацией профессиональной подготовки студентов на основе выбора подходов, форм, методов и средств, соответствующих современному состоянию психолого-педагогической науки и социально-культурному развитию нашего общества.

Студенты, осваивающие программу подготовки «Искусство народного пения», в будущем во многом определяют судьбу народно-певческой традиции, от их деятельности будет зависеть воспроизводство и бытование музыкального фольклора в целом.

Сегодня ученые и педагоги-практики констатируют различные проблемы профессиональной подготовки народных певцов. Например, А. А. Шибанова отмечает недостаточную востребованность воспитательного потенциала народно-певческого искусства в процессе профессиональной подготовки студентов и отсутствие четких критериев сформированности исполнительской культуры народных певцов². М. К. Бурьяк говорит о необходимости становления личности (как педагога, так и ученика) в статусе носителя традиции³.

Многие проблемы обучения студентов могут быть решены за счет грамотной разработки содержания их профессиональной подготовки. Целью статьи является конкретизация содержания профессиональных компетенций будущих студентов направления подготовки «Искусство народного пения» с учетом специфики профессиональной деятельности и национально-региональных особенностей фольклорного материала Поволжья, в частности, чувашской традиции.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили теоретические работы ведущих ученых, методические работы педагогов-практиков, а также следующие нормативные документы: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения (уровень бакалавриата); основная профессиональная образовательная программа высшего образования по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения (уровень бакалавриата); рабочий учебный план по программе бакалавриата 53.03.04 Искусство народного пения; программы учебных дисциплин (модулей) направления подготовки 53.03.04 Искусство народного пения направленности (профиля) Сольное народное пение. Работа выполнена на основе метода теоретического анализа, а также метода обобщения педагогического опыта, в том числе личного опыта автора.

Результаты исследования и их обсуждение

Современное бытование песенных форм фольклора имеет множество проявлений, что вызвано историческими и социально-культурными факторами. В работах многих авторов отмечаются наиболее характерные

тенденции бытования различных форм музыкального фольклора. Так, С. А. Жиганова, Г. Н. Фалько выделяют аутентичные формы исполнения, до сих пор встречающиеся в быту; сценические формы исполнения, ориентирующиеся на аутентичные; сценические аранжированные формы в исполнении профессиональных или самодеятельных народных хоров; эстрадные формы исполнения народных песен [Жиганова, Фалько, 2017, с. 135]. Н. Н. Летина и Н. А. Ежгурова дают характеристику естественному функционированию фольклора. Это – обновление, видоизменение, приспособление. В современных условиях, с их точки зрения, массовая культура компенсирует и заменяет традиционные формы народной культуры [Летина, Ежгурова, 2019, с. 243].

Современные тенденции исполнения песенного фольклора и обучения народному исполнительству являются предметом исследования многих научных школ. Исследователи выделяют такие исполнительские парадигмы, как творческая реконструкция, иронический и пародийный дискурс, экстраполяция музыкального фольклора в академическую музыку [Летина, Ежгурова, 2019, с. 238].

Интересную мысль об исполнительских проблемах высказала Т. П. Беляева. Одной из главных проблем она называет отбор репертуара. В ситуации, когда приходится учитывать слушательский спрос, репертуар исполнителя может стать однобоким, неполным, искаженным. В этом случае сценический облик локальной культуры может не соответствовать ее реальному облику [Беляева, 2022, с. 8].

В работе С. А. Ивошиной, С. П. Коноваленко анализируется фольклорное движение в молодежной среде. Авторы справедливо замечают, что большая часть жизни коллектива проходит вне сцены, так как участники ансамблей ездят в деревни, общаются с народными исполнителями и другими коллективами, организовывают праздники и гулянья [Ивошина, Коноваленко].

Основываясь на практической работе с народно-певческими коллективами, О. С. Щербакова, С. Н. Клоков актуализируют изучение студентами инструментов фольклорной традиции, освоения песенно-инструментального фольклора и его трансляции [Щербакова, Клоков, 2018].

Проблема формирования музыкального мышления у исполнителей народных песен поднимается в работах Л. Б. Бояркиной. Восприятие фольклора как искусства самовыражения, накопление на этой основе исполнительско-слухового опыта признается ею важным фактором становления творческой личности народного певца [Бояркина, 2009].

Множественность форм бытования музыкального фольклора – от его аутентичных до сценических образов – обуславливают многозадачность профессиональной подготовки студентов направления подготовки «Искусство народного пения».

Обзор научной литературы по теме исследования показал, что при подготовке вокалистов используются как общенаучные подходы (системный, деятельностный [Клабукова, 2018], компетентностный [Куликовская, 2019], концептуальный⁴), праксиологический [Шастина, 2022], так и

2 Шибанова А. А. Формирование исполнительской культуры музыканта в процессе обучения народному пению : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 13.00.08. Москва, 2018. С. 4.

3 Бурьяк М. К. Феномен русской народно-песенной традиции в музыкальном образовании : автореферат диссертации ... доктора педагогических наук : 13.00.02. Санкт-Петербург, 2016. С. 6.

4 Шибанова А. А. Формирование исполнительской культуры музыканта...

специфические – аутентичный и концертно-сценический [Пивницкая, 2015], тембровый [Кривенко, 2022], индивидуальный [Борисенко, 2018], интонационно-формульный, вокально-фонационный, локально-стилевой, многоголосно-видовой подходы [Бурьяк, 2020].

Системно-деятельностный подход, с точки зрения А. В. Клабуковой, исходит из того, что исполнительское мастерство обучающегося находится в процессе непрерывного развития с помощью деятельности и погружения в деятельность [Клабукова, 2018, с. 186].

При реализации компетентностного подхода в процессе подготовки бакалавров народного пения, подчеркивается Е. В. Куликовской, необходимо учитывать национальные особенности [Куликовская, 2019, с. 291].

В работах А. А. Шибановой концептуальный подход рассматривается в реализации специфических принципов: осознания народного исполнителя как носителя традиций отечественной культуры, направленности на совершенствование компетентности в области народной культуры, «погруженности обучающихся в музыкально-творческий процесс»⁵. Реализация упомянутых принципов, как считает А. А. Шибанова, способствует формированию исполнительской культуры народных певцов.

Т. В. Шастина на основе праксиологического подхода разработала модель организации этнопевческой деятельности, цель которой заключается в повышении уровня этнопевческих практических умений студентов на основе знаний этновокальной педагогики и владения техникой пения [Шастина, 2022, с. 149].

Целостно рассмотрела процесс обучения народному пению О. В. Пивницкая. Она раскрыла основные, с ее точки зрения, направления – аутентичную манеру освоения песенного фольклора и концертно-сценическую [Пивницкая, 2015, с. 123].

Актуальную проблему развития тембрового слуха студентов – будущих народных певцов поднимает в своих работах Ж. Д. Кривенко. Рассматриваемый ею тембровый подход необходим для развития у студентов музыкально-образного мышления. Как утверждает исследователь, без активно функционирующего этнослуха невозможно услышать и передать содержание народной песни. Ж. Д. Кривенко предлагает в процессе обучения прослушивание аудио- и видеозаписи профессионального и аутентичного пения, нотные расшифровки прослушанного, участие в экспедициях и др [Кривенко, 2022, с. 21–22].

Народное исполнительство как объект искусствоведческой науки рассматривает Т. Г. Борисенко. И в этом смысле в процессе подготовки народных певцов значение имеют такие предметы, как фольклористика и этнография [Борисенко, 2018, с. 49].

Упомянутые подходы позволяют на их основе планировать и реализовывать комплекс педагогических условий, способствующих эффективной профессиональной подготовке народных певцов, что уже было подтверждено множественными публикациями названных выше авторов. Так, специфические подходы к освоению локальной (новгородской) фольклоризованной народно-песенной традиции, научно обоснованные

М. К. Бурьяк в ее докторской диссертации, в ее дальнейших работах нашли выражение в разработке соответствующих технологий обучения современных этноисполнителей [Бурьяк, 2020]. Задачей же настоящего исследования является конкретизация профессиональных компетенций обучающихся по направлению подготовки «Искусство народного пения» с точки зрения аксиологического, функционального и этнокультурного подходов с тем, чтобы в дальнейшем на этой основе разработать эффективные педагогические условия профессиональной подготовки студентов.

Профессиональная деятельность народных певцов, согласно образовательному стандарту, осуществляется в области образования и науки, культуры и искусства и реализуется в следующих типах задач профессиональной деятельности: художественно-творческом, культурно-просветительском, педагогическом, научно-исследовательском, организационно-управленческом⁶. Каждый из типов профессиональной деятельности в свою очередь реализуется в совокупности универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

В теории и практике педагогического образования уже сложилось определенное понимание терминов «компетентность» и «компетенция». Здесь уместно привести определение Т. В. Казаковой, которая отмечает, что «компетенция – это конкретные знания, умения, личностные свойства, необходимые в какой-либо деятельности, а компетентность – это совокупность компетенций, качественно преобразованных и актуализированных в конкретном виде деятельности» [Казакова, 2018, с. 437].

В данной работе под профессиональными компетенциями понимается способность и готовность студентов применять знания, умения, опыт и личностные качества в соответствии с задачами профессионально-творческой деятельности в сфере народного исполнительского искусства.

Для конкретизации и дополнения содержания компетенций, необходимых для профессионального становления студентов направления подготовки «Искусство народного пения», были применены аксиологический, функциональный и этнокультурный подходы как наиболее отвечающие задачам исследования. На основе аксиологического подхода выявляются ценностные ориентации, которые необходимо сформировать у студентов направления подготовки «Искусство народного пения» для их успешного профессионального становления. К ним относятся стремление к достижению высокой исполнительской культуры; интерес и уважительное отношение к народным традициям; сформированность положительной мотивации в обращении к фольклору своего и других народов. На основе функционального подхода рассмотрены различные аспекты профессиональной деятельности народных певцов и определен необходимый круг обязанностей, а также знания, умения, и личностные качества для выполнения профессиональных функций.

Анализ нормативных документов, образовательных стандартов, научно-методической литературы и анкетиро-

⁶ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения (уровень бакалавриата). Москва, 2017. URL : <https://fgos.ru/fgos/fgos-53-03-04-iskusstvo-narodnogo-peniya-666>.

вание студентов показали, что выпускники вуза культуры и искусства, прошедшие профессиональную подготовку по направлению «Искусство народного пения», как правило, впоследствии занимаются или сценической деятельностью, или педагогической, или совмещают их. Исходя из этого, сформированные у них профессиональные компетенции, в первую очередь должны способствовать выполнению ими функций исполнителя и педагога. Полноценная и грамотная исполнительская и педагогическая работа народных певцов невозможна без исследовательской деятельности, которая заключается в комплексном изучении и творческой интерпретации фольклорного материала. Поэтому научная деятельность наряду с исполнительской и педагогической была включена в структуру профессиональной подготовки. Названные функции требуют от специалиста умения работать с фольклорным материалом,

знания и понимания культурной ценности народной песни, ее эстетических признаков и закономерностей перенесения аутентичных фольклорных форм в сценические.

Профессиональные компетенции, наиболее необходимые для того, чтобы студент мог ориентироваться как в аутентичных, так и в сценических формах фольклора, были выделены автором из основной профессиональной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения⁷. Данные компетенции являются необходимыми и достаточными (при условии их конкретизации и дополнения) для той специфической части системы подготовки, в которой у студентов формируются профессионально обусловленные мировоззрение, знания, понимание, умения и навыки. В таблице 1 приведены уточненные формулировки компетенций.

Таблица 1. Содержание профессиональных компетенций студентов направления подготовки «Искусство народного пения»
Table 1. The content of professional competencies of students in the direction of training “The art of folk singing”

Области профессиональной деятельности народных певцов согласно ФГОС ⁸	Содержание компетенций согласно ФГОС ⁹	Конкретизация компетенций на основе этнокультурного подхода
1	2	3
Культура и искусство	<p><i>Работа с народно-песенным материалом</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - способность записывать, нотировать, аранжировать подлинный народно-песенный материал; - готовность к овладению музыкально-текстологической культурой, к прочтению и расшифровке авторского (редакторского) нотного текста; - способность анализировать и оценивать особенности исполнительской интерпретации, национальных школ, исполнительских стилей - готовность к самостоятельному изучению народно-песенного наследия и накоплению репертуара 	<ul style="list-style-type: none"> - различать диалектные особенности в культуре основных этнографических групп: вирьял (тури), анатри, анат енчи; - понимать приуроченность и конкретные условия исполнения календарно-земледельческих и семейно-бытовых песен: мункун юррисем (песни обрядового праздника начала земледельческого года), ёварни юрри (масленичные песни), уяв юррисем (хороводные песни), вайй юррисем (игровые песни), хёр йёрри (плач невесты), ёскё-сикё юрри (празднично-застольные песни), сáпка юррисем (колыбельные), салтак юрри (рекрутские песни) и др.
	<p><i>Вокальная работа</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - способность создавать индивидуальную художественную интерпретацию музыкального произведения; - готовность к сольной и хоровой импровизации; - способность совершенствовать культуру исполнительского интонирования, мастерство в использовании комплекса художественных средств исполнения в соответствии со стилем музыкального произведения 	<ul style="list-style-type: none"> - регулярно прослушивать аутентичные образцы традиционной чувашской песни с целью импровизации и индивидуальной интерпретации на основе накопления опыта слушания; - знать и использовать характерные черты традиционного стиля чувашской музыки: квинтово-транспозиционной структуры, квантитативной ритмики и пр., в том числе характерные подъемы и ниспадания вокальных фраз в некоторых видах интонирования

⁷ Основная профессиональная образовательная программа высшего образования (ОПОП ВО) по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения. URL: <https://goo.su/M3ANJe> (дата обращения : 07.06.2023).

⁸ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 53.03.04 Искусство народного пения (уровень бакалавриата). – Москва, 2016. URL: <https://goo.su/RgQBA> (дата обращения: 28.08.2022).

⁹ Там же.

1	2	3
	<p><i>Сценическая работа</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - готовность к музыкальному исполнительству в концертных и студийных условиях, работе со звукорежиссером и звукооператором, к использованию в своей исполнительской деятельности современных технических средств: звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры; - способность осуществлять сценические постановки народных обрядовых действ, в том числе с применением знаний и умений в области народной хореографии 	<ul style="list-style-type: none"> - знать национальную манеру исполнения танцев и применять характерные танцевальные движения в системе современных пластических выразительных средств; - творчески использовать в концертных и студийных условиях звучание традиционных чувашских музыкальных инструментов: шӑхлич (свирель), шӑпӑр (пузырь), сӑрме купӑс (скрипка), сӑрнай (волынка), кӑсле (гусли), парӑппан (барабан) и пр.
Образование и наука	<p><i>Педагогическая деятельность</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - способность планировать образовательный процесс, разрабатывать методические материалы, анализировать различные системы и методы в области музыкальной педагогики, выбирая эффективные пути для решения поставленных педагогических задач <p><i>Научная деятельность</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - способность применять рациональные методы поиска, отбора, систематизации и использования информации; - способность выполнять под научным руководством исследования в области искусства народного пения и музыкального образования 	<ul style="list-style-type: none"> - знать и применять в учебном процессе идеи народной педагогики К. Д. Ушинского, И. Я. Яковлева, В. А. Сухомлинского, Г. Н. Волкова и др. - иметь навыки комплексного исследования фольклорного материала – текст, мелодия, хореография, музыкальный инструментарий, костюм и пр.; - различать ладоритмические и композиционные особенности трех основных музыкальных диалектов: вирьял (тури), анатри, анат енчи

На основе функционального подхода компетенции были сгруппированы по основным задачам, отвечающим исполнительской специфике профессиональной деятельности народного певца: работа с народно-песенным репертуаром, вокальная и сценическая работа, педагогическая и научная деятельность. Этнокультурный подход позволил уточнить формулировки компетенций с учетом специфики чувашской национальной музыкальной традиции. При описании характерных черт традиционного стиля чувашской музыки был использован фундаментальный труд М. Г. Кондратьева, посвященный чувашской музыке [Кондратьев, 2007]. Выделенные аспекты профессиональных компетенций – такие, как работа с народно-песенным материалом, вокальная работа, сценическая работа, педагогическая и научная деятельность являются показателями профессиональной подготовленности студентов направления подготовки «Искусство народного пения», на основе которых возможно оценивание уровня их подготовки. Описательные характеристики, т. е. содержание компетенций согласно ФГОС и их конкре-

тизация на основе этнокультурного подхода, являются критериями подготовленности. Необходимо отметить, что компетенции не формируются в рамках какой-либо отдельной дисциплины, для их развития нужен комплекс дисциплин, например: певческие народные стили, репертуар народного певца, вокальная методика, актерское мастерство, культура речи, народный танец и др. На наш взгляд, системообразующим для перечисленных дисциплин является разработанный авторский спецкурс «Режиссура народной песни», основная цель которого – формирование у студентов умений грамотно и творчески использовать особенности народно-песенной речи, региональную специфику исполнительской манеры, элементы народной хореографии, костюма и музыкального инструментария в сценических постановках. В плане занятий также предусмотрены концертно-творческая деятельность студентов в составе этнофолк-группы «Ярды» Чувашского государственного института культуры и искусств, в рамках которой студенты показывают весь комплекс приобретенных профессиональных компетенций.

Выводы

Обзор реализуемых подходов в процессе подготовки вокалистов показывает, что основная их цель направлена на формирование компетенций для работы с народно-песенным материалом, вокальной и сценической работы, педагогической и научной деятельности. Применение этнокультурного подхода в подготовке народных певцов является одним из основных, реализация которого позволяет дополнить образовательный стандарт за счет определения содержания профессиональной подготовки

с учетом региональной специфики фольклорного материала, локальной народно-песенной традиции, характерных особенностей национальной манеры исполнения. Несмотря на то, что компетенции формируются в рамках множества дисциплин, должна быть одна, в которой студенты могли бы демонстрировать весь комплекс сформированных компетенций. Одним из необходимых условий становления личности народного певца в процессе профессиональной подготовки является творческая деятельность студента в составе концертующего коллектива.

Список литературы

- Беляева Т. П. Фольклор на сцене // Музыкальный фольклор народов России. Москва : Московский государственный институт культуры, 2022 С. 7–10.
- Борисенко Т. Г. Современное состояние профессиональной подготовки исполнителей народной песни // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №60–2. С. 48–51. EDN [YPEOBV](#)
- Бояркина Л. Б. Из опыта работы Иллариона Яушева с народной песней (этнопедагогические принципы воспитания и исполнительский фольклоризм) // Вестник Мордовского университета. 2009. №2. С. 358–365. EDN [MQHJHD](#)
- Бурьяк М. К. Творчество новгородских самобытных певцов как эталон для современного народно-певческого образования // Музыкальное искусство и образование. 2020. №3. С. 159–174. DOI [10.31862/2309-1428-2020-8-3-159-174](https://doi.org/10.31862/2309-1428-2020-8-3-159-174). EDN [BWVBHY](#)
- Жиганова С. А., Фалько Г. Н. Современные эстрадные формы интерпретации народных песен // Культурная жизнь Юга России. 2017. №4. С. 134–136. EDN [YLVTWS](#)
- Ивошина С. А., Коноваленко С. П. Молодежные репродуцирующие фольклорные ансамбли как фактор возрождения народной музыкальной культуры // Студенческий научный форум. Текст : электронный. URL : <https://goo.su/dCWL> (дата обращения : 01.08.2023).
- Казакова Т. В. Теоретические подходы к определению профессиональной компетентности педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №60–1. С. 437–440. EDN [VARWKE](#)
- Клабукова А. В. Пути формирования исполнительского мастерства вокалистов в вузах культуры на основе деятельностного подхода // Вестник Московского университета культуры и искусств. 2018. №3. С. 182–193. EDN [YLZLQT](#)
- Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. Москва : ПЕР СЭ, 2007. 288 с. EDN [RAYXPZ](#)
- Кривенко Ж. Д. Тембр голоса народного певца как выразитель музыкального содержания русского песенного фольклора // Вестник Московского государственного института музыки им. А. Г. Шнитке. 2022. №3. С. 19–29. EDN [RBBLFA](#)
- Куликовская Е. В. Компетентностный подход в процессе вокально-стилевой направленности подготовки бакалавров искусства народного пения // Kant. 2019. №4. С. 289–294. EDN [ZVGGXV](#)
- Летина Н. Н., Ежгурова Н. А. Исполнительские парадигмы музыкального фольклора в современной массовой отечественной культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №4. С. 238–246. DOI [10.24411/2499-9679-2019-10614](https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10614). EDN [PHAZRU](#)
- Пивницкая О. В. Основные подходы к обучению народному пению в отечественной педагогике // Музыкальное искусство и образование. 2015. №1. С. 123–132.
- Шастина Т. В. Праксиологический подход к организации этнопевческой деятельности студента вуза культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. №2. С. 146–152. DOI [10.30725/2619-0303-2022-2-146-152](https://doi.org/10.30725/2619-0303-2022-2-146-152). EDN [NOFGVD](#)
- Щербакова О. С., Клоков С. Н. Формирование профессиональных компетенций руководителей народно-певческих коллективов в процессе изучения дисциплины «Народные инструменты фольклорной традиции» // Мир науки, культуры, образования. 2018. №5. С. 235–237. EDN [YOB0BN](#)

References

- Belyaeva T. P. (2022). Fol'klor na stsene. *Muzykal'nyy fol'klor narodov Rossii*, 7–10.
- Borisenko T. G. (2018). Modern State of Professional Preparation of Performers of Folk Song. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 60–2, 48–51. EDN: [YPEOBV](#)
- Boyarkina L. B. (2009). Iz opyta raboty Illariona Yausheva s narodnoy pesney (etnopedagogicheskie printsipy vospitaniya i ispolnitel'skiy fol'klorizm). *Mordovia University Bulletin*, 2, 358–365. EDN: [MQHJHD](#)
- Bur'yak M. K. (2020). Creative Work of Novgorod Original Singers as A Reference for Modern Folk-Singing Education. *Musical art and education*, 3, 159–174. <https://doi.org/10.31862/2309-1428-2020-8-3-159-174>. EDN: [BWVBHY](#)
- Zhiganova S. A., Fal'ko G. N. (2017). Interpretating Folk Songs in Modern Stage Style. *Cultural Studies of Russian South*, 4, 134–136. EDN: [YLVTWS](#)
- Ivoshina, S. A., & Konovalenko, S. P. (n.d.). *Molodezhnye reproduktivnyye fol'klornye ansambli kak faktor vrozhdeniya narodnoy muzykal'noy kul'tury*. *Studencheskiy Nauchnyy Forum*. Retrieved August 1, 2023, from <https://goo.su/dCWL>
- Kazakova T. V. (2018). Theoretical Approaches to Determining the Professional Competence of The Teacher. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 60–1, 437–440. EDN: [VARWKE](#)

- Klabukova A. V. (2018). Ways of Formation of Performing Skills of The Vocalist of The University: Sys-tem-Activity Approach. *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*, 3, 182–193. EDN: [YLZLQT](#)
- Kondrat'ev M. G. (2007). *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma*. PER SE. EDN: [RAYXPZ](#)
- Krivenko Zh. D. (2022). The timbre of the voice of a folk singer as an exponent of the musical content of Russian song folklore. *Bulletin of the Moscow A. Schnittke State Music Institute*, 3, 19–29. EDN: [RBBLFA](#)
- Kulikovskaya E. V. (2019). Competence Approach in The Process of Vocal and Style Training Bachelors of Folk Singing. *Kant*, 4, 289–294. EDN: [ZVGGXV](#)
- Letina N. N., Ezhurova N. A. (2019). Performing Paradigms of Musical Folklore in Modern Popular National Culture. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 4, 238–246. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10614>. EDN: [PHAZRU](#)
- Pivnitskaya O. V. (2015). The Main Approaches to Training Folk Singing in Russian Pedagogy. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie*, 1, 123–132.
- Shastina T. V. (2022). Praxiological Approach to The Organization of Ethno-Singing Activity of a Student in The University of Culture. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, 2, 146–152. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2022-2-146-152>. EDN: [NOFGVD](#)
- Shcherbakova O. S., Klokov S. N. (2018). Forming Professional Competencies of Leaders of The Folk Singing Collectives During the Mastering in Spacialization of “Peoples Instruments of The Folk Tradition”. *The world of science, culture and education*, 5, 235–237. EDN: [YOBONB](#)

Информация об авторе

Ульяндина Августа Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3675-2529>;
e-mail: avgusta.ulyandina@mail.ru

Information about the author

Uliandina V. Augusta – Cand. Sci. (Philol.), Assistant Professor, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3675-2529>;
e-mail: avgusta.ulyandina@mail.ru

Поступила в редакцию 31.07.2023
Принята к публикации 31.08.2023
Опубликована 01.09.2023

Received 31 July 2023
Accepted 31 August 2023
Published 01 September 2023

Рецензия на: Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан : ТӘҺСИ, 2015–2021

<https://doi.org/10.31483/r-107766>

УДК 811.512.14

Иванова А. М.

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова г. Чебоксары, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, e-mail: amivano@rambler.ru

Для цитирования: Иванова А. М. Рецензия на: Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан : ТӘҺСИ, 2015–2021 // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 3. С. 76-77. DOI 10.31483/r-107766. EDN ISPGBC

Review

Review of: Explanatory dictionary of the Tatar language. Kazan, 2015–2021

Alena M. Ivanova

 Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>, e-mail: amivano@rambler.ru

For citation: Ivanova A. M. (2023). Review of: Explanatory dictionary of the Tatar language. Kazan, 2015–2021. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(3), 76-77. EDN: ISPGBC. <https://doi.org/10.31483/r-107766>

В гуманитарной сфере существуют ориентиры, соответствие которым является показателем развитости изучаемого феномена. В лингвистике таким параметром можно назвать наличие толкового словаря. Существование их наряду с традиционными переводными лексикографическими источниками свидетельствует о высоких качественных параметрах и возможностях языка. В этом плане рецензируемый словарь – академическое издание, доказывающее высокую развитость и научную разработанность татарского языка.

В последние два десятилетия национальная лексикография в России и тюркская лексикография в целом, особенно толковая, переживают период значительного развития. Так, в эти годы обновлены существующие или заложены основы новых толковых словарей чувашского, якутского, казахского, узбекского языков. На общем фоне заметно выделяется новый шеститомный толковый словарь татарского языка. С одной стороны, словарь продолжает и развивает богатые академические традиции словарного дела в Татарии, с другой – отвечает требованиям прогрессивной лингвистической науки.

Татарский язык как второй по количеству носителей язык России нуждается в развитой лингвистической разработке. Во многом высокая степень изученности языка формируется лексикографическими трудами. Новый толковый словарь татарского языка представляет собой наивысшее достижение современной татаристики. Представляется, что данное издание в полной мере является аналогом известнейшего толкового словаря русского языка С. И. Ожегова. По сути, это настольная книга ученых, учителей, журналистов, студентов, школьников, и всех, кто интересуется татарской культурой в широком смысле. В целом толковые словари являются самыми используемыми изданиями. В этом смысле трудно переоценить важнейшее общественное значение данного словаря.

Словарь наиболее полно представляет лексический состав современного татарского языка во всех его проявлениях. Объем словаря – около 70 тысяч словарных статей. Значительное место в словаре занимают фразеологические единицы, количество которых достигает десяти тысяч.

Авторам удалось решить ряд проблем, среди которых определение статуса слова и отбор лексики для фиксации в словаре в качестве леммы, правописание сложных слов, разработка служебных частей речи, аутентичное оформление звукоподражаний и др. Если учесть, что эти проблемы являются общими для всех тюркских языков, то теоретическое значение работы представляется шире, чем на первый взгляд.

В словаре практически все толкования лемм подчинены системному принципу и тем самым обеспечено единообразие в оформлении словарных статей. В подаче и толковании составных глаголов, синонимичных, омонимичных и многозначных единиц также довольно четко просматриваются системный подход, что является важным качественным параметром и обычно достигается с большим трудом. Таким образом, и лексикографическая составляющая словаря выдерживает критическую оценку специалистов. На данный момент он является основой для новых разработок в области татарского языкознания.

Подобные словари рассчитаны на долгосрочную перспективу. Подготовка и реализация таких больших проектов требуют удачного стечения многих составляющих: наличия серьезной теоретической базы, кадровых и финансовых ресурсов. Здесь, видимо, наблюдается именно такое редкое стечение обстоятельств.

Словарь разрабатывался лексикографами Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан с начала 2000 годов. Его издание заняло семь лет. Бесспорно, в силу серьезной научной

проработанности словарь долгое время будет оставаться актуальным.

Авторский коллектив словаря представлен учеными, заявившими о себе в качестве квалифицированных специалистов: Ф. Тагировой, И. Сабитовой, Ф. Гаффаровой, Г. Саберовой, Э. Сафиной, О. Галимовой, Р. Сафарова. Не вызывает сомнения, что они в настоящее время являются лучшими языковедами в области татарской лексикологии, семасиологии и лексикографии.

Информация об авторе

Иванова Алена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, декан, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>; e-mail: amivano@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.08.2023
Принята к публикации 31.08.2023
Опубликована 01.09.2023

Словарь «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» – значительный труд не только в татароведении, но и в современной тюркологической науке. Настоящий проект представляет замечательное издание, наработки которого могут быть применены при подготовке аналогичных словарей на материале других языков. По сути новый толковый словарь является памятником современной письменной культуры татарского народа.

Information about the author

Alena M. Ivanova – Dr. Sci. (Phil.), dean, associate professor, Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1562-2147>; e-mail: amivano@rambler.ru

Received 01 August 2023
Accepted 31 August 2023
Published 01 September 2023

